

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

ПУТЕШЕСТВИЯ

Дневники путешествий
на Новую Гвинею и острова Адмиралтейства
в 1871—1883 годах

ВВОДНАЯ СТАТЬЯ
А. Б. ПИОТРОВСКОГО

1953

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1937 Ленинград

Н. Н. Миклухо-Маклай (1846 — 1888)

Для неполной средней и средней школы

Редактор *Н. Константинов*. Редактор-художник *Ю. Мезерницкий*. Технич. редактор *В. Никонова*. Корректор *Н. Штурц*. Книга сдана в набор 28/III 1937 г. Подписано к печати 13/VI 1937 г. Инд. Д-9. Лендетиздат № 23. Тираж 50.000 экз. Ленгорлит № 3243. Заказ № 596. Форм. бум. 84 × 108¹/₂. Печ. л. 36³/₄. Уч.-авт. л. 21,61. Тип. зи. в 1 бум. л. 92264. Бум. л. 9¹/₁₆. 3-я типография ОНТИ, Ленинград, ул. Монсеенко 10.

Цена в переплете 6 руб.

ОТ РЕДАКЦИИ

14 апреля 1938 года исполняется пятьдесят лет со дня смерти замечательного русского путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Это имя часто появлялось на страницах русских и иностранных газет в семидесятых и восьмидесятых годах прошлого века.

В те годы Николай Николаевич Миклухо-Маклай путешествовал по Новой Гвинее и островам Тихого океана, и в газетных заметках о его путешествии нередко бывало больше выдумки, чем правды. Газетные корреспонденты рассказывали всяческие небывлицы о жизни Маклая на Новой Гвинее. Одна газета именовала его папуасским королем, другая сообщала, что он нашел богатейшие россыпи золота, а третья — печатала «достоверные сведения» о том, что Маклай убит и съеден дикарями.

Гораздо реже, чем эти вздорные выдумки, появлялись в печати статьи самого Миклухо-Маклая. Обычно это были краткие научные сообщения, написанные сжатым, точным языком ученого, или отрывки из путевых дневников, которые день за днем вел Маклай во время своих далеких путешествий.

Миклухо-Маклай не обработал сам и не опубликовал всего собранного им материала. Для этого у него нехватило времени. Вся его короткая жизнь — он умер сорока двух лет отроду — прошла в путешествиях. Он совершил, начиная с 1871 года, четыре путешествия на Новую Гвинею; он объехал многие острова Океании, подолгу жил на Яве, в Сингапуре и в Австралии. В Россию, в Петербург, он приезжал не надолго в перерыве между двумя путешествиями.

Была еще одна сторона деятельности Миклухо-Маклая, которую он сам считал не менее важной, чем свою научную работу: в последние годы своей жизни он вел переговоры с местными колониальными властями в Океании и с русским правительством. От колониальных чиновников он требовал, чтобы они обуздали произвол торговцев, обиравших туземцев, а перед царским правительством ставил вопрос об организации на Новой Гвинее или на каком-либо другом из островов Океании русской колонии, — но не обычной колонии, а такой, в которой туземцы были бы свободны, автономны и управлялись бы по своим собственным законам.

Конечно, царской России ни к чему была колония, населения которой нельзя эксплуатировать, и Маклай добился лишь того, что прослыл утопистом и чудаком.

Долго, почти тридцать пять лет после смерти Миклухо-Маклая, пролежали его бумаги неразобранными. Только после Октябрьской революции, в 1923 году, в Москве был напечатан первый том его трудов, подготовленный к печати известным географом Д. Н. Анучиным. В этот том вошла часть

дневников Маклая и некоторые его статьи о папуасах.

О путешествиях Миклухо-Маклая написано несколько книжек для детей и для юношества. Тут и «Человек с луны» Васильевой, и «Один среди дикарей» Пименовой, и многие другие. В основу всех этих книг положены подлинныe дневники Миклухо-Маклая. Писатели пересказали их, более или менее далеко отклонившись от подлинника. Книги получились чрезвычайно интересные.

Однако мы полагаем, что подлинныe дневники знаменитого путешественника, в которых он сам подробно рассказывает о своей жизни и о своих исследованиях в далеких тропических странах, будут еще интереснее для молодого читателя. Дневники Миклухо-Маклая помогут читателю представить себе не только природу островов Океании, не только быт туземцев, — они дадут ему возможность услышать живой голос великого путешественника.

В наше издание входят дневники путешествий Миклухо-Маклая на Новую Гвинею и острова Адмиралтейства.¹

Дневники подверглись некоторому сокращению. В тех немногих случаях, когда длинноты отдельных

---

¹ Текст дневников дан по следующим источникам: новогвинейские дневники — по их первому изданию (издательство „Новая Москва“, 1923 г.), дневник путешествия в 1876 году по островам Адмиралтейства — по журналу „Известия Русского географического общества“, т. XIV, 1878 г., дневник посещения острова Андра в 1879 году — по журналу „Северный вестник“, № 12 за 1887 г. и № 1 за 1888 г.

фраз и некоторые стилистические шероховатости затрудняли чтение, мы позволили себе отступить от подлинного текста.

Большинство иллюстраций — это рисунки самого Миклухо-Маклая; некоторые фотографии и рисунки заимствованы из книг о Новой Гвинее О. Финша, Б. Хагена, Р. Паркинсона и др.; зарисовки туземных орудий и предметов утвари сделаны художником С. М. Дудиным.

В приложенной статье ученого этнографа А. Б. Пиотровского даны краткие сведения о жизни Миклухо-Маклая и научном значении его исследований. Более подробно в статье говорится о тех путешествиях Маклая, которые в этой книге им самим не описаны.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МИКЛУХО-МАКЛАЙ

1846—1888

1

Николай Николаевич Миклухо-Маклай родился 5 июля 1846 года в селе Рождественском, близ города Боровичей Новгородской губернии. Отец его был инженером. Он умер, когда Николаю было всего одиннадцать лет. В том же году мальчика отдали в немецкую петербургскую школу, а через год перевели во вторую гимназию. Однако Миклухо-Маклай гимназии не кончил: он плохо мирился со школьной дисциплиной, нередко вступал в споры с преподавателями и был исключен из шестого класса под предлогом неуспешности в некоторых предметах.

Семнадцати лет отроду Миклухо-Маклай поступил вольнослушателем в Петербургский университет на физико-математический факультет, но и здесь не поладил с начальством, и уже в 1864 году был уволен на том основании, что неоднократно нарушал правила, установленные для вольнослушателей. К увольнению Миклухо-Маклая из университета была

причастна и полиция. В архиве университета сохранилась бумага петербургского обер-полицеймейстера с требованием взять у Миклухо-Маклая подписку в том, что он не будет более являться в университет. В своей автобиографии Николай Николаевич писал, что из Петербургского университета он был исключен без права поступления в другие русские университеты.

Потеряв возможность учиться в России, Миклухо-Маклай в том же, 1864, году уехал за границу, в Германию, и с этих пор начались его скитания по заграничным университетам. Сначала Миклухо-Маклай поступил на философский факультет Гейдельбергского университета, потом на медицинский факультет в Лейпциге, а оттуда перебрался в Иену. В Иене он снова поступил на медицинский факультет и слушал там лекции выдающихся ученых того времени — биологов, антропологов, медиков и др.

Как раз те годы, когда Миклухо-Маклай учился в немецких университетах, были годами расцвета естествознания. Открытия Чарлза Дарвина произвели в биологии настоящую революцию. В основу всего дальнейшего развития естественных наук легло учение Дарвина об изменчивости, о постепенном развитии растений и животных из более простых форм в более сложные. Краеугольным камнем учения Дарвина была теория естественного отбора. Дарвин учил, что в борьбе за существование выживают только те организмы, которые наиболее всего приспособлены к условиям окружающей среды.

Миклухо-Маклай особенно увлекся сравнительной анатомией. Эта наука изучает сходство и различие

животных форм, стремится установить родство между организмами различных видов. Дарвинизм влил новое содержание в анатомию, и с этого времени биологи стали считать своей главной задачей — выяснить происхождение различных животных видов и весь путь их развития.

В 1866 году Миклухо-Маклай предпринял свое первое путешествие за пределы Европы, на Канарские острова. В то время он был ассистентом известного зоолога, пропагандиста Дарвиновой теории, профессора Эрнста Геккеля. Экспедиция пробыла около четырех месяцев на острове Лансероте. Миклухо-Маклай занимался там анатомией губок и изучением мозга хрящевых рыб.

В следующем году для продолжения сравнительно-анатомических работ Миклухо-Маклай отправился с ученым биологом Дорном в Мессину, на остров Сицилию.

Доктор Дорн был неутомимым организатором морских зоологических станций. На таких станциях, по идее Дорна, ученые изучают морских животных в условиях окружающей их естественной среды, а не только на лабораторном столе. Впоследствии Дорн основал образцовую зоологическую станцию в Неаполе. Миклухо-Маклай тоже горячо сочувствовал этой идее, и много лет спустя ему удалось организовать зоологическую станцию в Сиднее, в Австралии.

В феврале 1868 года Миклухо-Маклай отправился в новое путешествие — на берег Красного моря. Это путешествие было не только трудным, но и очень опасным делом. Арабы относились ко всем европейцам чрезвычайно враждебно, и, чтобы не

быть убитым или проданным в рабство, Миклухо-Маклай был вынужден выдавать себя за ученого арабского лекаря: он носил чалму и бурнус, брил голову и тщательно соблюдал все мусульманские обряды. Прежде чем отправиться в путешествие, Миклухо-Маклай изучил арабский язык, и благодаря этому никто не заподозрил в нем европейца. Однако молодому ученому понадобилось немало хладнокровия и выдержки, чтобы до конца играть взятую на себя роль. Путешествие было очень трудным: нередко Маклаю приходилось голодать, не раз ему грозил солнечный удар, когда в тридцатипятиградусную жару он собирал морских животных на коралловых рифах; не избег он и лихорадки и цынги.

Это путешествие было для него «боевым крещением». Оно приучило Маклая бороться с лишениями, переносить жару, развило в нем выдержку и осторожность — качества, необходимые для настоящего путешественника.

В июле 1869 года Миклухо-Маклай вернулся через Константинополь в Россию. Но в России он прожил недолго. Вскоре его всецело захватила мысль о новом путешествии. Молодого ученого привлекала богатейшая фауна Тихого океана. Изучение тихоокеанской фауны казалось ему особенно важным, — именно там он надеялся найти ответ на много сложных вопросов об эволюции животных и, в частности, на важнейший вопрос о зависимости организации животных от условий окружающей среды.

Кроме того, Миклухо-Маклай надеялся, что путешествие в Тихий океан даст ценный материал для

освещения одного из самых жгучих вопросов антропологии (науки о человеке) — вопроса об единстве происхождения человека.

В то время в антропологии велась ожесточенная борьба между «моногенистами», которые утверждали, что человеческие расы произошли от одного ствола, и «полигенистами», которые пытались доказать, что человеческие расы произошли от нескольких независимых друг от друга стволов. Белый человек и черный человек — утверждали полигенисты — представляют две различные породы, настолько же несхожие между собой, как сова и орел.

Отсюда полигенисты делали реакционный вывод, игравший на руку капиталистам-колонизаторам, что человеческие расы неравноценны: одни люди — белые — самой природой якобы предназначены для господства, другие — цветные — неспособны развиваться и обречены на подчинение.

Из русских ученых того времени горячим последователем теории единства происхождения человека был академик Бэр. Он говорил, что все «доказательства» полигенистов не опираются на проверенный фактический материал и что для решения вопроса необходимо глубокое и всестороннее изучение людей различных рас, от европейцев до жителей тропических стран.

В то время одним из наиболее отсталых народов считались папуасы — обитатели Новой Гвинеи. Поэтому они особенно заинтересовали Бэра.

«Является желательным и, можно даже сказать, необходимым для науки изучить полнее обитателей Новой Гвинеи», писал Бэр в одной из своих статей.

Под влиянием Бэра Миклухо-Маклай и наметил первым этапом своей экспедиции в Тихий океан Новую Гвинею. В 1870 году он обратился в Русское географическое общество с проектом экспедиции, рассчитанной на семь-восемь лет, причем первый год он предполагал прожить в тропиках, а потом постепенно двигаться на север, до самых берегов Охотского и Берингова морей. «Первым же полем моей деятельности, — писал Миклухо-Маклай, — будет Новая Гвинёя».

Программа экспедиции была задумана очень широко: в нее входили не только исследования по специальности Миклухо-Маклая — зоологии и сравнительной анатомии, — но также и по метеорологии, антропологии и этнографии. Однако этот проект не встретил сочувствия в Географическом обществе. Большинство его членов считали экспедицию в далекий Тихий океан чем-то неинтересным и ненужным.

Лишь после многих хлопот Миклухо-Маклай добился разрешения отправиться в Тихий океан на одном из военных судов. Ему выдали субсидию в 1350 рублей, а в остальном он был всецело предоставлен собственным силам.

27 октября 1870 года Миклухо-Маклай покинул Кронштадт на корвете «Витязь», который отправлялся в кругосветное плавание и по пути должен был высадить ученого на Новой Гвинее.

«Витязь» пересек Атлантический океан, зашел в Рио-де-Жанейро, а оттуда направился вокруг мыса

Горн в Вальпарайсо. Из Вальпарайсо он взял курс на остров Пасхи и 24 июня 1871 года лег в дрейф на рейде у берегов острова.

Маленький, площадью всего в 118 квадратных километров, остров Пасхи, принадлежащий южно-американской республике Чили, лежит совершенно уединенно в юго-восточной части Тихого океана. Название острову дал голландский адмирал Роггевейн, который открыл его в день Пасхи, 6 апреля 1722 года. Туземное же название острова — Рапа-Нуи. Остров пустынен и почти бесплоден. Его экономическое значение ничтожно, но на этом островке уже первые путешественники нашли остатки интересной древней культуры: колоссальные (до 15 метров высоты) каменные статуи и деревянные дощечки с вырезанными на них письменами, которые не расшифрованы еще и до сих пор.

К сожалению, Миклухо-Маклаю не пришлось даже высадиться на берег: «Витязь» простоял у острова Пасхи всего только два часа, так как в это время года командир считал небезопасной стоянку у острова, не имеющего удобной гавани.

Следующей стоянкой «Витязя» был остров Питкерн. К этому острову корвет прибыл 2 июля. Лихорадка не позволила Миклухо-Маклаю съехать на берег, но все же он вышел на палубу, чтобы полюбоваться красивым, покрытым зеленью возвышенным островком.

Несмотря на то, что корвет держался довольно далеко от берега, к нему подъехали туземцы на небольших узких пирогах. Островитяне были одеты в рубашки и длинные штаны и все говорили по-английски. Они привезли фрукты, овощи, свиней,

кур, уток. Все это они променяли на старое белье, платье, посуду, порох, краски; от денег они отказывались. К сожалению, Миклухо-Маклаю удалось только мельком познакомиться с питкернцами, — в тот же вечер «Витязь» снялся с якоря и продолжал свое плавание. Между тем Маклаю очень хотелось познакомиться с обитателями острова Питкерн поближе, потому что история заселения острова чрезвычайно интересна.

История эта вкратце такова:

23 декабря 1787 года из английского порта Спитхед вышел военный корабль «Bounty» («Великодушие»). Ему было поручено перевезти с архипелага Таити на Антильские острова хлебное дерево. Капитан «Bounty» Блай, спутник Кука в его последнем путешествии, был опытный мореплаватель, но отличался чрезвычайной жестокостью. Вскоре среди матросов началось глухое брожение, а 28 апреля 1789 года на корабле вспыхнул мятеж. Матросы арестовали капитана и почти всех офицеров корабля, посадили их в шлюпку и, снабдив солониной и несколькими боченками пресной воды, оставили их в открытом море.

Капитан Блай и его спутники с большим трудом добрались до острова Тимора и оттуда вернулись в Англию. Узнав о мятеже, английское правительство послало в Тихий океан фрегат «Пандору» для поимки бунтовщиков. После долгих поисков — на Таити, в бухте Матавай, «Пандора» отыскала в туземной деревне двух офицеров с «Bounty».

Эти офицеры рассказали, что, оставив шлюпку Блая на произвол судьбы, мятежники отправились в архипелаг Таити. В тот же день они достигли

острова Тубуай. Здесь они собирались высадиться на берег, но, встретив сопротивление туземцев, вынуждены были бежать и направились в бухту Матавай на острове Таити. Однако в эту бухту часто заходили европейские суда, и потому скрываться в ней было небезопасно.

Несколько месяцев блуждало судно от острова к острову в поисках убежища. Наконец, утомленные постоянными столкновениями с туземцами, мятежники вернулись обратно в бухту Матавай. Большая часть матросов немедленно съехала на берег, чтобы заpastись водой и провизией. На «Bounty» остались лишь немногие матросы, принимавшие наиболее активное участие в мятеже, во главе с руководителем восстания — Христианом. Не доверяя съехавшим на берег матросам, которые давно уже выражали недовольство Христианом, мятежники подняли паруса и уплыли в море, оставив своих товарищей на берегу.

Матросы, оставленные на Таити, поступили по-разному: одни расселились по таитянским деревням и зажили мирной жизнью, другие же, из страха перед смертной казнью, ожидавшей их в случае поимки, решили построить судно, вернуться в Европу и под чужими именами начать новую жизнь. После нескольких месяцев упорного труда они построили небольшое судно, которое назвали «Решение», и пустились в свое путешествие к берегам Европы. Что стало с ними, — удалось ли им вернуться в Европу, или они погибли вместе со своим суденышком, так до сих пор и остается неизвестным.

Что же касается тех мятежников, которые отпра-

вились на «Boonny» дальше, то их долго не удалось разыскать. Прошло двадцать пять лет, вся история была уже давно забыта, когда английская эскадра, крейсировавшая в Тихом океане, подошла к маленькому уединенному острову Питкерн, лежащему в 1200 милях к западу от Таити. Командир эскадры Стайн решил найти здесь место, удобное для якорной стоянки, и исследовать заброшенный островок. Приближаясь к берегу, он очень удивился, увидав хижины, плантации и двух туземцев, спускавших на воду лодку. Изумление его достигло крайних пределов, когда туземцы, подойдя на своей лодке к кораблю, заговорили с матросами по-английски. Из их рассказов выяснилось, что они — потомки мятежников с «Boonny». Один из островитян оказался сыном Христиана.

Основанная мятежниками колония существует до сих пор.

Продолжая свой путь от острова Питкерн, «Витязь» подошел рано утром 8 июля к острову Мангарева. Корвет бросил якорь недалеко от главного селения, расположенного у подошвы живописной горы Дуф. Около полудня на корвет приехали с острова два миссионера. Сопровождавшие их туземцы привезли на продажу фрукты, жемчуг, перламутр. Все это они старались обменять на старое белье и платье; особенно они ценили рубашки. Кроме вещей, они соглашались принимать также серебряные чилийские доллары. О ценности денег у туземцев было самое неясное представление: многие не хотели брать золотых монет, требуя непременно серебряных.

У острова Мангарева корвет простоял несколько

дней, — и все это время Миклухо-Маклай прсвел на берегу, занимаясь антропологическими измерениями.

Возобновив запас пресной воды и провизии, «Витязь» продолжал свое плавание к берегам Новой Гвинеи. По дороге корвет заходил еще в Папейти на острове Таити и в Апию на острове Уполу в архипелаге Самоа. В Апии Миклухо-Маклай нанял двух слуг, о которых он так много пишет в своем дневнике, — шведа Ульсона и полинезийца Боя. Затем «Витязь» зашел на остров Ротуму и в порт Праслин на Новой Ирландии.

Седьмого сентября 1871 года, на триста шестнадцатый день плавания, корвет бросил якорь в заливе Астролябии у северо-восточного берега Новой Гвинеи.

3

Остров Новая Гвинея, изучение которого стало с этого времени главным делом жизни Миклухо-Маклая, — это второй по величине после Гренландии остров на земном шаре. Площадь его равна 804 500 квадратным километрам.

В глубине острова возвышаются высокие снеговые горы. Природа Новой Гвинеи поражает европейца своей роскошью и разнообразием. Весь остров порос непроходимыми лесами, — пальмами, фикусами, мангровыми деревьями, араукариями и панданусами.

«Трудно представить себе что-либо более оригинальное, чем эти деревья, — пишет о панданусах

русский ботаник Арнольди. — Они стоят точно на подпорках, так как от их стволов вырастают многочисленные корни, которые углубляются в землю. Их листья, узкие и длинные, обыкновенно снабжены острыми шипами по краям и сидят винтообразно на концах ветвей дерева».

Высших животных — млекопитающих — на Новой Гвинее немного; там водятся собаки (прирученные туземцами), кабаны, мыши, летучие мыши и сумчатые — те же, что и в Австралии — кенгуру и кукус. На Новой Гвинее водятся также огромные ящерицы-вараны. Зеленый варан достигает метра длины; кожей его туземцы обтягивают свои барабаны.

В реках много крокодилов, которые, впрочем, не опасны, так как никогда не нападают на человека.

Мир птиц здесь богаче, чем в каком-либо другом месте земного шара: только на Новой Гвинее и на соседних островах водятся райские птицы с ярким оперением.

В новогвинейских лесах множество попугаев, больших казуаров, венценосных голубей и других птиц.

Новая Гвинея славится гигантскими бабочками; размах их крыльев достигает двадцати сантиметров. Туземцы охотятся на этих бабочек с настоящим луком и стрелами, только маленькими.

Коренные жители Новой Гвинеи папуасы, пигмеи и меланезийцы. Все эти племена сходны между собой. Папуасы живут главным образом внутри острова, а меланезийцы населяют исключительно морское побережье. «Пигмеями» называют малорослые

племена, живущие разбросанно, мелкими группами, в разных частях Новой Гвинеи.

Все туземцы острова занимаются земледелием (огородничеством). Важное значение в их хозяйстве

Новогвинейский панданус

имеет добывание саго. Саго — это крахмал, получаемый из сердцевины саговой пальмы. Туземцы едят эту мучнистую массу в печеном или вареном виде.

Подсобные отрасли хозяйства туземцев — охота и рыбная ловля. Охотничье оружие новогвинейцев — лук, стрелы и копья. Охотятся они главным образом на кабанов. Целыми деревнями отправляются

они на кабанью охоту и устраивают большие облавы, выжигая траву и кустарник. Пойманных на охоте поросят туземцы берут с собой в деревни и выкармливают как домашних животных. Кроме свиньи, единственное домашнее животное на Новой Гвинее — это собака; собачье мясо туземцы едят, и оно считается лакомым блюдом. Рыбу ловят чаще всего по ночам с лодки-пироги, острогой, при свете факелов. Лодки у новогвинейцев долбленые, из целого ствола дерева.

Все новогвинейские племена не вышли еще из того состояния, которое в науке называется новым каменным веком, или неолитом, то есть эпохой шлифованных каменных орудий. Главное орудие новогвинейцев — это каменный топор. Им рубят деревья, выдалбливают из древесных стволов лодки и т. д. Шлифуются топоры на точильном камне (песчанике).

Первобытному уровню хозяйства новогвинейских туземцев соответствует и их общественное устройство.

Все туземные племена Новой Гвинеи живут родовым, первобытно-коммунистическим строем. У многих племен все члены рода живут в одном «длинном доме» (до полутора метра длины). Земля принадлежит всему роду, и члены рода обрабатывают ее сообща.

Чтобы стать полноправным членом рода, юноша должен пройти сложный обряд посвящения. Во время этого обряда туземцы устраивают пышный праздник. На пир сходятся мужчины из соседних деревень, — женщины и дети к участию в торжестве не допускаются.

Каждый род имеет своего старшину, но власть его невелика: все важные дела решает совет старших членов рода.

4

Первым европейцем, посетившим Новую Гвинею, был португальский мореплаватель Иоргэ де Менесес, — его корабль в 1526 году прибило бурей к северному берегу острова. В 1545 году на острове побывал испанский мореплаватель Иньиго Ортес де Ретес, который и назвал остров Новой Гвинеей: здешние туземцы показались ему похожими на негров африканской Гвинеи. В XVIII и начале XIX века берега Новой Гвинеи посетили многие знаменитые путешественники: Кук, Дантркасто, Дюперре, Дюмон Дюрвиль и другие.

В 1824 году Новой Гвинеей завладели Англия и Голландия. Голландия захватила западную часть острова, Англия — восточную. С этого времени английские ученые стали более энергично изучать Новую Гвинею. В 1835 году Блэквуд составил карту юго-восточных береговых областей. В 1850 году Оуэн Стэнли открыл горы, названные его именем. В 1858 году Новую Гвинею посетил знаменитый английский натуралист Альфред Рассель Уоллес. Он положил начало более глубокому изучению фауны и флоры Новой Гвинеи.

И все-таки к началу 1870-х годов, когда Миклухо-Маклай предпринял свое путешествие, внутренняя часть Новой Гвинеи была еще совершенно не исследована, а берега были изучены далеко недо-

статочно. «Рифы около ее берегов, — писал известный географ Элизе Реклю, — болота, леса и даже самая ее величина охраняли Новую Гвинею от белых завоевателей». В частности побережье залива Астролябии, где Маклай решил высадиться, до него не посетил ни один европеец. Дюмон Дюрвиль, открывший этот залив в 1827 году во время крутосветного плавания на корвете «Астролябия», не высаживался на берег, а производил съемку берега с корабля.

Туземцы встретили русских моряков с видимым страхом и недоверием. Правда, они пускали белых в свои деревни, не выказывали никакой неприязни к ним и при встречах клали оружие на землю в знак миролюбия, но все-таки прятали женщин и детей. За все время стоянки корвета в заливе Астролябии моряки не видели ни одной женщины. Папуасы не доверяли белым и очень боялись их. Стоило, например, моряку зажечь спичку, как папуасы разбежались. И все-таки, решив поселиться на этом диком берегу среди первобытного леса, Маклай подвергал себя громадному риску. После ухода корвета с многочисленным экипажем, с пушками на борту, туземцы могли по-своему расправиться с путешественником. Но Миклухо-Маклай был не из тех людей, которые отступают перед опасностью. И хотя командир «Витязя» всячески отговаривал его оставаться на Новой Гвинее, Маклай не отказался от своего намерения и просил командира как можно скорее приступить к постройке дома.

В несколько дней матросы корвета выстроили для путешественника хижину на сваях.

Перед уходом корвета Маклай указал командиру

«Витязя» место, где он зароел свои бумаги в том случае, если ему будет грозить смерть. Он заранее позаботился о том, чтобы после его смерти результаты исследований, ради которых он рисковал жизнью, были сохранены для науки.

15 сентября 1871 года корвет снялся с якоря, оставив на берегу Миклухо-Маклая и двух его слуг — Ульсона и Боя.

В своем дневнике Маклай подробно рассказывает, как он прожил среди папуасов целый год; какие трудности и лишения пришлось ему перенести; как, измученный болезнью, умер его слуга полинезиец Бой; как удалось ему постепенно завоевать доверие и дружбу туземцев.

Ни постоянная лихорадка, ни многочисленные трудности в работе не сломили энергии Маклая. Это первое его путешествие на Новую Гвинею дало большие и ценные материалы, и научный подвиг Миклухо-Маклая скоро стал широко известен.

Прошло больше года со дня высадки Маклая на берег залива Астролябии, когда в одной австралийской газете появилось известие, будто в залив заходило купеческое судно и нашло в живых только слугу Маклая, шведа Ульсона. Слух об этом дошел до Петербурга, и клиперу «Изумруд», который совершал тогда кругосветное плавание, было поручено зайти на Новую Гвинею.

Один из офицеров «Изумруда» описал свое путешествие в интересной статье, помещенной в «Вестнике Европы» за 1874 год («В поисках за Миклухо-Маклаем»).

«Находясь в трех или четырех милях от порта Константина, — говорится в статье, — моряки на-

правили на берег подзорные трубы и бинокли, выискивая признаки отшельника, хотя в душе все отчаялись найти его живым».

Наконец один из офицеров заметил русский флаг, развевавшийся между ветвями громадных деревьев. Он пришел в такое волнение от своего открытия, что едва мог сообщить о нем командиру. Клипер прибавил ходу, и скоро моряки увидели дом, увидели, как от берега отвалили две пироги и направились навстречу клиперу. В одной из пирог сидел худой, обросший бородою европеец в истрепанном платье. Это был сам Миклухо-Маклай.

На следующий день Маклай объявил папуасам о своем отъезде. Горю туземцев не было границ; они всячески упрашивали своего белого друга остаться и, прощаясь с Маклаем, надеялись, что он уедет не надолго и снова вернется к ним.

10 декабря 1872 года Маклай и Ульсон перебрались на клипер, и «Изумруд» снялся с якоря.

5

Результаты своих естественно-исторических, антропологических и этнографических исследований Маклай впоследствии опубликовал в русских и иностранных научных журналах.

Из этих статей самое большое научное значение имеют «Антропологические заметки о папуасах берега Маклая в Новой Гвинее» и «Этнологические заметки о папуасах берега Маклая в Новой Гвинее».

В «Антропологических заметках» Маклай первый подробно описал физический тип папуасов залива

Астролябии. Он опроверг распространенное в науке того времени мнение, будто папуасам присущи особые свойства — свойства «низших» рас, которые отличают их от людей «высших» рас. Так, он говорит:

«Я никоим образом не могу согласиться с авторами, которые приписывают папуасам какую-то особенную жесткость кожи. Не только у детей и женщин, но и у мужчин кожа гладкая и ничем не отличается в этом отношении от кожи европейцев».

Маклай выяснил, что волосы у папуасов растут вовсе не пучками, как это утверждали многие авторы, а «совершенно так же, как у европейца», и что «отдельный волос. . . представляет спираль, отличающуюся от всякого другого курчавого волоса (например, европейца) лишь своими более узкими завитками».

Эти факты сохранили все свое значение и для нашего времени; ведь, именно теперь так называемая «расовая теория» стала в руках фашистов политическим орудием. Антинаучные «доказательства» неравноценности рас фашисты используют для оправдания отвратительного антисемитизма, для оправдания наиболее реакционного и варварского режима в мире.

Громадную ценность имеют и «Этнологические заметки» Маклая.

Характеризуя состояние этнографии, как науки, в то время, к которому относится первое путешествие Маклая на Новую Гвинею, один из наиболее выдающихся русских этнографов, Л. Я. Штернберг, говорит: «Огромный материал, собранный ты-

сячами наблюдателей в самых различных частях света, был в значительной степени тормозом для правильного развития науки... большая часть материала была собрана... путешественниками, которые, не зная языка наблюдаемых народов, не будучи подготовлены к восприятию явлений чуждого быта, не стеснялись констатировать, как достоверные факты, свои мимолетные не проверенные впечатления, часто записывали по наслышке факты небывалые и даже достоверные наблюдения настолько перемешивали с произвольными утверждениями, что весь такой материал чаще всего мог только вводить в заблуждение исследователя».

Наоборот, характерными чертами Миклухо-Маклая, резко выделявшими его из ряда других этнографов того времени, были строгость и требовательность к себе, осторожность в выводах, тщательность описаний.

Миклухо-Маклай первый дал подробную характеристику материальной культуры папуасов залива Астролябии. Он описал их жилища, одежду, утварь, орудия производства, оружие и собрал богатую этнографическую коллекцию, которую впоследствии передал Академии наук.

Маклаю пришлось встретиться с большими трудностями уже потому, что, поселившись среди папуасов, он сначала вовсе не знал их языка. В своем «Дневнике» и в «Этнологических заметках» он упоминает о тех трудностях, которые ему пришлось преодолеть, чтобы узнать названия даже самых обыкновенных предметов.

Недостаточное знание языка сильно мешало Маклаю глубже изучить общественный строй и верова-

ния папуасов; поэтому с присущей ему научной добросовестностью Миклухо-Маклай ограничился очень тщательным, хотя и только внешним описанием различных обычаев и обрядов, которые ему пришлось наблюдать.

«Я мог бы, — говорит он, — на основании собранного материала написать целый трактат о религиозных представлениях и церемониях и изложить суеверия папуасов, высказав ряд гипотез об их мирозерцании. Я мог бы это сделать, если бы рядом с моими личными наблюдениями и заметками я поставил то, чего не видел и не наблюдал, и прикрыл бы все это предположениями... Такой образ действий, однако, мне противен: он ставит преграду на пути научного проникновения в это и без того нелегкое для исследований поле воззрений и понятий расы, очень отдаленной от нас по степени своего культурного развития».

Кроме того общее состояние тогдашней науки препятствовало Маклаю глубже изучить общественный строй папуасов. Роль этнографов сводилась тогда лишь к накоплению описательного материала и к сбору коллекций. Обобщить и осмыслить накопленные материалы по общественному устройству первобытных народов и восстановить таким путем доисторическую основу писаной истории ученые того времени еще не могли. Это было сделано позже — Морганом и основоположниками научного социализма Марксом и Энгельсом.

И все-таки ценность материалов Миклухо-Маклая очень велика. Они дали возможность исследователям, пришедшим после него, составить себе правильное представление об общественном строе

папуасов Новой Гвинеи и таким образом многое узнать о строе первобытного общества.

Миклухо-Маклай подробно описал земледелие, охоту, рыбную ловлю папуасов, их военные игры, пиры при сборе урожая и т. д. Из этих описаний видно, что и производство и потребление носят у папуасов коллективный характер, что их общество — это первобытно-коммунистическое общество. Кроме того, Маклай установил, что «у папуасов берега Маклая нет ни торговли, ни упорядоченного обмена. Если несколько жителей прибрежной деревни отправляются в другие деревни, то они забирают с собою обыкновенно все, что у них имеется в избытке, и несут с собою в виде подарка. При уходе они получают ответные подарки, состоящие из продуктов, бывающих всего чаще в той деревне». Отсюда следует, что у папуасов обмен еще очень неразвит и не может вызвать экономического неравенства между членами группы. Маклай описал также разделение труда у папуасов, положение женщины, организацию управления. Собранные им материалы показывают, что единственная известная папуасам форма разделения труда — это разделение по полу и возрасту, что женщина не находится у них в порабощении, что у них отсутствуют элементы социального неравенства: «на берегу Маклая нет, собственно говоря, начальников; всем взрослым принадлежит одинаковое право голоса, но между ними находятся более влиятельные, отличающиеся своим умом или ловкостью, которых люди слушаются, принимая от них советы...»

Эти наблюдения Миклухо-Маклая очень важны. Они показывают, что Маклай подошел к изучению

первобытных народов совсем иначе, чем подходило большинство ученых его времени. Буржуазные ученые постоянно приписывают первобытным народам те же отношения, какие существуют в буржуазном обществе, они «стирают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные». ¹

Миклухо-Маклай в своих исследованиях преодолел эту ограниченность буржуазной научной мысли и благодаря этому сумел передать в своих записках подлинные черты первобытного строя.

6

С Новой Гвинеей «Изумруд» направился в Манилю на острове Лузоне в Филиппинском архипелаге. По пути клипер заходил на Молуккские острова (Тернате и Тидор) и на остров Целебес. В Манилье «Изумруд» должен был простоять пять дней, и Миклухо-Маклай решил воспользоваться этим временем, чтобы познакомиться с первобытными обитателями острова Лузона — негритосами.

Как только «Изумруд» бросил якорь на манильском рейде, Маклай переплыл в рыбацкой лодке на берег. Переночевав в деревне Лимай, он на следующий день нанял проводника и отправился с ним в горы Маривелес, — по словам прибрежных жителей, там находилось становище негритосов. Скоро он действительно достиг этого становища. Негри-

---

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 31. Партиздат, М., 1933.

тосы гостеприимно приняли его, и Маклай прожил с ними два дня.

Негритосы по-испански значит — «маленькие негры». Испанцы назвали так это племя, удивляясь маленькому росту обитателей Лузона (около 150 сантиметров). Негритосы находятся на более низком уровне культурного развития, чем папуасы Новой Гвинеи; они ведут бродячий образ жизни, занимаются охотой, рыбной ловлей и собиранием съедобных корней и клубней. Только некоторым племенам, смешавшимся с малайцами, известно земледелие. Охотятся негритосы коллективно, и добыча делится поровну между всеми участниками охоты. У негритосов есть такой обычай: когда негритос садится есть, он обязан несколько раз громко крикнуть об этом. Кто бы ни услышал его, может притти и есть вместе с ним.

Жилище негритосов — «пондо» — переносный шалаш из пальмовых листьев. Человек обычного роста может в таком шалаше только сидеть или лежать, но не стоять. В течение четверти часа негритосы сделали пондо и для Маклая.

Из Манильи «Изумруд» направился в Гонг-Конг. Здесь Миклухо-Маклай покинул клипер и на пассажирском пароходе проехал в Сингапур, а оттуда в Батавию на Яве.

7

В декабре 1874 года Маклай предпринял путешествие вглубь полуострова Малакки. Он поехал туда, чтобы изучить первобытные карликовые племена

(семангов, сакаев, якун и других). Эти племена по своему физическому типу и культуре сходны с негритосами Филиппинских островов. В то время они были совершенно не изучены. Ни один из европейских ученых ни разу даже не видал этих «лесных людей», как называли их малайцы.

В Иохоре Маклай получил от магараджи «открытый лист». Лист предписывал всем деревенским старшинам доставлять путешественнику проводников и носильщиков. Маклай двинулся в путь. Экспедиция была сопряжена с большими трудностями. Прежде всего, время было выбрано неудачно: декабрь — самая дождливая пора на полуострове; реки и ручьи вышли из берегов и затопили все низкие места; в лесах тоже стояли целые озера воды.

Чем дальше, тем труднее делался путь: приходилось целыми днями шагать по колено, а то и по грудь в воде. Пройдя через джунгли к устью реки Муар, впадающей в Малаккский пролив, Маклай нанял плоскодонную лодку и отправился вверх по реке. Достигнув реки Палон, притока Муара, путешественник впервые увидел шалаши «лесных людей». Но познакомиться с туземцами ему не удалось: заметив лодку, они поспешно скрылись в лесу. Продолжая путь, Маклай достиг устья реки Индау, впадающей в Китайское море, и, таким образом, пересек весь полуостров Малакку с запада на восток. Отсюда он вернулся в Иохор. По пути Маклай видел много туземцев, но все это были не «лесные люди», а уже породнившиеся с малайцами якуны.

Неудовлетворенный результатами своего путешествия, Маклай решил предпринять новое, во внутрен-

ние области полуострова, куда еще не ступала нога европейца и где он надеялся встретить настоящих «лесных людей».

Он отправился в столицу Сиама Бангкок и там заручился письмом от сиамского короля, в вассальной зависимости от которого в то время находилась почти половина Малакки. В этом письме король предписывал всем своим вассалам мелким князькам-раджам Малакки оказывать ученому всякое содействие.

С письмом сиамского короля Маклай отправился в Сингапур, а оттуда в Иохор — для подготовки к экспедиции.

Однако, прежде чем рассказывать о новом путешествии Миклухо-Маклая по Малакке, вернемся немного назад — к событиям, случившимся с путешественником в 1874 году, еще до его поездки по джунглям и к сиамскому королю.

Когда Маклай покинул клипер «Изумруд», вывезший его с Новой Гвинеи, и добрался до Батавии — главного города острова Явы, он вначале решил остановиться здесь на более продолжительное время, чтобы обработать собранные им на Новой Гвинее материалы и подготовиться к новым экспедициям.

Записей, дневников, коллекций у Маклая было очень много, и обработка их, конечно, потребовала бы долгого времени. Но Маклаю не удалось долго прожить в Батавии. Сырой, нездоровый климат города дурно повлиял на здоровье путешественника, и без того уже подорванное во время пребывания на Новой Гвинее. Маклай заболел лихорадкой и, чтобы поправить свое здоровье, принужден был уехать

из Батавии. По приглашению генерал-губернатора Нидерландской Индии, Лоудона, он переехал в горный городок Бейтензорг. Здесь Миклухо-Маклай прожил около семи месяцев.

Прекрасный климат Бейтензорга благоприятно подействовал на здоровье путешественника, и в феврале 1874 года он смог отправиться в свое второе путешествие на Новую Гвинею — на этот раз в голландские владения, на берег Папуа-Ковиай. Эту часть юго-западного побережья Новой Гвинеи малайские торговые суда посещали очень редко, и она осталась почти неисследованной. Именно поэтому Маклай предпочел Папуа-Ковиай другим, чаще посещаемым малайцами частям юго-западного побережья.

Проехав в Амбоину, а оттуда на остров Гесир, Маклай нанял здесь туземное судно «урумбай», которое доставило его на берег Папуа-Ковиай.

Путешествие это подробно описано Миклухо-Маклаем в «Дневнике», и мы не будем на нем останавливаться.

Вернувшись из Сиама в Сингапур, Маклай снова проехал в Иохор и стал деятельно готовиться к второму путешествию по Малакке. Магараджа пытался убедить путешественника отказаться от опасного предприятия. Он говорил, что даже малайцы не решаются заходить далеко в джунгли, кишящие тиграми; он уверял Маклая, что «лесные люди» убивают всякого чужеземца, который решается проникнуть в их леса. Но Маклай не изменил своего решения и двинулся в путь, сопровождаемый двумя слугами и тридцатью носильщиками. Раджи всюду радушно встречали «русского князя» («дато русс»), как они

называли Маклая, но все они считали путешественника ревизором, посланным магараджей, и старались как можно скорее выпроводить его из своих владений.

Отдохнув несколько дней в Пахане, Маклай отправился в Келантан. Начиная с этого пункта, он вступил в такие области, где до него не побывал еще ни один европеец. В верховьях реки Пахан Маклай встретил первых «лесных людей». Они оказались очень пугливыми, но путешественнику все-таки удалось зарисовать их и сделать несколько антропологических измерений. На дальнейшем пути до Патани Маклай посетил многие туземные стойбища.

Научные результаты путешествия изложены Маклаем в статье «Этнологические экскурсии по полуострову Малакке», напечатанной в батавийском «Естественно-научном журнале». В этой статье Маклай дал первую в науке антропологическую и этнографическую характеристику семангов, сакаев, якун.

Рост карликовых племен Малакки 140—150 сантиметров, у них темнокоричневая кожа и черные курчавые волосы. Они бродят по лесам, останавливаясь лишь на короткое время для сбора камфоры, каучука, ротанга. Все это они променивают малайцам на табак, соль, железные ножи.

Главное оружие туземцев — «блахан», которого малайцы очень боятся. Это полая бамбуковая трубка метра в два длины и 2—3 сантиметра в диаметре. В нее вкладывают стрелу. Охотник дует в трубку, и стрела летит. Стрелы эти очень тонкие, не толще вязальной спицы. Вонзившись в кожу, кончик

стрелы обламывается и остается в ране. Туземцы отравляют стрелы отваром коры дерева «упас» и к этом отвару иногда примешивают змеиный яд. Маленькой царапины от такой стрелы достаточно, чтобы убить человека.

Карликовые племена Малакки, как и некоторые другие группы так называемых «пигмеев», представляют для историка большой интерес. Ведь они почти в неприкосновенности сохранили черты того общественного строя — первобытного коммунизма, — через который когда-то прошли все народы. Изучая эти племена, исследователь изучает вместе с тем далекое прошлое всего человечества. Но именно поэтому реакционные этнографы, ученые церковники постоянно пытаются фальсифицировать материалы по изучению этих племен для того, чтобы опровергнуть существование периода первобытного коммунизма у этих племен.

Так, например, ученый кардинал Шмидт, опираясь на сведения, собранные миссионерами, пытается доказать, что у первобытных карликовых племен существуют развитая частная собственность, единобожие и семья совершенно такая же, как в современном буржуазном обществе. А раз это так, раз и у первобытных народов и у культурных наций семья, общество и представления о боге в главных чертах одинаковы, — значит, идея частной собственности, идея единобрачной семьи, идея единобожия — неизменны, присущи человеку от природы. Такой вывод делают церковники. Нечего и говорить, что этот вывод совершенно противоречит истине, совершенно искажает историю человеческого общества.

Исследователи, которые не стремятся извратить факты в угоду мракобесию, утверждают, что общественный строй племен Малакки является первобытно-коммунистическим. Так, английский путешественник Андерсон прямо заявляет: «Все находится у них в общем владении». Французский исследователь Жак де-Морган также утверждает, что у туземцев Малакки не существует частной собственности. Автор капитального труда «Племена внутренних областей Малайского полуострова» Рудольф Мартин пишет, что у этих племен не отдельная семья является основной хозяйственной и общественной ячейкой, а группа кровных родственников, насчитывающих 25—30 человек. Члены этой группы вместе кочуют, вместе охотятся, вместе собирают плоды и растения и поровну делят между собою добычу. Точно так же беспристрастные исследователи не могли найти у первобытных племен Малакки никаких следов понятия о едином боге, понятия, возникающего уже в классовом обществе. Их религия — это поклонение духам (анимизм).

8

В начале 1876 года, отдохнув и поправившись, Маклай решил исполнить обещание, которое он дал своим друзьям папуасам, и вторично посетить залив Астролябии. Случай к этому скоро представился: шкипер торговой шхуны «Sea Bird» («Морская Птица»), отправлявшейся на острова Меланезии и Микронезии, охотно согласился принять Маклая на борт шхуны, по окончании торговой поездки доставить его в залив Астролябии и вновь зайти за ним через шесть месяцев.

18 февраля 1876 года «Морская Птица» вышла из Черибона на Яве и направилась к острову Буап (Яп) в Каролинском архипелаге. Там она пробыла две недели.

Отсюда «Морская Птица» направилась к архипелагу Пелау и бросила якорь у островка Намалакаль. Там жили несколько трэдоров,¹ от которых шкипер должен был принять груз копры. Во время стоянки Маклай съездил на соседние острова, чтобы исследовать местное население. Ему удалось узнать немало интересного о взаимоотношениях между туземцами и белыми. Как и всюду на островах Тихого океана, трэдоры самым беззастенчивым образом эксплуатировали туземцев, и туземцы иногда жестоко мстили европейцам. Взаимоотношения между туземцами и белыми точно характеризует история некоего Чина, которую Маклай передает в одной из своих статей.

Чин был шкипером и трэдором и много лет поставлял в китайские порты трепанг, черепаху, сандаловое дерево и другие товары с островов Тихого океана. Что это был за человек, показывает следующий случай. Однажды Чин заманил туземцев одного из Соломоновых островов к себе на корабль, а затем пригласил туда же их врагов — туземцев с другого острова. Не ожидавшие встречи с врагами на европейском судне, несчастные дикари были перебиты все до единого. После резни победители хотели тут же закусить свежим мясом своей добычи. Чин ничего не имел против, и палуба шхуны несо-

---

¹ Трэдор — торговец (по-английски to trade — торговать).
Ред.

мненно стала бы местом каннибальского пира, если бы не сопротивление возмущенных матросов.

Под старость Чин избрал остров Намалакаль складочным местом для своих товаров. Туземцы соседнего острова Корора сдавали Чину добычу своих промыслов, от продажи которой в Манилье и Бангкоке он выручал десятки тысяч долларов. Это, однако, нисколько не мешало ему обманывать туземцев при расчете. И мало того. Зная, что жители деревни Малегиок на острове Бабельтоп с давних пор находились во вражде с жителями Корора, Чин завязал с ними сношения и стал тайком снабжать врагов Корора оружием и зарядами. Тогда туземцы решили по-своему расправиться с вероломным купцом. Однажды ночью Чин был разбужен громкими криками. Подойдя к двери и спросив, кто там, он получил ответ, что прибыли люди из Малегиока за товарами. Чин вышел из дома, не захватив с собой револьвера. У самого порога он получил удар топором в голову, но даже не пошатнулся (он был чрезвычайно силен) и, вырвав топор из рук туземца, стал отчаянно сопротивляться. Однако силы были слишком неравны: через несколько минут туземцы повалили Чина на пол и камнем разбили ему грудь. Так как Чин долго не умирал, один из убийц перекусил ему горло.

Английские власти, узнав о случившемся, послали военное судно для расследования дела. Следствие было недолгое: брат корорского князька заявил англичанам, будто всему виною сам князек, и предложил застрелить его; предложение было принято, и братоубийца стал князем. Настоящие же убийцы Чина — тот, кто нанес ему удар топором в голову,

и тот, кто перекусил купцу горло, — так и остались на свободе. Маклаю показывали их на Короре.

Когда-то туземцы считали европейцев высшими существами; мореплавателей, потерпевших крушение у их берегов, они встречали с большим почетом и оказывали им всевозможные услуги. Но скоро насилия, жестокости, обманы со стороны белых заставили туземцев изменить свое отношение к заморским гостям. Туземцы рассказывали Маклаю, что трэдоры постоянно стараются обмануть их, сбывая дурной товар за хороший и притом по безобразно высоким ценам; пьяные бьют туземцев, стреляют по проходящим пирогам, увозят женщин и т. д. Нередко, угрожая приходом военного судна, трэдоры попросту отнимают у туземцев разные ценные вещи.

После стоянки у островов Пелау «Морская Птица» вернулась на остров Яп, а отсюда направилась к островам Адмиралтейства. Зайдя затем на острова Ниниго и Агомес, шхуна доставила путешественника 28 июня в залив Астролябии.

Туземцы с радостью встретили своего старого друга. На этот раз Маклаю не пришлось преодолевать таких трудностей, как при первом посещении Новой Гвинеи; устроился он гораздо удобнее, поселившись в здоровой местности, на мысе Бугарлом, в привезенном с собою разборном доме. Отсюда он предпринял несколько сухопутных экскурсий в горы и несколько морских экскурсий на острова. Он проехал на лодке вдоль всего берега, всюду встречая радушный прием. Скоро по всему берегу стало известно имя Маклая. Туземцы обращались к путешественнику во всех затруднительных случаях. Одного

его слова было достаточно, чтобы прекратить войну между враждующими деревнями.

Маклаю пришлось на этот раз пробыть среди папуасов семнадцать месяцев, так как шкипер «Морской Птицы» по неизвестным причинам не исполнил своего обещания и не зашел за путешественником в залив Астролябии. Только 10 ноября 1877 года в залив Астролябии случайно зашла английская шхуна, и Маклаю удалось уехать в Сингапур. Уезжая, он оставил в своем доме много вещей, запер дом и поручил папуасам из Бонгу охранять его.

Год спустя в залив Астролябии зашла шхуна с золотоискателями из Австралии, привлеченными ложным слухом, будто Маклай нашел на Новой Гвинее богатые золотые россыпи. Золотоискатели нашли дом Маклая в полной сохранности. Когда один из белых взялся за дверной замок, полдюжины рук схватили пришельца, и папуасы знаками объяснили ему, что дом принадлежит Маклаю и они не пустят туда никого.

В январе 1878 года Маклай на английской шхуне прибыл в Сингапур. Там он серьезно заболел. Пришлось обратиться к врачам, которые заявили, что ученому предстоит такой выбор: либо уехать в Европу, Японию или Австралию, либо отправиться на сингапурское кладбище. Маклай, конечно, решил уехать. Он надеялся, оправившись от болезни, вновь предпринять путешествие на Новую Гвинею. В июле 1878 года он уехал в Австралию, в Сидней. Здесь он продолжал давно начатую работу по анатомии мозга

хрящевых рыб, а также занимался антропологией: в местном госпитале лечились многие туземцы с разных островов Океании, и Маклай мог продолжать свои наблюдения над ними.

В марте 1879 года Маклай предпринял новое путешествие на американской шхуне «Saddie F. Caller», которая отправлялась на острова Меланезии. Капитан согласился принять Маклая пассажиром за 50 шиллингов в неделю и, объехав острова, завезти его на Новую Гвинею в залив Астролябии. По настоянию Маклая, в договор был включен такой пункт:

«Если мистер Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан Веббер обязуется не чинить никаких насний по отношению к туземцам под предлогом наказания».

«Вина белых, — замечает Маклай в своем письме в Географическое общество, — по моему мнению, так громадна, что всякое так называемое наказание туземцев только увеличивает число преступлений против них».

Во время этой поездки Маклай посетил многие острова Меланезии и, между прочим, вторично побывал на островах Адмиралтейства. Отсюда шхуне недалеко было и до залива Астролябии, но, видя, как шкипер обманывает туземцев при торге, Маклай решил не подвергать своих старых друзей риску знакомства с европейскими торговцами и сам освободил шкипера от обязательства зайти в залив Астролябии. Шхуна продолжала свой путь и в январе 1880 года пришла к острову Базилаки. На этом острове было много трепанга, и шкипер решил бросить здесь якорь. Маклая ждала перспектива дол-

гой и скучной стоянки, но, на его счастье, туземцы, прибывшие с острова Варе (Тесте), сообщили, что туда на днях должен прийти миссионерский пароход, направляющийся на южный берег Новой Гвинеи. Получив это известие, Маклай решил покинуть шхуну и 19 января переехал на шлюпке на остров Тесте. Он остановился в доме миссионеров и стал ожидать парохода. Почти все свои вещи Маклай оставил на шхуне, заручившись от шкипера обещанием доставить их в полной сохранности в Сидней. Впоследствии оказалось, что шкипер на обратном пути умер, шхуна ушла в Сан-Франциско, не заходя в Сидней, и все вещи Маклая пропали.

21 января на остров Варе пришел миссионерский пароход «Элленгоуэн». Пароход должен был отправиться в порт Моресби и по пути посетить селения южного берега Новой Гвинеи. Маклай решил ехать на «Элленгоуэне», так как хотел познакомиться с туземцами южного берега и проверить сообщения некоторых миссионеров о том, будто на этом берегу живет «желтое», или «малайское», племя, отличное от остальных, темнокожих, племен острова.

На рассвете 22 января 1880 года «Элленгоуэн» снялся с якоря. Цели своего путешествия — порта Моресби — он достиг только 14 февраля, так как ехавший на пароходе миссионер Чальмерс совершал инспекторскую поездку, и пароход останавливался чуть ли не у всех населенных пунктов берега. Таким образом, пароходу, чтобы пройти 300 миль до порта Моресби, понадобилось целых двадцать три дня. Впрочем, Маклай не жалел, что путешествие совершалось медленно: остановки дали ему возможность побывать во многих туземных деревнях.

По прибытии в порт Моресби Маклай начал поиски «желтых» людей, о которых сообщали миссионеры. Людей «желтого» племени он не нашел и установил только, что жители многих деревень имеют примесь полинезийской крови.

Порт Моресби на Новой Гвинее

В порту Моресби «Элленгоуэн» простоял до апреля 1880 года. Отсюда Маклай проехал в Австралию, в Сомерсет, а потом в Брисбэн. Из Брисбэна Маклай предпринял экскурсию внутрь страны. Он хотел проверить, действительно ли существует особое племя безволосых людей, о котором ему рассказывали. Близ города Сент-Джордж на реке Баллоне он отыскал семью туземцев, совершенно лишенных волос, — только редкие ресницы пробивались на их веках.

«Я узнал, — пишет Маклай, — что они составляют второе, а, может быть, и третье поколение таких же безволосых людей». Вместе с тем, однако, оказалось, что «слух о племени был утрирован, так как, кроме одной семьи, таких безволосых людей не было».

Добравшись наконец до Сиднея, Миклухо-Маклай занялся организацией зоологической станции для изучения морской фауны. Идею создания такой станции он пропагандировал в Австралии уже давно, и ему удалось собрать 200 фунтов стерлингов, к которым правительство Австралии прибавило еще 400 фунтов.

В августе 1881 года коммодор Вильсон, отправлявшийся на корвете «Вульверин» на юго-восточный берег Новой Гвинеи для следствия по делу об убийстве в одной туземной деревне нескольких миссионеров, предложил Маклаю присоединиться к нему. Маклай охотно согласился на это предложение, полагая, что своим присутствием он сумеет если не предотвратить, то хотя бы смягчить расправу с виновными. В известной мере это действительно ему удалось: был убит один только старшина деревни; остальное же население деревни было пощажено.

Посетив затем несколько деревень юго-восточного берега, Маклай дополнил прежние свои наблюдения. В своем письме в Географическое общество, в котором он описывает эту поездку, Маклай коснулся вопроса о насаждении среди туземцев христианства. По его словам, влияние христианства имеет теньевую сторону, состоящую главным образом в том, что за миссионерами непосредственно следуют тор-

Меланезийцы из порта Моресби

говцы и другие эксплуататоры всякого рода, несущие с собой болезни, пьянство, огнестрельное оружие и т. д. Эти благодеяния цивилизации едва ли уравниваются умением читать, писать и петь псалмы».

10

В октябре 1881 года Миклухо-Маклай вернулся в Сидней и продолжал работать на основанной им зоологической станции. В феврале 1882 года в Мельбурн прибыла русская эскадра; это дало Маклаю удобный случай побывать на родине. Через полгода броненосец «Петр Великий» доставил его в Кронштадт.

В России, в Петербурге и в Москве, Миклухо-Маклай прочел несколько докладов о своих путешествиях. Общество любителей естествознания присудило путешественнику за его работы по антропологии и этнографии золотую медаль. Из государственных средств он получил 12 000 рублей на уплату долгов, сделанных во время путешествий, и 8000 рублей на дальнейшее пребывание в Сиднее для обработки оставшихся там коллекций и подготовки к печати своих материалов. Совету Географического общества было сообщено, что сам царь Александр III принимает издание трудов Маклая на свой счет. Однако это обещание никогда не было исполнено. Ни при Александре III, ни при Николае II труды Маклая не были изданы. Только после Октябрьской революции вышел в свет первый том «Путешествий» Миклухо-Маклая.

16 декабря 1882 года Маклай был уже в Берлине и выступил там с докладом в Берлинском антропо-

логическом обществе. Из Берлина путешественник проехал в Неаполь, а оттуда на почтовом пароходе отправился в Брисбэн. Случай помог ему еще раз посетить папуасов Новой Гвинеи. Прибытие парохода в Батавию случайно совпало со стоянкой в этом порту русского корвета «Скобелев», который направлялся во Владивосток через Манилью. Командир корвета согласился взять с собой Маклая в залив Астролябии, и 17 марта 1883 года корвет бросил якорь в порту Константина. В последний раз Маклай высадился на своем берегу и навестил своих старых друзей-папуасов. Маклай давно обещал папуасам привезти им домашних животных. Он исполнил свое обещание и привез с собой на борту «Скобелева» яванских мажорослых горбатых «зебу» (бычка и корову) и пару коз. Однако, по свидетельству немецкого путешественника О. Финша, посетившего залив Астролябии в следующем, 1884, году, этот подарок не принес пользы туземцам: они не умели ухаживать за животными, и те скоро одичали.

Во время стоянки офицеры корвета сделали съемку берега, и многие его пункты с тех пор носят русские названия.

Следующие три года Маклай прожил в Сиднее. В 1884 году он женился на дочери бывшего премьер-министра Нового Южного Уэльса Робертсона. В феврале 1886 года он решил, оставив семью в Сиднее, съездить в Петербург для того, чтобы добиться издания своих работ и передать Академии наук собранные им коллекции.

Приехав в Россию, Миклухо-Маклай узнал, что Германия собирается занять Берег Маклая. Путешественник хорошо понимал, что несет туземцам евро-

пейская колонизация, и сделал попытку оградить от нее папуасов. Он стал пропагандировать мысль о протекторате России над северо-восточной частью Новой Гвинеи. По его проекту, туземцы на этой территории должны были остаться совершенно независимыми; роль России сводилась бы лишь к «покровительству». Конечно, этот утопический план Маклая не встретил никакого сочувствия в официальных политических кругах.

Убедившись в том, что помощи государства он не добьется, Маклай решил организовать колонию сам на свой страх и риск. Он объявил в газетах, что приглашает желающих поселиться на Новой Гвинее, и в короткое время к нему поступило до 2000 заявлений. Однако громадное большинство желающих не имело средств даже на то, чтобы доехать до Новой Гвинеи, а русское правительство и царь решительно отказались поддержать утопический план.

«Считать это дело окончательно конченным. Миклухо-Маклаю отказать», написал Александр III на докладе комитета, рассматривавшего проект Маклая. И действительно, дело это было «окончательно кончено».

Ничего не добившись, Миклухо-Маклай решил съездить в Австралию за своей семьей и поселиться затем в Петербурге, чтобы заняться здесь подготовкой всех своих рукописей к печати. В мае 1887 года Миклухо-Маклай прибыл в Сидней и через несколько дней выехал обратно с женой и двумя сыновьями. Уже в Сидней он приехал больным, страдая острой невралгией и ревматизмом. В Петербурге здоровье Маклая резко ухудшилось. В половине февраля 1888 года врачи убедили жену Маклая поместить

больного в клинику Виллие. В этой клинике он и скончался 2 апреля 1888 года, после шести недель сильных страданий. Похоронен он на Волковом кладбище.

11

Миклухо-Маклай умер сравнительно молодым, на сорок втором году своей жизни и не успел обработать и опубликовать многого из собранных за долгие годы путешествий научных материалов, но все же его труды, как пионера в области изучения новогвинейских папуасов, составили ценный вклад в науку. В антропологии папуасов Миклухо-Маклай и по настоящее время является непревзойденным авторитетом. В его немногочисленных и немногословных статьях и в его дневниках разбросаны драгоценные наблюдения над бытом первобытных племен. Из этих — на первый взгляд простых и скупых — заметок о том, как охотятся папуасы на кабанов, как они одаривают своих гостей, какие у них волосы и какая кожа, — история, социология и антропология могут сделать важные выводы о путях и закономерностях развития человека и человеческого общества.

Но Маклай был не только ученым, стремящимся обогатить свою науку новыми данными, — он был и горячим защитником прав презираемых и эксплуатируемых «дикарей». В этом смысле он представлял собой резкую противоположность многим другим путешественникам, даже таким знаменитым, как Стэнли и Пржевальский, которые хотя и сделали чрезвычайно ценные научные открытия, но в то же время запятнали свои имена насильями, жестокостью и убийствами.

Память о Миклухо-Маклае надолго сохранилась у папуасов залива Астролябии.

«Миклухо-Маклай, — рассказывает немецкий этнограф Б. Хаген, — сумел завоевать самое широкое доверие, уважение и даже любовь папуасов. Хорошей памяти, которую оставил по себе первый белый житель залива Астролябии, следует приписать мягкое, дружественное, предупредительное отношение туземцев к позднейшим пришельцам. Мы, преемники Миклухо-Маклая, впоследствии воспользовались этим в своих интересах... Ах, если бы мы все взяли в пример поведение этого человека...»

Как уважали туземцы Маклая, видно хотя бы из того, что еще в девяностых годах, через десять лет после последнего приезда Маклая, участки земли близ Бонгу, где он когда-то жил, и на острове Били-Били, где он только собирался жить, оставались в полной неприкосновенности, хотя островок этот мал, а людей там много, и земля очень нужна туземцам.

12

Непосредственным продолжателем Миклухо-Маклая в деле изучения северо-восточного побережья Новой Гвинеи был германский ученый О. Финш. Часть собранной им этнографической коллекции приобретена нашей Академией наук и составила ценное дополнение к коллекциям Миклухо-Маклая. Но, по существу говоря, экспедиция Финша была подготовкой к захвату северо-восточной Новой Гвинеи Германией. Уже в 1885 году на Берегу Маклая начала хозяйничать германская Новогвинейская компания, а в 1889 году вся северо-восточная Новая

Гвинея стала германской колонией и получила название «Земли императора Вильгельма».

Во время мировой войны 1914—1918 годов эту часть Новой Гвинеи захватил Австралийский Союз.

Вплоть до настоящего времени на Новой Гвинее, и в бывших германских владениях, и в британских и нидерландских, хорошо изучено только побережье. Громадные районы внутри острова продолжают оставаться для европейцев неведомой страной и еще ждут своих исследователей.

А. Пиотровский

H. Arnold-Merwin

**ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
НА НОВУЮ ГВИНЕЮ
1871—1872**

Сентябрь 1871 года

Прибытие на Новую Гвинею. — Высалка. — Первые встречи с папуасами. — Постройка дома. — Знакомство с Туем. — Уход корвета „Витязь“. — Один среди папуасов. — Первые гости из Гумбу. — Без револьвера, но с записной книжкой. — Визит в Горенду. — Подарки. — Враждебная встреча в Гумбу. — Островитяне. — Лихорадка.

7 сентября

Сегодня, на триста шестнадцатый день по выходе из Кронштадта, около десяти часов утра мы увидели наконец покрытый облаками высокий берег Новой Гвинеи.

Корвет «Витязь» шел параллельно северо-восточному берегу Новой Британии.¹ Открывшийся берег, как оказалось, был мысом Короля Вильяма.

Высокие горы тянулись цепью параллельно берегу. На картах они обозначены именем Финистер; высота их превышает 10 000 футов.

В проходе между островом Рук и берегом Новой Гвинеи виднелось несколько низких островков, покрытых растительностью. Течение было попутное, и мы хорошо подвигались вперед.

---

¹ Новая Британия — самый большой остров архипелага Бисмарка, к северо-востоку от Новой Гвинеи. *Ред.*

Часу во втором корвет «Витязь» настолько приблизился к берегу Новой Гвинеи, что можно было видеть характерные черты страны.

На вершинах гор лежали густые массы облаков, не позволявшие различать верхние их очертания; под белым слоем облаков, по крутым скатам гор чернел густой лес, который своим темным цветом очень разнился от береговой полосы с ее светло-зелеными полянами. Береговая полоса возвышалась террасами или уступами (до высоты приблизительно 1000 футов). Многочисленные ущелья и овраги, наполненные густою зеленью, пересекали эти террасы и соединяли таким образом верхний лес с прибрежным узким поясом растительности.

В двух местах на берегу виднелся дым, свидетельствующий о присутствии человека.

В иных местах береговая полоса становилась шире, горы отступали более в глубь страны, и узкие террасы, приближаясь к морю, превращались в обширные поляны, окаймленные темной зеленью.

Около шести часов вечера мы увидели недалеко от берега маленький островок, покрытый лесом. Между светлой зеленью кокосовых пальм на островке видны были крыши хижин, а по берегу можно было различить и людей.

Не найдя удобного якорного места, мы прекратили пары, и корвет «Витязь» лег в дрейф.

Вечер был ясный, звездный, только горы были попрежнему закрыты облаками, которые спустились, казалось, ниже и соединились с белою пеленою тумана, разостлавшегося вдоль берега у самого моря. Из темных туч на вершинах часто сверкала молния, причем грома не было слышно,

8 с е н т я б р я

За ночь попутное течение подвинуло нас к северу миль на двадцать. Я рано поднялся на палубу, рассчитывая увидеть до восхода солнца вершины гор свободными от облаков.

И действительно, горы были ясно видны. Тут мало отдельных вершин, и горы представляют сплошную высокую стену. При восходе солнца вершина и подошва гор были свободны от облаков; посредине гор тянулись белые слоистые облака. Поднявшееся солнце осветило берег, на котором ясно можно было различить три или четыре параллельных, громоздившихся один над другим хребта.

По мере того как мы подвигались вперед, вид берега изменялся. Террас более не было, а к высоким продольным хребтам примыкали неправильные поперечные ряды холмов, между которыми, вероятно, протекали речки. Растительности было больше.

Около 10½ часов, подвигаясь к заливу Астролябии, мы увидели перед собой два невысоких мыса: южный — мыс Риньи и северный — мыс Дюперре, далеко выдающийся в море.¹

Громадные кучевые облака, клубясь и изменяя форму, понемногу заволокли вершины высоких хребтов. По склонам невысоких холмов виднелись кое-где густые столбы дыма. Стало довольно тепло: в тени термометр показывал 31° Ц. Часам к двенадцати мы были среди большого залива Астролябии.

---

¹ Мыс Дюперре, названный так Дюмон-Дюрвилем, оказался не мысом материка Новой Гвинен, а одним из островков архипелага, который я впоследствии назвал архипелагом Довольных Людей. *Примечание Миклухо-Маклая.*

На предложенный мне командиром «Витязя», капитаном второго ранга Павлом Николаевичем Назимовым вопрос, в каком месте берега я желаю высадиться, я указал на более высокий левый берег, предполагая, что правый, низкий, может оказаться нездоровым.

Мы долго вглядывались в берег залива, пытаюсь обнаружить хижины туземцев, но кроме столбов дыма на холмах ничего не было видно. Вдруг, когда корвет подошел еще ближе к берегу, старший офицер П. П. Новосильский закричал, что видит бегущих дикарей. Действительно, можно было различить на песчаном берегу несколько темных фигур, которые то бежали, то останавливались.

Около этого места мы заметили небольшой мысок, за которым, казалось, находилась небольшая бухта. Мы направились туда и действительно нашли бухту. Войдя в нее, корвет «Витязь» стал на якорь саженьях в семидесяти от берега на 27 саженьях глубины.

Громадные деревья, росшие у самой окраины приглубого скалистого берега бухточки, опускали свою листву до самой поверхности воды; бесчисленные лианы и разные паразитные растения образовывали своими гирляндами занавес между деревьями, и только северный песчаный мысок этой бухточки был открыт.

Вскоре группа дикарей появилась на этом мыске. Туземцы казались очень боязливыми. После долгих совещаний между собою один из них выдвинулся из группы. В руках он нес кокосовый орех. Он подошел к самому берегу, положил орех и, указывая на него, хотел, казалось, объяснить, что этот кокос

предназначается для нас. Затем он быстро скрылся в чаще леса.

Я обратился к командиру корвета с просьбой дать мне четверку, чтобы отправиться на берег, но когда узнал, что для безопасности предполагено отправить еще и катер с вооруженной командой, —

На берегу залива Астролябии

я попросил дать мне только шлюпку без матросов. Затем я приказал своим обоим слугам, шведу Ульсону и полинезийцу Бою, спуститься в шлюпку и отправился знакомиться с моими будущими соседями. Я захватил с собой кое-какие подарки: бусы, красную бумажную материю, разорванную на куски и на узкие ленточки, и т. п.

Обогнув мысок, я направился вдоль песчаного

берега к тому месту, где мы впервые увидели туземцев. Минут через двадцать мы приблизились к берегу. Я увидел на песке несколько туземных пирог. Однако мне не удалось здесь высадиться из-за сильного прибоя.

Вдруг из-за кустов показался вооруженный копьем туземец и, подняв копье над головой, знаками хотел мне дать понять, чтобы я удалился. Я поднялся в шлюпке и показал несколько красных тряпок. Тогда из леса выскочило около дюжины вооруженных разным дрекольем дикарей. Видя, что туземцы не осмеливаются подойти к шлюпке, я бросил мои подарки в воду, надеясь, что волна прибьет их к берегу. Туземцы при виде этого изо всех сил замахали руками, настаивая, чтобы я удалился. Поняв, что присутствие наше мешает им войти в воду и взять вещи, я приказал моим людям грести, и едва только мы отошли от берега, туземцы наперегонки бросились в воду, и красные платки были моментально вытащены. Красные тряпки, казалось, очень понравились дикарям, которые с большим любопытством их рассматривали и много толковали между собой, но все же никто из них не отважился подойти к моей шлюпке.

Видя такой неуспех завязать первое знакомство, я вернулся на корвет. Тут я узнал, что с корвета видели дикарей в другом месте берега. Я немедленно отправился в указанном направлении, но там уже не оказалось людей; только в маленькой бухточке далее виднелись из-за стены зелени, доходившей до самой воды, концы вытащенных на берег пирог.

Наконец, в одном месте берега, между деревьями, я заметил белый песок и быстро направился к этому

месту, оказавшемуся очень уютным и красивым уголком. Высадившись тут, я увидел узенькую тропинку, проникавшую в чащу леса. Я с таким нетерпением выскочил из шлюпки и направился по тропинке в лес, что даже не отдал никаких приказаний моим людям, которые занялись привязыванием шлюпки к ближайшим деревьям.

Пройдя шагов тридцать по тропинке, я заметил между деревьями несколько крыш; далее тропинка привела меня к площадке, вокруг которой стояли хижины с крышами, спускавшимися почти до земли.

Деревня имела очень опрятный и очень приветливый вид. Средина площадки была хорошо утоптана, а кругом росли пестролиственные кустарники и возвышались пальмы, дававшие тень и прохладу. Побелевшие от времени крыши из пальмовой листвы красиво выделялись на темнозеленом фоне окружающей зелени. Яркорозовые цветы китайской розы и желто-зеленые и желто-красные листья кротонов оживляли общую картину леса, состоявшего из бананов, панданусов, хлебных деревьев, арековых¹ и кокосовых пальм. Высокий лес ограждал площадку от ветра.

---

¹ Кротоны — деревья и кустарники из семейства молочайных; из семян добывается кротонное масло, употребляемое в медицине как слабительное. Панданус — дерево с воздушными корнями. Хлебное дерево — дерево из семейства тутовых с плодами весом от двух до двадцати килограммов; их мякоть, завернутая в листья, печется на горячих камнях и дает подобие хлеба. Арековая пальма. Орех этого вида пальм, богатый танином, смешивают с листьями перечника и с известью и жуют как возбуждающее средство. Эта смесь называется бетелем.
Ред.

Хотя в деревне не оказалось живой души, но повсюду видны были следы только что покинувших ее обитателей: на площадке иногда вспыхивал тлеющий костер, здесь валялся недопитый кокосовый орех, там — брошенное второпях весло; двери некоторых хижин были тщательно заложены какой-то корой и заколочены накрест пластинами расколотого бамбука. Двери двух хижин, однако, остались открытыми, — видно, хозяева куда-то очень торопились и не успели их запереть. Двери находились на высоте двух футов, так что представлялись скорее окнами, чем дверьми, и составляли единственное отверстие, через которое можно было проникнуть в хижину.

Я подошел к одной из таких дверей и заглянул внутрь. В хижине было темно, — с трудом можно было различить находившиеся в ней предметы: высокие нары из бамбука, на полу несколько камней, между которыми тлел огонь и которые служили опорой стоявшего на них сломанного глиняного горшка; на стенах висели связки раковин и перьев, а под крышей, почерневшей от копоти, — человеческий череп.

Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм; в лесу раздавались незнакомые крики каких-то птиц. Было так хорошо, мирно и вместе чуждо и незнакомо, что все казалось мне скорее сном, чем действительностью.

В то время, как я подходил к другой хижине, послышался шорох. Оглянувшись в направлении, откуда он исходил, я увидел в нескольких шагах как будто выросшего из земли человека, который погледел секунду в мою сторону и кинулся в кусты. По-

чти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Он оглянулся и, видя, что я один, без всякого оружия, и знаками прошу его подойти, — остановился. Я медленно приблизился к дикарю и молча подал ему красную тряпку. Он принял ее с видимым удовольствием и повязал себе на голову.

Папуас этот был среднего роста, темношоколадного цвета с матово-черными, курчавыми как у негра, короткими волосами, широким сплюснутым носом, глазами, выглядывавшими из-под нависших надбровных дуг, с большим ртом, почти скрытым торчащими усами и бородой. Весь костюм его состоял из какой-то серой тряпки шириною около восьми сантиметров, повязанной в виде пояса, и двух, плотно обхватывающих руку над локтем перевязей, — род браслетов из плетеной сухой травы. За одну из этих перевязей или браслетов был заткнут зеленый лист бетеля, за другую на левой руке — нож из гладко обточенного куска кости (как я убедился потом, кости казуара). Дикарь был хорошо сложен, с достаточно развитой мускулатурой. Выражение лица первого моего знакомого показалось мне довольно симпатичным; я почему-то подумал, что он будет меня слушаться, взял его за руку и не без некоторого сопротивления привел его обратно в деревню.

На площадке я нашел моих слуг, Ульсона и Боя, которые меня искали и недоумевали, куда я пропал. Ульсон подарил моему папуасу плитку табаку, с которым тот однако же не знал, что делать, и, молча приняв подарок, заткнул его за браслет правой руки рядом с листом бетеля.

Пока мы стояли среди площадки, из-за деревьев и кустов стали показываться дикари, не решаясь подойти и каждую минуту готовые обратиться в бегство. Они молча и не двигаясь стояли в почтительном отдалении, зорко следя за нашими движениями. Так как они не трогались с места, я должен был каждого отдельно взять за руку и в полном смысле слова притащить к нашему кружку. Наконец, собрав всех в одно место, усталый, я сел посреди них на камень и принялся наделять их разными мелочами: бусами, гвоздями, крючками для ужения рыбы и полосками красной материи. Назначения гвоздей и крючков они, видимо, не знали, но ни один не отказался их принять.

Около меня собралось человек восемь папуасов. Они были различного роста и почти одинакового цвета кожи. Только один из них резко отличался по своему типу от моего первого знакомого. Это был человек выше среднего роста, худощавый, с крючковатым выдающимся носом и очень узким, сдавленным с боков лбом; борода и усы были у него выбриты, на голове возвышалась целая шапка красных волос, из-под которой сзади спускались на шею крученые пряди волос, совершенно похожие на трубкообразные локоны жителей Новой Ирландии.¹ Локоны эти висели за ушами и спускались до плеч. В волосах торчали два бамбуковых гребня, на одном из которых, воткнутом на затылке, красовались в виде веера несколько черных и белых перьев казуара и какаду. В ушах были продеты большие че-

---

¹ Новая Ирландия — один из островов архипелага Бисмарка. *Ред.*

репаховые серьги, а в носовой перегородке — бамбуковая палочка толщиной в очень толстый карандаш с нарезанным на ней узором. На шее, кроме ожерелья из зубов собак и других животных, раковин и т. п., висела небольшая сумочка, а на левом плече — другой мешок, спускавшийся до пояса и наполненный разного рода вещами. У этого туземца, как и у всех присутствовавших, верхняя часть рук была туго перевязана плетеными браслетами, за которыми были заткнуты различные предметы — у кого кости, у кого листья или цветы. У многих на плечах висели каменные топоры, а некоторые держали в руках лук почтенных размеров (почти в рост человека) и стрелу более метра длины. При различном цвете волос — то совершенно черных, то выкрашенных красной глиной — прически их были различны: у иных волосы стояли шапкой на голове, у других были коротко острижены, но у всех волосы были курчавы, как у негров. Волосы на бороде так же завивались в мелкие спирали. Цвет кожи представлял несколько незначительных оттенков. Молодые были светлее старых.

Так как солнце уже село, я решил вернуться на корвет. Вся толпа проводила меня до берега, неся подарки: кокосы, бананы и двух очень диких поросят, у которых ноги были крепко-накрепко связаны и которые визжали без устали; все было положено в шлюпку. В надежде еще более закрепить хорошие отношения с туземцами и вместе с тем показать офицерам корвета моих новых знакомых, я предложил окружающим меня папуасам сопровождать меня к корвету на своих пирогах. После долгих рассуждений человек пять поместились в двух пирогах,

другие же остались на берегу и даже, казалось, усиленно отговаривали более отважных от смелого и рискованного предприятия.

Одну из пирог я взял на буксир, и мы направились к «Витязю». На полдороге, однако же, и более смелые раздумали, знаками показывая, что не хотят ехать дальше, старались отдать буксир, между тем как другая, свободная пирога быстро вернулась к берегу. Один из сидевших в пироге, которую мы тащили за собою, пытался даже своим каменным топором перерубить конец, служивший буксиром. Не без труда удалось втащить их на палубу, Ульсон и Бой почти что насильно подняли их на трап. На палубе я взял пленников под руки и повел под полуют; они от страха тряслись всем телом, не могли без моей поддержки держаться на ногах, полагая, вероятно, что их убьют.

Между тем, совсем стемнело. Под ют был принесен фонарь, и дикари мало-по-малу успокоились, даже повеселели, когда офицеры корвета подарили им разные вещи и угостили чаем, который они сразу выпили. Несмотря на такой любезный прием, они с видимым удовольствием и с большою поспешностью спустились по трапу в свою пирогу и быстро погребли обратно к деревне.

На корвете мне сказали, что в мое отсутствие показались опять туземцы и принесли с собою двух собак, которых тут же убили и оставили их трупы, в виде подарка, на берегу.

9 с е н т я б р я

Берег залива Астролябии в том месте, где «Витязь» бросил якорь, горист; несколько параллельных

Папуас берега Маклая в парадном уборе.

цепей гор различной вышины тянутся вдоль берега и только на западном берегу прерываются измененностью. Северо-западный берег горист, хотя не так высок, как южный, и оканчивается невысоким мысом.

Все эти горы (из которых высочайшая достигает приблизительно 5—6 тысяч футов) покрыты густою растительностью до самых вершин и пересечены во многих местах поперечными долинами. Иногда горы приближаются почти к самому берегу, чаще же между первыми холмами и морем тянется невысокая береговая полоса. Лес же в некоторых местах спускается до самого моря, так что нижние ветви больших деревьев находятся в воде. Во многих местах берег окаймлен коралловыми рифами и реже представляется отлогим и песчаным, доступным приливам. В таких местах берег служит удобной пристанью для туземных пирог. Около этих мест обыкновенно находятся, как я узнал впоследствии, главные береговые селения папуасов.

Все эти наблюдения я сделал на рассвете, с мостика корвета, и остался вполне доволен общим видом страны, которую избрал для исследования и, быть может, для продолжительного пребывания.

После завтрака я снова отправился в деревню, в которой был вчера вечером. Мой первый знакомый папуас, которого звали Туй, и несколько других вышли ко мне навстречу.

В этот день на корвете должен был быть сделан пушечный салют по случаю праздника. Я решил остаться в деревне среди туземцев, которых сегодня набралось несколько десятков, чтобы моим присутствием ослабить несколько страх, который могла произвести на туземцев пальба.

Но так как времени до салюта оставалось еще достаточно, то я отправился приискать место для моей будущей хижины. Мне не хотелось селиться в самой деревне и даже вблизи ее, во-первых, потому, что не знал ни характера, ни нравов моих будущих соседей; во-вторых, незнакомство с языком лишало меня возможности испросить на то их согласие; навязывать же мое присутствие я считал бестактным; в-третьих, я боялся, что вблизи деревни меня будут беспокоить и раздражать крики взрослых, плач детей и вой собак.

Я отправился из деревни по тропинке и минут через десять подошел к маленькому мыску, возле которого протекал небольшой ручей и росла группа больших деревьев. Место это показалось мне вполне удобным, как по своей близости к ручью и уединенности, так и потому, что находилось почти на тропинке, соединявшей, вероятно, соседние деревни. Наметив, таким образом, место будущего поселения, я поторопился вернуться в деревню, но пришел уже во время салюта. Пушечные выстрелы, казалось, приводили папуасов больше в недоумение, чем пугали. При каждом новом выстреле туземцы то пытались бежать, то ложились на землю, затыкали себе уши, тряслись всем телом, точно в лихорадке, или приседали. Я был в очень глупом положении: при всем желании успокоить их и быть серьезным я не мог часто удержаться от смеха; но вышло, что мой смех оказался самым действительным средством против страха туземцев, и так как смех вообще заразителен, то я заметил вскоре, что и папуасы, следуя моему примеру, начали ухмыляться, глядя друг на друга.

Довольный, что все обошлось благополучно, я

вернулся на корвет. Капитан Назимов предложил отправиться со мной для окончательного выбора места постройки хижины. К нам присоединились старший офицер и доктор. Хотя, собственно, мой выбор был уже сделан, но посмотреть еще другие места, которые могли оказаться лучшими, было не лишнее. Из трех осмотренных мест одно нам особенно понравилось. Значительный ручей впадал здесь в открытое море, но, заключая по многим признакам, что туземцы имеют обыкновение приходить сюда часто, оставляют здесь свои пироги, а недалеко оттуда обрабатывают плантации, я объявил командиру о моем решении поселиться на первом, избранном мною самим месте.

Часам к трем высланные с корвета люди занялись очисткой места от кустов и мелких деревьев, а плотники принялись за постройку хижины, начав ее с забивки свай под тенью двух громадных деревьев

10—13 сентября

Все эти дни я был занят постройкой хижины. Часов в шесть утра съезжал с плотниками на берег и оставался там до спуска флага. Моя хижина имеет 7 футов ширины и 14 длины и разгорожена пополам перегородкой из брезента (крашеной парусины). Одну половину я назначил для себя, другую для моих слуг — Ульсона и Боя.

Так как взятых из Таити¹ досок не хватило, то стены сделаны из дерева только наполовину; верхняя

---

¹ Таити — самый большой из островов Товарищества (Центральная Полинезия). Корвет «Витязь» заходил туда по пути к Новой Гвинее. *Ред.*

Хижина Миклухо-Маклая в Гарагасси

С рисунка Н. Н. Миклухо-Маклан

же половина стен и две двери сделаны из брезента, который можно было скатывать. Для крыши заготовлены были сплетенные из листьев кокосовой пальмы циновки; работу эту я поручил Бою. Пол и стойки по углам были сделаны из леса, купленного в Таити и приспособленного еще на корвете. Сваи, верхние скрепления, стропила пришлось вырубать и выгонять уже здесь; но, благодаря любезности командира корвета, рук было много, и постройка шла успешно. Туземцы, вероятно, напуганные пальбой девятого числа и присутствием большого количества людей с корвета, показывались лишь по два-три человека, и то редко.

Офицеры корвета занялись съемкой бухты и при этом посетили пять или шесть прибрежных деревень, где за разные мелочи (бусы, пуговицы, гвозди, простые бутылки и т. п.) набрали множество разного оружия и утвари и выменяли между прочим также более десятка черепов. Многие местности получили названия: небольшая бухточка, где «Витязь» стоял на якоре, названа в честь генерал-адмирала и председателя Русского географического общества портом великого князя Константина. Все мыски были окрещены именами офицеров, делавших съемку, а остров, который виднелся у мыса Дюперре, называли островом «Витязя» (впоследствии я узнал, что туземное имя его Били-Били).

Тринадцатого числа Бой начал крыть крышу, потому что завтра последний день пребывания корвета. Между тем, приходил мой доброжелатель Туй и своей выразительной мимикой старался объяснить, что, когда корвет уйдет (при этом он указал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он ука-

зал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень туземцы (указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая вид, как бы рубит их) и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над головой, принял позу человека, бросающего копье; затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полузакрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю; те же мимические движения он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Боя).

Очень хорошо понимая предостережения Туя, я сделал, однако же, вид, что не понял его. Тогда он снова стал называть имена деревень: Бонгу, Горенду, Гумбу и т. д., и показывать, что рубит сваи; на все это я только махнул рукой и подарил ему гвоздь.

Возвратясь на корвет, я рассказал виденную мною пантомиму в кают-компании, что, вероятно, побудило одного из офицеров, лейтенанта С. Чирикова, заведывавшего на «Витязе» артиллерийской частью, предложить мне приготовить несколько мин и расположить их вокруг моего дома. Я не отказался от такого средства защиты в случае крайней необходимости, если бы туземцы действительно вздумали явиться с теми намерениями, которые старался объяснить мне Туй.

14 сентября

Лег вчера в одиннадцать часов вечера, встал сегодня в два часа утра. Все утро посвятил корреспонденции в Европу и сборам. Надо было разобраться

с вещами, часть которых оставалась в Гвинее, а другая отправлялась обратно с корветом в Японию.

Отправляясь на Новую Гвинею с целью не кратковременного путешествия, а продолжительного житья в течение нескольких лет, я уже давно пришел к заключению, что мне следует быть независимым от европейской пищи. Я знал, что плантации папуасов не бедны, свиней папуасы также имеют; главным же образом охота могла всегда доставлять мне средства пропитания. За время жизни на судне консервы успели очень надоеть мне, и я совершенно равнодушно отнесся к обеспечению себя провизией в последнем порту. Я взял кое-что, но так мало, что капитан Назимов очень удивился и предложил мне весьма любезно уделить многое из своей провизии, которую я принял с благодарностью, так как решил, что она может мне пригодиться в случае болезни. Капитан оставил мне также самую малую из шлюпок корвета, именно четверку, с которой в крайности может управиться и один человек. Иметь шлюпку было для меня удобно в высшей степени, так как при помощи ее я мог ознакомиться с другими береговыми деревнями, а в случае полной неудачи добиться доверия туземцев — она давала мне возможность переселиться в другую, более гостеприимную местность.

Кончив разборку вещей на корвете, после завтрака я стал перевозиться. Небольшая моя хижина скоро переполнилась вещами до такой степени, что значительное число ящиков пришлось поставить под домом для предохранения от дождя, солнца и расхищения.

Между тем с утра еще лейтенант Чириков был занят устройством мин, расположив их полукругом для защиты от нападения дикарей со стороны леса, а че-

ловек тридцать матросов под наблюдением лейтенанта Перелешина и гардемарина Вирениуса занимались расчисткой места около дома, так что получилась площадка в 70 метров длины и 70 метров ширины, окруженная с одной стороны морем, а с трех—густым лесом. Я указал, между прочим, командиру и офицерам место, где я зарюю в случае надобности (серьезной болезни, опасности от туземцев и т. п.) мои дневники, заметки и т. д. Место это находилось под большим деревом недалеко от хижины; чтобы легче было найти его, на соответствующей стороне ствола кора была снята приблизительно на один фут в квадрате, и вырезана фигура стрелы, направленной вниз.

Около трех часов порт Константина представлял очень оживленный вид. Перевозили последние дрова на корвет в маленьком паровом баркасе, шныряли назад и вперед шлюпки и вельботы, шестерка перевозила мои вещи. Около моей хижины работа также кипела: достраивалась хижина, вырубались кусты, делался более удобный спуск от площадки, на которой стояла моя хижина, к песчаному берегу моря у устья ручья, и т. д.

К сожалению, я не мог присмотреть за всеми этими работами — пришлось возвращаться на корвет, так как еще не все вещи были уложены.

Крайнее утомление, хлопоты последних дней и особенно вторая бессонная ночь привели меня в такое нервное состояние, что я почти не мог держаться на ногах, говорил и делал все совершенно машинально, как во сне. В час ночи я кончил укладку на корвете; оставалось еще перевезти последние вещи на берег и написать некоторые письма.

15 сентября

В два часа утра привез я последние вещи. Бой, проработавший весь день над крышей, спал непробудным сном. Хижина была в такой степени завалена вещами, что с трудом нашлось достаточно места прилечь. Несмотря на самую крайнюю усталость, я не мог заснуть: муравьи и комары не давали покоя. Однако возможность закрыть глаза, если не спать, значительно меня облегчила. Около четырех часов утра я вернулся на корвет, чтобы написать необходимые письма, не находя ни возможности, ни места сделать это в моем новом помещении.

Поблагодарив за все бескорыстные, оказанные мне услуги командира и офицеров корвета «Витязь» и простившись со всеми, я спустился в свою шлюпку и окончательно съехал на берег.

Когда якорь корвета показался из воды, я приказал Ульсону спустить развевавшийся над деревом у самого мыса флаг, но, заметив, что флаг не спускается, подошел к Ульсону, посмотреть в чем дело. К удивлению и негодованию я увидел, что у моего слуги, обыкновенно так храбрившегося на словах, руки дрожат, глаза полны слез, и он тихо всхлипывает. Взяв с досадой из его дрожавших рук флаг-линь, я сказал, что, пока корвет еще не ушел, он может на шлюпке вернуться не мешкая, а то будет поздно.

Между тем корвет выходил из порта Константина, и я сам отсалютовал отходящему судну.

Первая мысль, пришедшая мне в голову, была та, что туземцы, пользуясь уходом огромного дымящегося страшилища, могут каждую минуту нагрянуть

в мое поселение, разнести мою хижину и сваленные в беспорядке вещи. Отныне я предоставлен исключительно самому себе, все дальнейшее зависит от моей энергии, воли и труда.

Действительно, как только корвет скрылся за горизонтом, на соседнем мыске показалась толпа папуасов. Они прыгали и бегали, описывая круги; их движения были похожи на какую-то пляску, по крайней мере все делали одни и те же движения. Вдруг все остановились и стали глядеть в мою сторону: вероятно, один из них заметил русский национальный флаг, развевавшийся у моей хижины. Они сбежались в кучку, переговаривали, затем опять повернулись в мою сторону, прокричали что-то и скрылись.

Необходимо было немедленно же приступить к разборке вещей, разбросанных в беспорядке в хижине и шалаше; но от усталости, волнения и двух почти бессонных ночей я находился в весьма плачевном состоянии: голова кружилась, ноги подкашивались, руки плохо слушались.

Скоро пришел Туй разведать, остался ли я или нет. Он уже не с прежним добродушием поглядывал на меня, подозрительно осматривал мой дом, захотел войти в него, но я жестом и словом «табу» остановил его. Не знаю, что на него подействовало — жест или слово, но он вернулся на свое место. Затем Туй знаками спросил меня, вернется ли корвет, на что я отвечал утвердительно. Желая избавиться от гостя, который мешал мне разбирать вещи, я попросил его (я уже знал десятка два слов) принести кокосовых орехов, подарив ему при этом кусок красной тряпки.

Он действительно сейчас же удалился, но не про-

шло и часа, как снова вернулся с двумя мальчиками и одним взрослым папуасом. Все они почти не говорили, сохраняя очень серьезное выражение лица; даже маленький мальчик лет семи был погружен, смотря на нас, в глубокую задумчивость. Туй пытался заснуть или показывал вид, что спит, следя зорко по временам за моими движениями. Уже не стесняясь гостей, я продолжал устраиваться в моем помещении. Туй обошел все мины, подозрительно смотря на рычаги с привешенными камнями и веревками; они его, кажется, сильно интересовали, но он не осмеливался приближаться к ним. Наконец, он простился с нами, причем сделал странный кивок головой назад, и удалился, проговорив что-то, чего я, однако, не расслышал и не успел записать (с первого дня знакомства с папуасами я носил постоянно в кармане книжку для записывания при каждом удобном случае слов туземного языка).

Часов около четырех послышался свист, звонкий, протяжный, и из-за кустов выступил целый ряд папуасов с копьями, стрелами и другим дрекольем.

Я вышел к ним навстречу, приглашая знаками подойти ближе. Они разделились на две группы; одна, более многочисленная, поставив свое оружие около деревьев, приблизилась ко мне с кокосами и сахарным тростником; другая, состоящая из шести человек, оставалась около оружия. Это были жители деревни за мыском, которые прыгали и бегали сегодня утром, по уходе корвета. К этой деревне, которую называют Гумбу, я старался подойти на шлюпке в первый день прихода «Витязя» в порт Константина. Я им подарил разные безделки и отпустил, показав, что хочу спать.

16 сентября

Лунный вечер вчера был очень хорош. Разделив ночь на три вахты, я взял на себя самую утомительную — вечернюю (от девяти до двенадцати часов). Когда в двенадцать часов я был сменин Ульсоном, то вследствие сильного утомления долго не мог заснуть, так что ночь показалась мне, несмотря на все свое великолепие, очень длинной.

День прошел, как и первый, в разборке и установке вещей, что оказалось не так просто: вещей много, а места мало. Наконец, кое-как их разместил в несколько этажей: одни разложил в хижине, другие повесил, третьи поместил на чердаке, который Ульсон и я ухитрились устроить под крышей. Одну сторону моей комнаты (семь футов длины и семь ширины) занимает стол, другую — две корзины, образующие мою койку. В проходе, шириной около трех футов, помещается мое удобное, необходимое складное кресло.

Видел, как папуасы вытаскивали из моря большие клетки или корзины продолговатой формы, в которые ловят рыбу.

17 сентября

Проспал как убитый, не просыпаясь ни разу. Погода стоит очень хорошая. Целый день не было и признака папуасов. Я предложил моим людям последовать моему примеру, т. е. спать по ночам, так как узнал, что они разделили прошлую ночь на четыре вахты; но они не захотели, говоря, что боятся папуасов.

На руках и на лбу образовались подушки от укусов комаров, муравьев и других бестий. Странное

дело, я гораздо менее страдаю от этой неприятности, чем Ульсон и Бой, которые каждое утро приходят жаловаться на не дающих по ночам им покоя насекомых.

18 сентября

Днем видел только нескольких туземцев. Все, кажется, входит в свою обычную колею, которую приход корвета на время нарушил. Я решил, однако, быть очень осторожным во всех отношениях с туземцами. В описаниях этой расы напирают постоянно на их вероломство и хитрость; пока не составлю о них собственного мнения, считаю рациональным быть настороже. По вечерам люблюсь великолепным освещением гор, которое доставляет мне каждый раз новое удовольствие.

По уходе корвета здесь царит приятная тишина: не слышать почти людского говора, спора, брани и т. д., только море, ветер и порой какая-нибудь птица нарушают общее спокойствие.

Думать и стараться понять окружающее — отныне моя цель. Чего мне больше? Море с коралловыми рифами с одной стороны и лес с тропической растительностью с другой — оба полны жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над горами клубятся облака с не менее фантастическими формами. Я лежал, думая обо всем этом, на толстом стволе повалившегося дерева, и был доволен, что добрался до цели или, вернее, до первой ступени длиннейшей лестницы, которая должна привести к цели...

Пришел Туй, у которого я взял урок папуасского языка. Прибавив несколько слов к моему лексикону.

я точным образом записал их и, оставшись доволен учителем, подарил ему ящик от сигар, а Ульсон дал старую шляпу. Туй был в восторге и быстро удался, как бы боясь, чтобы мы не раздумали и не взяли данных вещей назад, или желая скорей показать свои новые подарки своим соплеменникам.

Около часу спустя показалась вереница туземцев, человек около двадцати пяти; впереди двое несли на плечах привешенного к бамбуковой палке поросенка, затем на головах посуду и, наконец, остальные — кокосовые орехи. Туй и много других знакомых были в толпе. Все свои дары туземцы положили на землю передо мной; потом каждый отдельно передал свой подарок мне в руки. Часть толпы отделилась от тех, которые распложились около меня. Туй объяснил им, что успел узнать об употреблении каждой вещи; те с большим интересом рассматривали каждую вещь, быстро переходя от одного предмета к другому. Мало говорили и вообще не шумели. К лестнице, то есть к дверям моего дома, они не подходили из деликатности или боязни — не знаю. Все знали мое имя и, обращаясь, называли по имени. Около Боя собрался кружок послушать его игру на маленьком железном инструменте — губной гармонии, которая в большом ходу на островах Самоа и на которой Бой играл с большим искусством. Музыка произвела необычайный эффект: папуасы обступили Боя и с видимым любопытством и удовольствием прислушивались к этой детской музыке. Они очень обрадовались, когда я им подарил несколько таких же гармоний, и тотчас же начали упражняться на новом инструменте. Просидев около часу, папуасы ушли; при прощаньи они протягивали левую руку.

Часов в десять вечера разразилась над нами сильная гроза: дождь лил ливнем, но крыша, к нашему общему удовольствию, не промокла.

19 сентября

Проснувшись до рассвета, решил пойти в одну из деревень, — мне очень хочется познакомиться с туземцами ближе.

Отправляясь, я остановился перед дилеммой — брать или не брать револьвер. Я, разумеется, не знал, какого рода прием меня ожидает в деревне, — но, подумав, пришел к заключению, что этого рода инструмент никак не может принести значительной пользы моему предприятию. Пустив его в дело при кажущейся крайней необходимости даже с полнейшим успехом, то есть положи я на месте человек шесть, очень вероятно, что в первое время после такой «удачи» страх оградит меня; но надолго ли? Желание мести, многочисленность туземцев, в конце концов, преодолеют страх перед револьвером. Затем размышления совершенно иного рода укрепили мое решение идти в деревню невооруженным.

Мне кажется, что заранее человек не может быть уверен, как он поступит в каком-нибудь дотоле не испытанном им случае. Я не уверен, как я, имея револьвер у пояса, поступлю, например, сегодня, если туземцы в деревне начнут обращаться со мной неподходящим образом, — смогу ли я остаться совершенно спокойным и индифферентным в ответ на все любезности папуасов. Но я убежден, что пуля, пущенная некстати, может сделать достижение доверия туземцев невозможным, то есть совершенно разрушить все шансы на успех предприятия.

Чем более я обдумывал мое положение, тем яснее становилось мне, что моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении.

Я оставил револьвер дома, но не забыл записную книжку и карандаш.

Я намеревался идти в Горенду, ближайшую от моей хижины деревню, но в лесу нечаянно попал на другую тропинку, которая, как я полагал, приведет меня все-таки в Горенду. Заметив, что я ошибся, я решил продолжать путь, будучи уверен, что тропа приведет меня в какое-нибудь селение. Я был так погружен в раздумье о туземцах, которых еще почти не знал, что был изумлен, когда очутился, наконец, около деревни, но какой — я не имел понятия.

Слышались несколько голосов, мужских и женских. Я остановился для того, чтобы сообразить, где я и что должно теперь случиться.

Пока я стоял в раздумьи, в нескольких шагах от меня появился мальчик лет четырнадцати или пятнадцати. Мы молча с секунду поглядели в недоумении друг на друга. . . Говорить я не умел, подойти к нему — значило напугать его еще более. Я продолжал стоять на месте. Мальчик же стремглав бросился назад в деревню. Несколько громких возгласов — женский визг, и затем полнейшая тишина.

Я вошел на площадку. Группа вооруженных копьями людей стояла посредине, разговаривая оживленно, но вполголоса между собой. Другие, тоже вооруженные, стояли поодаль; ни женщин, ни детей не было — они, вероятно, попрятались. Увидев меня, некоторые туземцы приняли очень воинственную позу, как бы готовясь пустить копьё. Усталый, отчасти неприятно удивленный встречей, я продолжал

медленно подвигаться, смотря кругом и надеясь увидеть знакомое лицо. Такого не нашлось.

Я остановился около одной из хижин, и ко мне подошли несколько туземцев. Вдруг пролетели одна за другой две стрелы, очень близко от меня. Стоявшие около меня туземцы громко заговорили, обращаясь, вероятно, к пустившим стрелы, а затем, обратившись ко мне, показали на дерево, как бы желая объяснить, что стрелы были пущены с целью убить птицу на дереве. Но птицы там не оказалось, и мне подумалось, что туземцам хочется знать, как я отнесусь к сюрпризу вроде очень близко мимо меня пролетевших стрел. Я заметил, что, как только пролетела первая стрела, много глаз обратились в мою сторону, как бы изучая мою физиономию. Но, кроме выражения усталости и, может быть, некоторого любопытства, они, вероятно, ничего не обнаружили в ней.

Я в свою очередь огляделся вокруг, — все угрюмые, встревоженные, недовольные физиономии и взгляды, как будто говорившие: зачем я пришел нарушить их спокойную жизнь? Мне самому как-то стало неловко: на что прихожу я стеснять этих людей?

Никто не покидал оружия, за исключением двух или трех стариков. Число туземцев стало прибывать; кажется, другая деревня была недалеко, и тревога, вызванная моим приходом, дошла и туда. Небольшая толпа окружила меня. Двое или трое говорили очень громко, враждебно поглядывая на меня. При этом, как бы в подкрепление своих слов, они размахивали копьями.

Один из них был даже так возбужден, что при какой-то фразе, которую я, разумеется, не понял,

вдруг размахнулся копьем и еле-еле не попал мне в глаз или в нос. Движение было замечательно быстро. и, конечно, не я был причиной того, что не был ранен, — я не успел двинуться с места, где стоял, — а ловкость и верность руки туземца, успевшего остановить конец своего копья в нескольких сантиметрах от моего лица.

Я отошел шага на два в сторону и мог слышать несколько голосов, которые неодобрительно (как мне, может быть, показалось) отнеслись к этой бесцеремонности.

В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома, — я не мог ручаться, так же ли хладнокровно отнесся бы я ко второму опыту, если бы мой противник вздумал его повторить.

Положение было глупое: конечно, лучше было бы уйти, но мне страшно захотелось спать. Домой идти далеко. Отчего же не спать здесь? Все равно я не могу говорить с туземцами, и они не могут меня слышать.

Не долго думая, я высмотрел место в тени, пригнул туда новую циновку (вид которой, кажется, подал мне первую мысль — спать здесь) и с громадным удовольствием растянулся на ней. Закрывать глаза, утомленные солнечным светом, было очень приятно. Пришлось, однако, полуоткрыть их, чтобы развязать шнурки башмаков, расстегнуть штiblеты, распустить пояс и подложить что-нибудь под голову. Я увидел, что туземцы стали полукругом, в некотором отдалении от меня, вероятно, удивляясь и делая предположения о том, что будет дальше.

Одна из фигур, которую я видел перед тем, как снова закрыл глаза, оказалась тем самым туземцем.

который чуть не ранил меня. Он стоял недалеко и разглядывал мои башмаки.

Я припомнил все происшедшее и подумал, что все это могло бы кончиться очень серьезно; у меня промелькнула мысль, что, может быть, это только начало, а конец еще впереди. Но если уж суждено быть убитым, то не все ли равно, будет ли это стоя, сидя, лежа на циновке, или же во сне? Далее я подумал, что если бы пришлось умирать, то сознание, что при этом два, три или даже шесть папуасов также заплатились жизнью, было бы весьма небольшим удовольствием. Был снова доволен, что не взял с собой револьвера.

Когда я засыпал, голоса птиц заняли меня; резкий крик быстро летающих лори несколько раз заставлял меня очнуться; жалобная песня «коки»,¹ напротив, наводила сон; треск цикад также несколько не мешал, а скорей способствовал сну.

Мне кажется, я заснул скоро, так как встал сегодня очень рано и, пройдя часа два почти все по солнцу, с непривычки чувствовал большую усталость, и в особенности усталость глаз от яркого дневного света.

Проснулся, чувствуя себя очень освеженным. Судя по положению солнца, должен был быть по крайней мере третий час. Значит, я проспал два часа слишком. Открыв глаза, я увидел несколько туземцев, сидящих вокруг циновки шагах в двух от меня; они разговаривали вполголоса, жуя бетель. Они были без

---

¹ «К о к и» — птица-шалашник, величиной с галку, синевато-черного цвета; строит на земле из прутиков гнезда в виде шалаша. Ред,

оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо. Я очень пожалел, что не умею еще говорить с ними. Я решил идти домой и начал приводить свой костюм в порядок; эта операция очень заняла окружающих меня папуасов. Затем я встал, кивнул головой в разные стороны и направился по той же тропинке в обратный путь, показавшийся мне теперь короче, чем утром.

После шести часов вечера поднялся довольно сильный ветер с севера, со шквалами и дождем; температура быстро понизилась. Темно делается здесь уже в семь часов; в безлунные ночи темень страшная, шагах в четырех от дома трудно его различить.

20 сентября

Всю ночь дождь лил ливнем. Утро пасмурное, и опять идет мелкий дождь.

Утром бродил при отливе по колена в воде, но ничего интересного не попалось.

Муравьи здесь выводят из терпения, ползают по голове, забираются в бороду и очень больно кусаются. Бой до того укусан и так расчесал укушенные места, что ноги его распухли, а одна рука покрылась ранами. Я обмыл мелкие раны разведенным нашатырным спиртом, а более глубокие перевязал, промыв карболовой кислотой.

Вчера вечером зашел ко мне Туй, вооруженный копьем, и выпросил топор (ему необходимо перерубить что-то), обещая скоро возвратить; я поспешил исполнить его просьбу. Интересно знать, что выйдет из этого опыта моей доверчивости. Курьезнее всего, что, все еще не зная языка, мы понимали друг друга.

Папуасы притащили мне четыре-пять длинных

бамбуковых палок, футов по двадцати, для веранды.

Туй также принес мне бамбук, но о топоре ни слова.

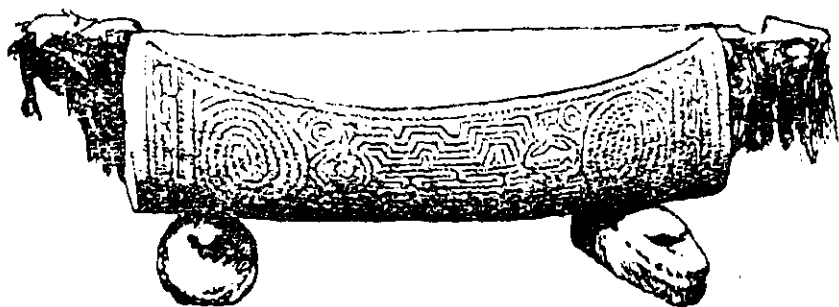
Нашел, что книги и рисунки кажутся туземцам чем-то особенно страшным; многие встали и хотели уйти, когда я им показал рисунок (портрет) из какой-то иллюстрации. Они просили меня унести скорее его в дом, и только, когда я это сделал, успокоились.

Я напрасно усомнился в честности Туя: не было еще шести часов, как он явился и принес топор. Довольный этой чертой характера моего приятеля, я подарил ему зеркало, с которым он немедленно и убежал в деревню, вероятно, похвастаться подарком. Этот подарок побудил, вероятно, и других туземцев посетить меня. Они принесли мне кокосов и сахарного тростнику, на что я ответил пустой коробкой и гвоздями средней величины. Немного погодя, явился еще несколько человек также с подарками; я дал каждому по два гвоздя средней величины.

Надо заметить, что в этом обмене нельзя видеть продажу и куплю. Это только обмен подарками. Чего у кого много, то он и дарит, не ожидая непременно вознаграждения. Я уже несколько раз испытывал туземцев в этом отношении, — не давал им ничего в обмен за принесенные ими кокосы, сахарный тростник и проч. Они не требовали ничего за них и уходили, не взяв своих подарков назад.

Я сделал еще другое наблюдение: моя хижина и я сам производят еще на туземцев какое-то особенное впечатление: им у меня не сидится, они осматриваются, точно каждую минуту ожидают появления че-

го-то особенного. Весьма немногие смотрят мне в глаза и отворачиваются или нагибаются, когда я взгляну на них. Некоторые смотрят на мою хижину и на вещи в ней как-то завистливо (хотя я не могу описать точного выражения таких лиц, но почему-то мне кажется, что в их лице выражается зависть). Раза два или три приходили ко мне люди, смотревшие на меня очень злобным, враждебным взглядом. Брови у них были сильно нахмурены, и верхняя губа

Сигнальный (саракам барум) новогвинейских папуасов

как-то поднята вверх; каждую минуту я ожидал, что она поднимется выше и что я увижу их сжатые зубы.

Следы «Витязя» видны кругом моего мыса; по лесу трудно пройти, везде срубленные деревья, сучья, висящие на спутанных лианах, заграждают путь. Старые тропинки завалены во многих местах. Понятно, все это приводит папуасов в изумление; своими каменными топорами они не нарубили бы в целый год столько деревьев, сколько матросы в несколько дней.

Всю ночь была слышна у моих соседей в Горенду музыка: дудка и барабан. Дудка состоит из просверленной сверху и сбоку скорлупы кокосового ореха особенно малой величины; есть также дудки из бамбука. Барабан же представляет большой выдолблен-

ный столб от двух до трех метров длины и от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ метра ширины; он имеет вид корыта, поддерживается двумя брусьями; когда ударяют по его бокам большими палками, то удары слышатся на расстоянии нескольких миль.

У моих соседей сегодня, вероятно, праздник: у приходивших ко мне лица раскрашены красной охрой, на спине разные узоры; почти у всех в волосах воткнуты гребни с перьями. Туй прислал с одним из своих сыновей свинины, плодов хлебного дерева, бананов и таро,¹ все хорошо сваренное и аккуратно завернутое в большие листья хлебного дерева.

21 сентября

Приходили и сегодня мои соседи из Горенду с несколькими гостями, жителями островка Били-Били (на русской карте назван островом «Витязя»). Большое число разных украшений (из раковин, зубов собак и клыков свиньи), размалеванные физиономии и спины, взбитые выкрашенные волосы давали гостям положительно парадный вид. Хотя тип физиономии был не отличим, но различие внешних украшений придавало людям из Били-Били такой вид, что их сейчас же можно было отличить от людей Горенду и других ближайших деревень.

Мои соседи из Бонгу показывали многие из моих вещей своим знакомым, причем последние каждый раз при виде неизвестного им предмета широко раскрывали глаза, немного разевали рот и клали один из пальцев между зубами.

---

¹ Таро — растение, клубни которого, богатые крахмалом, составляют один из главных продуктов питания туземцев большинства островов Океании, *Ррр*.

Когда стало темнеть, я вздумал пройти немного по тропинке. Мне хотелось убедиться, можно ли будет возвращаться ночью из деревень; но вдруг так стемнело, что я поспешил вернуться домой, и хотя можно было разглядеть общее направление тропинки, однако я пришел домой с разбитым лбом и больным коленом, наткнувшись сперва на сук, а затем на какой-то пенёк. Итак, по лесу ночью ходить не придется.

Замечаю, что в бутылке чернил осталось очень мало, и положительно не знаю, найдется ли в багаже другая.

22 сентября

Отправился утром при отливе за добычей на риф. Гуляя по колену в воде, сверх ожидания набрал несколько интересных известковых губок. Через полчаса у меня было более чем на день работы.

Вернувшись с рифа, я решил, однако, оставить микроскоп в покое до завтра и идти знакомиться с моими соседями — в деревню на восток от мыса Обсерваций. Отправился туда, разумеется, не зная дороги, просто выбирая в лесу тропинки, которые, по моим соображениям, должны были привести меня в деревню. Сперва шел по лесу — густому, с громадными деревьями. Шел и наслаждался разнообразием и роскошью тропической растительности, новостью всего окружающего...

Из леса вышел я к морю. Следуя морским берегом, не трудно было добраться до деревни. Так как я не встретил никого дорогой, то некому было дать знать жителям Гумбу о моем приближении. Свернув с морского берега на хорошо утоптанную тропинку,

я услышал голоса мужчин и женщин. Скоро показались из-за зелени крыши хижин.

Пройдя около одной из них, я очутился на первой площадке деревни, где увидел довольно многолюдную и оживленную сцену. Двое мужчин работали над исправлением крыши одной из хижин и казались

Папуасские хижины и барла

Рисунок О. Финша

очень занятыми, несколько молодых девушек и мальчиков плели, сидя на земле, циновки из листьев кокосовой пальмы и подавали их людям, поправлявшим крышу; две или три женщины возились с детьми; две громадные свиньи с поросятами доедали остатки завтрака. Хотя солнце было уже высоко, но тени на площадке было много, и жар вовсе не чувствовался. Разговор был общий и казался очень ожив-

вленным. Картина эта по своей новизне имела для меня громадный интерес.

Вдруг — пронзительный крик — разговор оборвался, и наступила страшная суматоха. Женщины и девушки с криками и воплями бросили свои занятия и стали хватать грудных детей, которые, разбуженные внезапно, плакали и ревели; подростки, приведенные в недоумение испугом матерей, завизжали и заголосили. Таща детей с собой, боясь оглянуться, женщины кинулись в лес; за ними последовали девушки и подростки; даже собаки с воем и свиньи с сердитым хрюканьем побежали за ними.

Встревоженные воплями женщин, сбежались мужчины со всей деревни, по большей части вооруженные чем попало, и обступили меня со всех сторон. Я стоял спокойно посреди площадки, удивляясь этой тревоге, недоумевая, почему мой приход мог произвести такую кутерьму. Я очень желал успокоить туземцев словами, но слов я не знал. Приходилось довольствоваться лишь жестами, что было вовсе не легко. Туземцы стояли вокруг меня нахмурившись и перекидывались словами, которых я не понимал.

Устав от утренней прогулки, я отправился к одной из высоких платформ, взобрался на нее, расположился довольно удобно и знаками пригласил туземцев последовать моему примеру. Некоторые поняли, кажется, что я не имею намерения повредить им, заговорили между собою уже спокойнее и даже отложили в сторону оружие, между тем как другие, все еще подозрительно оглядываясь на меня, не выпускали своих копий из рук. Группа туземцев вокруг меня была очень интересна, но мне нетрудно было заметить, что мой приход был им крайне неприятен.

Большинство посматривало на меня боязливо, и все как-будто томительно ожидали, чтобы я удалился. Я вынул мой альбом, сделал несколько набросков хижинок, расположенных вокруг площадки, высоких платформ («барла»), подобных той, на которой я сидел, и перешел затем к записыванию некоторых замечаний о самих туземцах, оглядывая каждого с ног до головы очень внимательно. Мне стало ясно, что мое поведение начинает смущать туземцев; особенно не нравился им мой внимательный осмотр. Многие, чтобы избавиться от моего пристального взгляда, встали и ушли, что-то ворча.

Мне очень хотелось пить. Кругом меня соблазняли кокосовые орехи, но никто не подумал предложить мне даже один из валявшихся на земле свежих кокосов, чтобы утолить жажду. Никто из туземцев не подошел ближе и не постарался заговорить со мной, а все смотрели враждебно и угрюмо.

Понимая, что, оставаясь дольше, я не подвину вперед моего дела, — знакомства с туземцами, — я встал и, при общем молчании, прошел через площадку, направляясь по тропинке, которая и привела меня к морю.

Возвращаясь домой и обдумывая виденное, я пришел к заключению, что сегодняшняя моя экскурсия доказывает, что нелегко будет одолеть недоверие туземцев и что на это потребуются немало терпения и такта в обращении с ними с моей стороны.

Придя к закату солнца домой, я был встречен моими слугами, которых начинало беспокоить мое продолжительное отсутствие; они, между прочим, известили меня, что в мою отлучку двое жителей Горенду принесли три свертка: для меня, для Ульсона и Боя.

Я приказал их раскрыть, и в них оказались вареные бананы, плод хлебного дерева и куски какого-то мяса, похожего на свинину. Мясо мне не особенно понравилось, но Ульсон и Бой ели его с удовольствием. Когда они кончили, я очень смутил их замечанием, что это, вероятно, человеческое мясо. Оба очень сконфузились и уверяли, что это была свинина; однако я остался в сомнении.

23 сентября

Очищал площадку перед хижинкой от хвороста и сухих листьев. Мое помещение с каждым днем улучшается и начинает мне все более и более нравиться.

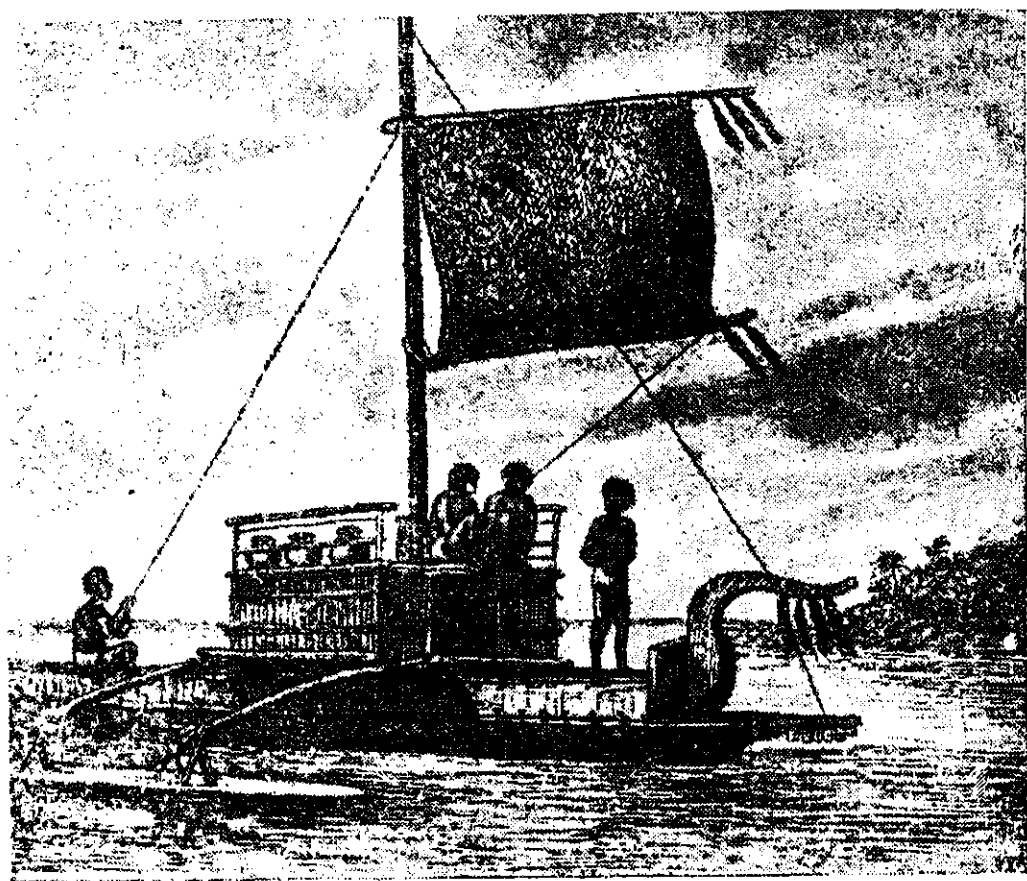
Вечером слышу — кто-то стонет. Иду в дом и застаю Боя, который, закутавшись с головой в одеяло, еле-еле мог ответить на мои расспросы. У него оказалась довольно повышенная температура.

24 сентября

Часу в четвертом из-за мыса Обсерваций вдруг показался парус, а затем большая пирога особенной постройки, с крытым помещением наверху, в котором сидели люди. Один стоял на руле и управлял парусом. Подойдя ближе к моему мыску, рулевой, повернувшись в нашу сторону, начал что-то кричать и махать руками. Такой большой пироги я здесь по соседству еще не видал. Пирога направилась в Горенду, но через пять минут показалась другая, еще больше первой; на ней стоял целый домик или, вернее, большая клеть, в которой помещалось человек шесть или семь туземцев, защищенных крышей от жарких лучей солнца. На обеих пирогах было по две

мачты, из которых одна была наклонена вперед, другая назад.

Я догадался, что мои соседи захотят показать своим гостям такой курьез, как белого человека, и приготовился поэтому к встрече. Действительно, че-

Парусная пирога с острова Били-Били

рез четверть часа с двух сторон, из деревень Горенду и Гумбу, показались туземцы. С гостями, прибывшими, как я узнал, с островка Били-Били, пришли несколько моих соседей туземцев, чтобы объяснить своим гостям разные диковинные вещи у хижины белого.

Люди из Били-Били с большим удивлением и интересом рассматривали все: кастрюли и чайник в кухне, мое складное кресло на площадке, небольшой столик там же; мои башмаки и полосатые носки возбудили их восторг. Они не переставали открывать рот, приговаривая протяжные «а-а-а...», «е-е-е...», чмокать губами, а в крайних случаях вкладывать палец в рот. Гвозди им также понравились.

Я дал им кроме гвоздей несколько бус и по красной тряпке, к великой досаде Ульсона, которому не нравилось, что я раздаю вещи даром и что гости пришли без подарков.

У людей из Били-Били часть волос была тщательно выкрашена красной охрой; лоб и нос были раскрашены той же краской, а у некоторых даже спины были размалеваны. У многих на шее висело ожерелье, которое спускалось на грудь; это были клыки папуасской свиньи, связанные таким образом, что, вися на груди, они представляли лежащую цифру 3 с равной верхней и нижней частью. Это украшение, называемое жителями Горенду «буль-ра», по видимому, очень ценится ими. Я предлагал им взамен «буль-ра» нож, но они не согласились на такой обмен, хотя и очень желали добыть нож. Они были очень довольны моими подарками и ушли в отличном настроении духа.

Я был, однако же, удивлен, увидев их снова через полчаса, на этот раз нагруженными кокосами и бананами; они успели сходить к своим пирогам и принести мне свои подарки. Церемония поднесения подарков имеет здесь свои правила: каждый приносит свой подарок отдельно от других и передает его прямо в руки лицу, которому хочет дарить. Так слу-

чилось и сегодня; каждый передал свой подарок сперва мне, затем Ульсону значительно меньше, а затем Бою еще меньше.

Люди Били-Били долго оставались у хижины. Они собрались уходить, когда стало темнеть, и, знаками указывая на меня и мою шлюпку, а затем на свой островок, который виднелся вдали, показывали жестами, что не убьют и не съедят меня; что у них там много кокосов и бананов.

Прощаясь, они пожимали мне руку выше локтя. Двое, которым я почему-то подарил больше безделок, обнимали меня левой рукой и, прижимая одну сторону моей груди к своей, повторяли: «О Маклай! О Маклай!»

28 сентября

Меня свалил сегодня первый пароксизм лихорадки; как ни крепился, пришлось лечь и весь день пролежать... Было скверно.

30 сентября

Сегодня наступила очередь Ульсона. Когда я встал, ноги у меня дрожали и подгибались. Бой тоже уверяет, что нездоров. Моя хижина теперь настоящий лазарет.

Узнал сегодня от Туя имена разных деревень, виднеющихся с моего мыска. Я удивился числу имен: каждый ничтожный мысок и ручеек имеют специальное туземное название; так, например, небольшой мысок, на котором стоит моя хижина, где никогда до меня никто не жил, называется Гарагасси; мыс Обсерваций напротив — Габина. Деревня, которую я посетил вечером в день прихода «Витязя», назы-

вается, как я уже упоминал несколько раз, Горенду. Затем идет Бонгу, дальше Мале, еще дальше лежащая у самого берега деревня, которую я посетил с офицерами «Витязя», — Богатим. Еще дальше у мыска, недалеко уже от островка Били-Били, деревня Горима; на восток от Гарагасси деревня, к которой мне не удалось пристать в первый день, называется Гумбу, затем Марагум, еще дальше деревня Рай.

При расспросах Туя я не мог не подивиться его смышленности, с одной стороны, и некоторой тупости или медленности мышления — с другой. Слушая названия, я, разумеется, записывал их и на той же бумаге сделал набросок всей бухты, намечая относительное положение деревень. Туй это понимал, и я несколько раз проверял произношение названий деревень, прочитывая их громко, причем Туй поправил не только два названия, но даже и самый набросок карты. В то же время мое записывание имен и черчение на бумаге нисколько не интересовали его; он как-будто и не замечал их. Мне казалось странным, что он не удивлялся.

Отпустив Туя, я принялся ухаживать за двумя больными, которые стонали и охали. Я и сам, после вчерашнего пароксизма, еле-еле волочу ноги.

Октябрь 1871 года

Туземные сигары. — Огород. — Распорядок дня. — Бритый Туй. — Ночной концерт. — Туй-рыболов. — Болезнь Боя. — Землетрясение. — Папуасские «согреватели». — Гости с гор.

1 октября

У меня пароксизм повторился; все больны, скверно, а когда начнется дождливое время года, будет, вероятно, еще сквернее.

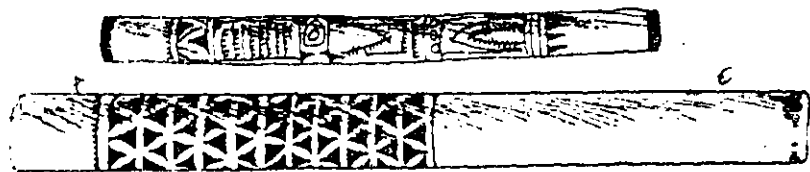
2 октября

Дав людям по приему хины и сварив к завтраку по две порции риса на человека, я отправился в лес, главным образом, чтобы отделаться от стонов и оханий. Птиц много. Как только туземцы попривыкнут ко мне, буду ходить на охоту, так как консервы мне противны. Когда я вернулся, то застал Ульсона все еще охающим на своей койке, Бой же был на ногах и варил бобы к обеду.

Приходил Туй с тремя людьми из Гумбу. Привезенный мной табак (американский, в табличках) начинает нравиться туземцам. Они употребляют его, смешивая со своим. Курят они таким образом: берут полусухой (сушеный на солнце), но еще мягкий лист

туземного табаку, расправляют его руками, сушат, держа высоко над огнем, затем разрывают на мелкие кусочки, которые свертывают в виде сигары, завертывают в высушенный над огнем специальный лист, а затем уже курят, проглатывая дым. Теперь, получая от меня иногда табак, они перед курением обращаются с ним, как со своим, то есть разрывают табачную табличку на малые кусочки, сушат их, а затем еще более размельчают их и примешивают к своему табаку. Сигара переходит от одного к другому, причем каждый затягивается дымом один или

Папуасские орнаментированные бамбуковые мундштуки для сигар

два раза, проглатывает его медленно и передает сигару соседу.

Занятие одного из моих гостей заинтересовало меня. Он приготавливал тонкие, узкие полоски из ствола какого-то гибкого, выющего растения. Сперва он выскабливал одну сторону его, отдирая от него тонкую полоску, разрезал ее потом осколками раковины, которые он менял или обламывал, чтобы получить острый край, служивший ему ножом. Эти полоски назначались для плетения браслетов «сагю», носимых туземцами на руках выше бицепса и на ногах у колен. Туземец так ловко и быстро работал своим примитивным орудием, что, казалось, никакой

другой инструмент не может служить лучше для этой цели.

Единственным лакомством является здесь для меня кокосовая вода. Кроме нее и чаю я ничего не пью. Обыкновенно выпиваю два кокосовых ореха в день.

4 октября

Вчера вечером — сильнейшая гроза. Дождь шел ливнем и пробил мою крышу.

На столе моем был настоящий потоп; пришлось убирать бумаги и книги, и ночь я провел в большой сырости.

Сегодня в продолжение дня перебивало в моей хижине более сорока человек из разных деревень; изучение языка идет вперед все еще туго.

6 октября

Начали разводить огород, сделали гряды. Работа была нелегкая, так как слой земли очень незначителен и, покопав немного, натыкаешься на коралл. Кроме того, множество корней так перепутано, что приходится работать топором столько же, сколько и лопатой. Посеяли бобы, семена тыквы из Таити и кукурузу; не знаю, что взойдет еще, так как семена, кажется, плохи (лежали слишком долго). Был несколько часов в лесу, дивясь промадному разнообразию растительных форм и сожалея на каждом шагу, что смыслю так мало в ботанике.

8 октября

Сегодня были у меня тринадцать человек из Ямбомбы, островка близ Били-Били, которые, должно быть, много слышали обо мне от обитателей послед-

него. Из моих подарков они ценили всего более гвозди.

Наблюдал долго, как сын Туя, мальчик лет пятнадцати, стрелял из лука в рыбу, но очень unsuccessfully:

Мальчик папуас
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

не попал ни в одну. Стрелы исчезали на секунду в воде, а затем выплывали на поверхность, стоя в воде перпендикулярно. Затем они снова были собраны

охотником. Стрелы эти отличаются от обыкновенных тем, что имеют вместо одного острия — несколько: четыре, пять, иногда и более. Острие сделано из твердого дерева и всажено в длинный, тонкий тростник.

Я решил увеличить мое помещение — заменить высокое крыльцо верандой, то есть переставить трап и закрыть полустеной (из кокосовых листьев) переднюю часть веранды.

Вздумано — сделано. Отправился в лес с Боем. У каждого из нас было по топору. Мы нарубили разного материала для постройки, и к обеду, то есть к четырем часам, веранда была готова. Она имеет 4 фута ширины и 7 футов длины. Из высокого ящика, поставленного на другой, устроил я род стола. Это будет мое обычное место для работы днем, так как здесь светло и можно будет говорить с туземцами, не двигаясь с места. Кроме того, отсюда прелестный вид на море.

10 октября

Расскажу сегодня, как проводил до сих пор большинство дней.

Вставал я ранее моих слуг, еще в полутемноте, часов в пять; отправлялся кругом дома посмотреть, не случилось ли чего нового за ночь, затем спускался к ручью мыться, причем очень часто забывал взять с собою мыло. Придешь вниз, вспомнишь, что мыло забыл, ну и лень подняться за ним в хижину, особенно когда я нашел прекраснейший суррогат мыла в мелком песке на дне ручья. Захватишь немного этого песка, потрешь им руки, которые делаются немного красными, но зато совершенно чистыми, затем, крепко зажмурясь, вытрешь им лицо. Одно неудоб-

ство: много песку остается в бороде. Возвращаюсь к дому около трех четвертей шестого; уже светло. Бой разводит огонь и греет воду для меня. Я отправляюсь на веранду и жду там чай, который мне подают с сухарями или печеными бананами, очень приятными на вкус. Около семи часов записываю температуру воздуха, воды в ручье и в море, высоту прилива, высоту барометра, направление и силу ветра, количество испарившейся воды в эвапорометре,¹ вынимаю из земли зарытый на один метр глубины термометр и записываю его показание. Окончив метеорологические наблюдения, отправляюсь или на коралловый риф за морскими животными, или в лес за насекомыми. С добычей сажусь за микроскоп или кладу собранных насекомых в спирт, или же принимаюсь за какую-нибудь другую работу часов до одиннадцати. В одиннадцать завтракаю. Завтрак состоит из отваренного рису с кери.² После завтрака ложусь в подвешенный на веранде гамак и качаюсь в нем до часа, причем часто засыпаю. В час те же метеорологические наблюдения, как в семь часов. Затем опять принимаюсь за какую-нибудь работу, как, например, приведение в порядок наблюдений, записанных в карманной книжке, реже за чтение.

Приход папуасов часто прерывает мои занятия; я спешу к ним, не желая упустить случая прибавить несколько слов к моему папуасскому словарю. После пяти отправляюсь погулять в лес до обеда, который

---

¹ Эвапорометр — прибор, служащий для наблюдения над испарением воды.

² Кери — очевидно, острая приправа (консервированный соус) к рису. В Индии «Кэрри» — рисовая каша с разными острыми приправами. *Ред.*

подает мне Бой около шести часов и который состоит из тарелки отваренных чилийских бобов с небольшим куском «чарки»¹ и одной или двух чашек чаю. Тарелка рису утром, тарелка бобов вечером, несколько чашек чаю в день — вот моя ежедневная пища. Привезенные мною несколько банок мясных и рыбных консервов я вполне предоставил моим слугам. Самый вид их мне противен.

Время после обеда я посвящаю на разные домашние работы, как-то: чистку ружей, уборку своей кельи, а затем, сменив мой костюм, сделанный из бумажной материи, на фланелевый, когда темнеет, сажусь на пень у берега, слежу за приливом и отливом, рассматриваю далекий горизонт, облака и т. д. Иногда ложусь снова в гамак и прислушиваюсь к раздающемуся кругом меня в лесу крику птиц и трескотне десятков разноголосых цикад. В восемь часов иду в комнату и, зажегши свою небольшую лампочку (более похожую на ночник, чем на лампу), записываю происшествия дня в дневник. В восемь—девять часов опять метеорологические наблюдения и, наконец, — предпоследний акт дня — очищаю кокосовый орех и выпиваю его прохладительную воду. Вернувшись в комнату, осматриваю заряженные ружья и ложусь на жесткую постель, состоящую из двух корзин, покрытых одеялом вместо тюфяка и простынь. Засыпаю обыкновенно очень скоро.

Визиты туземцев и заболевание Ульсона и Боя нарушают немного ход этой с виду однообразной, но, в действительности, для меня очень интересной жизни

---

¹ «Чарки» — чилийское название сушеной говядины. *Ред.*

11 октября

Приходил Туй с двумя другими туземцами. Все были вооружены копьями, луками со стрелами, и у каждого было по топору на плече. Я выразил желание, чтобы гости показали мне употребление лука и стрел, что они сейчас же и исполнили. Стрела пролетела около шестидесяти пяти шагов, но при этом было заметно, что даже легкий ветер имеет большое влияние на полет ее. На таком расстоянии она навряд ли могла бы причинить серьезную рану; шагов на двадцать или тридцать — иное дело, и Туй, может быть, прав, показывая, что стрела может пронзить руку насквозь. . .

Затем Туй показал целый маневр боя: держа лук и стрелы на левом плече, а копье в правой руке, он отбежал шагов десять, кидаясь в разные стороны, сопровождая каждое движение коротким, резким криком. Он то натягивал тетиву лука и пускал стрелу, то наступал, как будто стараясь ранить копьем неприятеля, то прятался за деревьями, иногда нагибался или быстро отпрыгивал в сторону, избегая воображаемой стрелы. Другой туземец, соблазнившись примером, присоединился к нему и стал представлять противника; этот турнир был интересен и довольно характерен.

15 октября

Стоны больного Боя продолжались всю ночь и часто будили меня. Я проснулся, когда уже было совсем светло и когда Ульсон принес мой завтрак на веранду, сказав при этом, что Туй уже давно сидит в кухне.

Выпив чай, я отправился в кухню (в шалаш) и, действительно, увидел там папуаса, но совершенно мне незнакомого. Я принялся рассматривать его, но все-таки не мог припомнить, где и когда я его видел. Я предположил, что незнакомец пришел вместе с Туем, а последний уже ушел. Каково же было мое удивление, когда Ульсон спросил меня, неужели я не узнаю Туя.

Я снова взглянул на туземца, который, улыбаясь, показывал на осколки стекла и на свою верхнюю губу. Тут я заметил, что он выбрил усы и часть бороды. Это так изменило лицо моего старого знакомого, что я его сперва вовсе не узнал. Губы и подбородок были отлично выбриты, он так искусно совершил эту операцию, что нигде не было ни царапины.

Открытие, что стеклом удобно бриться (на островах Полинезии этот способ очень в ходу), до которого Туй дошел совершенно самостоятельно, сильно возвысит ценность разбитых бутылок, в чем я сейчас же убедился, видя, с каким выражением удовольствия Туй получил в подарок от Ульсона несколько осколков стекла. Сходство разбитого стекла с отбитыми осколками кремня или кусочками разбитых раковин, — инструментами, употребляемыми у папуасов для резания, — легко объясняет открытие Туя, но вместе с тем доказывает наблюдательность и желание туземцев знакомиться опытом с новыми для них предметами.

Войдя на мою веранду, я сделал неприятное открытие: крыша, над которой я трудился часов пять, снова протекает, чего я никак не мог ожидать, накладывая сплетенные кокосовые листья очень часто. Обдумывая причину течи, я пришел к заключению,

что виной тому не материалы и не кладка листьев, а слишком малая покатость крыши. Таким образом объясняется высота крыш хижин на островах Тихого океана. Эта-то высота и крутизна главным образом и делают крыши непромокаемыми.

Чувствуя себя плохо, я принял хины (прием в полграмма) и хорошо сделал, потому что к часу я почувствовал лихорадку, но прием хины предупредил пароксизм. Ульсон тоже плох; ходит и говорит как больной. Бой не встает; опять лазарет. Бываю в доме только по вечерам и ночью. Целый день на площадке около дома и нередко на веранде. Приходится зажигать лампу в половине седьмого. Не проходит вечера или ночи без отдаленного грома и очень яркой молнии. Сегодня опять гроза, опять течет на стол, на книги... везде мокро.

17 октября

Несмотря на стоны Ульсона, я заснул, но не успел проспать и получаса, как снова был разбужен странным воем, который, казалось, то приближался, то опять удалялся. Спросонья я не мог дать себе отчета, что это может быть. Вышел на веранду.

Дождь перестал, и было не слишком темно. Я оделся, вышел, сошел к ручью, и мне пришла фантазия пойти по тропинке в Горенду и послушать вблизи пение папуасов, так как этот вой не мог быть ничем иным, как пением туземцев. Надо было сказать Ульсону, что я ухожу; ему моя фантазия очень не понравилась. Он уверял меня, что если папуасы вдруг придут, то непременно убьют его и Боя, так как оба они больны и защищаться не могут. В утешение я поставил мое двуствольное ружье около его койки

и уверил, что при первом выстреле вернусь немедленно в Гарагасси.

Дождь хотя и прошел, но было пасмурно; однако, благодаря взошедшей, хотя и скрытой облаками, луне, я мог пробираться осторожно по тропинке.

Пение слышалось все громче, по мере того как я приближался к Горенду. Очень утомившись от этой прогулки в полутемноте, я сел на пенёк и стал вслушиваться. Пение или вой, несшийся мне навстречу, был очень прост, и напев постоянно повторялся. Кроме того, этот примитивный мотив еще подымался и опускался неправильными волнами, то неожиданно совсем обрывался, чтобы начаться через полминуты. От времени до времени слышались удары барума (папуасского барабана).

Иногда тот же напев, начинаясь медленно, тихо, протяжно, постепенно рос, делался все громче и громче; такт все учащался; наконец, пение переходило в какой-то почти-что нечеловеческий крик, который, внезапно обрываясь, замирал.

Сидя на пне, я раза два чуть было не свалился. Мне казалось, что я вижу какой-то страшный сон. Очнувшись во второй раз и чувствуя большое желание спать, я переменял намерение: вместо того, чтобы идти вперед, я пошел назад, и не помню, как добрался до моей хижины, где тотчас же лег, даже не раздеваясь. Несколько раз еще впросонках слышал урывки папуасского концерта.

18 октября

Сегодня в первый раз дождь шел утром. Не наступает ли дождливое время года? Когда дождь пе-

рестал, я был свидетелем, сидя на пне у моего флажштока, оригинальной ловли рыбы.

Был отлив: мелкая рыба, должно быть преследуемая акулами, которых здесь не мало, металась во все стороны, выпрыгивая иногда из воды. Из-за деревьев у берега вышел Туй и следил за прыжками рыб.

Вдруг рыбы, вероятно жестоко преследуемые неприятелем, кинулись к берегу. В несколько прыжков Туй очутился около них. Вода там была немного ниже колен, и дно, разумеется, хорошо видно. Вдруг Туй сделал сильный прыжок, и одна из рыбок оказалась пойманной. Туй ловил их ногами. Он сперва придавил рыбу ступней, потом поднял, ухватив между большим и вторым пальцем ноги. Согнув колено, он протянул руку и, высвободив добычу, положил рыбку в мешок. После этого, быстро нагнувшись и схватив камень, Туй бросил его в воду с значительной силой; потом, подойдя к тому месту, куда был брошен камень, он, стоя на одной ноге, поднял другую убитую камнем рыбку.

Все было сделано не только очень искусно, но даже и весьма грациозно. Туй, однако же, человек далеко не молодой; мне он кажется лет около сорока пяти или более.

Увидев меня на моем мыске, он пришел в Гаргасси. Я бросил на землю четвертушку бумаги и сказал, чтобы он поднял ее ногами. Я хотел знать, может ли он так плотно прижать большой палец ко второму, чтобы удержать бумагу. Бумага была мигмом поднята и, перейдя у него за спиною в руку, была передана мне. Он то же сделал с большим камнем, который поднял с земли, не останавливаясь ни секунды.

Каждый день вижу новых бабочек, но мало приходится ловить их — не искусен я, и притом с двух сторон море, а с других двух — лес, свободного места вокруг дома немного. Сегодня видел особенно много больших и красивых бабочек, но словил только одну.

Не могу сказать, что совершенно здоров; голова очень тяжела, спина болит и ноги слабы. Ночью Бою было значительно лучше, так как я ему почти насильно прорезал большой нарыв — это было необходимо. Я приказал Ульсону держать его, и мигом было все сделано. Ночью, проснувшись около одиннадцати часов, слышу опять стоны; у Ульсона — пароксизм. Ходит качаясь, со стеклянными глазами и осунувшимся лицом.

Состояние Боя начинает меня беспокоить; лихорадка, повидимому, прошла, но все-таки температура тела гораздо выше нормальной; кашель стал сильнее за последние недели. Вот уже недели две, как он лежит и почти не ест; это происходит отчасти вследствие поверья, что больному следует очень мало есть.

19 октября

Приходило несколько жителей Бонгу со своими гостями из ближайших гор, которые отличаются от береговых папуасов более небрежной прической и, как мне показалось, немного более светлым цветом кожи.

20 октября

Видел снова нескольких туземцев, живущих в горах. Они носят меньше украшений, чем береговые папуасы. Вдали показались две парусные пироги,

идущие от деревни Богатим, направляясь, кажется, сюда, и вскоре ко мне пришли человек двадцать.

У папуасов нет обычая здороваться или прощаться между близкими соседями; они делают это только в экстренных случаях. Туй, бывающий в Га-рагасси чаще других туземцев, приходит и уходит не говоря ни слова и не делая никакого жеста.

Я не открыл пока у папуасов какой-нибудь любимой позы, они часто меняют свое положение: то сидят на корточках, то, опускаясь на колени, сидят на своих икрах, то, почти не изменяя этого положения, раздвигают ноги так, что их ступни приходится по обеим сторонам ягодиц. Иногда они ложатся, подпирая подбородок рукою, и продолжают, перемежая положение, говорить или есть.

Ульсон принес свою гармонику и стал играть; при первых звуках папуасы вскочили все разом и отодвинулись назад. Через несколько времени некоторые из них стали нерешительно подходить. В общем музыка, раздиравшая мне уши (Ульсон играл какую-то матросскую песню), очень понравилась гостям; они выражали свое изумление и одобрение легким свистом и покачиванием из стороны в сторону.

Я роздал каждому по полоске красной материи, которой они повязали себе головы. Вообще молодые люди здесь очень падки до всевозможных украшений. Для полного туалета папуасского дэнди требуется, вероятно, не мало времени.

21 октября

Ночью решил отправиться один в шлюпке осмотреть ближайшие холмы. Встал еще до света, выпил

холодного чаю, так как завтрака ждать мне не хотелось, и отправился на шлюпке сперва к мыску Габина (мыс Обсерваций), а затем вдоль берега, по направлению к деревне Мале.

За береговым лесом поднималось несколько холмов футов в 300 вышины, склоны которых были не везде лесисты и покрыты высокой травой. В нескольких местах в горах, подымавшихся над холмами, вились дымки костров. Вероятно, там расположены деревни.

В это же утро я занялся ловлей животных на поверхности моря, и скоро моя банка наполнилась небольшими медузами, сифонофорами и множеством ракообразных. Во всяком случае, сегодняшняя экскурсия показала мне богатство здешней морской фауны.

Немало утомившись, голодный, вернулся в Гаргасси к завтраку, после которого провел несколько часов за микроскопом, рассматривая внимательно мою добычу.

После дневных трудов я лежал вечером спокойно в гамаке на веранде. Хотя не было поздно (всего 6 часов 45 минут), но было уже очень темно. Черные облака приближающейся грозы надвигались все более и более. Я спокойно любовался молнией, внезапно озарявшей облака, как вдруг почувствовал, что мой гамак закачался, затем последовал другой толчок, — на этот раз покачнулся и заходил не только гамак, но вместе с ним и крыша, и стены, и столбы моего дома. Прибежавший из кухни Ульсон стал меня настойчиво спрашивать, будет ли еще землетрясение и будет ли оно сильнее или нет.

Часа через два я сидел в хижине и только что принялся отсчитывать деления anerоида, как снова

почувствовал, что земля заколебалась, но сильнее первого раза и продолжительнее. Записав случившееся в метеорологический журнал, я лег спать, прося Ульсона разбудить меня, если почувствует ночью что-нибудь подобное. Я боялся проспать землетрясение, как это уже случилось со мною в Мессине в 1869 году, когда я проспал отлично всю ночь и узнал только на другое утро, что большинство жителей не могло сомкнуть глаз во всю ночь. Действительно, ночью я был разбужен, когда подо мною койка и пол снова зашатались. Все уже успокоилось, когда я услышал голос Ульсона, звавшего меня. Собиравшаяся всю ночь гроза совсем рассеялась к утру, и при восходе солнца небо было почти совсем безоблачное.

23 октября

Вот скоро два месяца как я познакомился с папуасами, а они не видали еще у меня никакого оружия. Дома оно у меня, разумеется, есть, но, даже уходя в лес, я редко беру с собой револьвер; отправляясь же в туземные деревни, не беру его положительно никогда. Эта безоружность кажется туземцам весьма странной. Они уже не раз старались разузнать, не имею ли я в доме копья, лука или стрел. Предлагали даже взять у них, но я отвечал на это только смехом и очень презрительным жестом отодвинул от себя их оружие, показав, что я в нем не нуждаюсь. Их было человек двадцать, и все вооружены. Мой поступок их очень озадачил; они поглядели на свое оружие, на дом, на меня и долго толковали между собой. Я их оставляю в неведении, пока это возможно,

28 октября

Утро было сырое и свежее (всего 22° Ц). Тепло одетый, я пил чай на веранде, когда увидел перед собой Туя, который, тоже чувствуя свежесть утра и не имея подходящего костюма, принес с собой примитивную, но довольно удобопереносимую печь, — толстое тлеющее полено. Подойдя ближе, он сел у веранды.

Курьезно было смотреть, как он, желая согреться, переносил тлеющее полено от одной стороны тела к другой и то держал его у груди, то клал сперва у одного, а затем у другого бока, то помещал его между ногами, смотря по тому, какая часть тела казалась ему более озябшей.

Скоро пришло еще несколько жителей Бонгу; среди них находился человек низкого роста с диким и робким выражением лица. Так как он не решался подойти ко мне, то я сам пошел к нему. Он хотел было бежать, но был остановлен другими. Посмотрев на меня, он долго смеялся, затем стал прыгать, стоя на месте. Очевидно, вид первого белого человека привел его в такое странное состояние.

Люди из Бонгу постарались объяснить мне, что этот человек пришел из очень дальней деревни, лежащей в горах и называемой Марагум. Он явился с целью посмотреть на меня и на мой дом.

Все пришедшие имели на себе по случаю холодного утра свои «согреватели»; у некоторых вместо полена был аккуратно связанный пук тростника. Присев перед моим креслом, они сложили свои головни и тростник в виде костра и принялись греться около огня

Я уже не раз замечал, что туземцы носят с собою головни, чтобы зажигать свои сигары.

Немного позже другая партия туземцев явилась из Гумбу, также со своими гостями из Марагум-Мана, которые заинтересовали меня, как жители гор. Тип их был положительно одинаков с приморскими жителями, но цвет кожи гораздо светлее, чем у моих соседей. Жители Марагум-Мана были приземисты, но хорошо сложены: ноги крепкие, с развитыми икрами. Я им сделал несколько подарков, и они ушли весьма довольные, не переставая удивляться дому, креслу и моему платью.

У Ульсона опять лихорадка, скверная тем, что пароксизмы наступают совершенно неправильно. В пять часов опять гроза, дождь, сырость, так что я принужден сидеть дома и кутаться.

Дождливые дни для меня очень неприятны. Так как моя келья очень мала, то она служит мне и спальней и складочным местом. Когда дождя нет, я провожу целые дни вне ее; разные углы площадки вокруг дома составляют собственно мой дом. Здесь моя приемная с несколькими бревнами и пнями, на которых могут располагаться гости; там в тени, с далеким видом на море, мой кабинет с покойным креслом и со складным столом; было также специальное место, предназначенное мною для столовой. Вообще я очень доволен моим помещением.

29 октября

Нахожу, что туземцы здесь народ практичный, предпочитающий вещи полезные разным безделкам. Ножи, топоры, гвозди, бутылки и т. п. они ценят гораздо более, чем бусы, зеркала и тряпки, которые

они хотя и берут с удовольствием, но никогда не выпрашивают их, в противоположность вещам, упомянутым раньше.

Недоверчивость моих соседей доходит до смешного. Они рассматривали мой нож с большим интересом. Я показал им два больших ножа, фута в полтора длиной, и, шутя и смеясь, объяснил им, что дам эти два больших ножа, если они оставят жить у меня, в Гарагасси, маленького папуасенка, который пришел с ними. Они переглянулись с встревоженным видом, быстро переговорили между собой и затем сказали что-то мальчику, после чего тот бегом бросился в лес. Туземцев было более десятка, и все вооруженные. Они, кажется, очень боялись, что я захвачу ребенка. И это были люди, которые уже раз двадцать или более посещали меня в Гарагасси.

Другой пример: приходят ко мне человека три или четыре, невооруженные. Я уже знаю наперед, что недалеко в кустах они оставили человека или двух с оружием, чтобы подоспеть к ним на помощь в случае нужды. Обыкновенно туземцы стараются скрыть, что они приходят вооруженными.

О женщинах и говорить нечего. Я не видел еще ни одной вблизи, а только издали, в то время, когда они убегали от меня, как от дикого зверя.

30 октября

Сегодня опять пришла моя очередь болеть. Хотя пароксизм был утром, но он на весь день лишил меня возможности чем-либо заняться.

Ульсона я снова поставил на ноги с помощью хины. Бой все еще болеет. Я ему регулярно даю хину и уговариваю, чтобы он ел, но он питается по-

чти исключительно бананами и сахарным тростником. Тайком от меня, как я узнал от Ульсона, он выпивает большое количество воды, хотя я ему каждый день повторяю, чтобы он не пил ничего другого, кроме горячего или холодного чаю.

31 октября

По ночам здесь гораздо шумнее, чем днем. С полудня до трех или четырех часов, исключая кузнециков и весьма немногих птиц, никого не слышно; с заходом же солнца начинается самый разногolosый концерт: кричат лягушки, цикады, ночные птицы, к ним примешиваются голоса разных животных, которых мне еще не удалось видеть. Почти каждый вечер аккомпанементом к этому концерту являются раскаты грома, который днем раздается редко. Ночью и прибой на рифах слышится яснее; ко всему этому присоединяется еще назойливый писк комаров, а подчас издали долетает завывание папуасов, заменяющее у них песни. Несмотря на всю эту музыку, мне вообще спится хорошо.

Сегодня целый день чувствую утомление во всем теле после вчерашнего пароксизма.

Ноябрь 1871 года

Отношения становятся лучше. — Обмен волосами. — Ночной визит в Горенду. — Трудности изучения языка. — Полнолуние. — Дождливый сезон. — Предостережение Туя. — Ложная тревога.

1 ноября

У здешних туземцев существует только одно обозначение для выражения понятий «писать» и «рисовать», что очень понятно, так как до изобретения письмен они еще не дошли. Когда я записываю что-нибудь, они говорят: «Маклай негрэнгва». Если я рисую кого-нибудь из них, они также говорят «негрэнгва». Показываю им печатную бумагу — снова «негрэнгва». Объясняя друг другу пользу маленького гвоздя при черчении узора на бамбуковом футляре для извести, они опять употребляют слово «негрэнгва».

Опять приходили ко мне жители Бонгу со своими гостями с гор (горцами). Я старался узнать, как они добывают огонь, но не мог добиться, не зная еще достаточно языка.

Туземцы очень приставали, чтобы я пожевал с ними бетель, на что я, однако же, не согласился,

вспоминая, что раз попробовал, но обжег себе язык негашеной известью, которой я примешал слишком много.

5 н о я б р я

Нового ничего нет. Все по-старому. Утром я зоолог-естествоиспытатель, затем, если люди больны, повар, врач, аптекарь, маляр, портной и даже прачка. Одним словом — на все руки, и всем рукам дела много. Хотя очень терпеливо учусь туземному языку, но все еще понимаю очень мало; больше догадываюсь, что туземцы хотят сказать, а говорю еще меньше.

Папуасы соседних деревень начинают, кажется, меньше чуждаться меня... Дело идет на лад; моя политика терпения и ненавязчивости оказалась совсем верной. Не я к ним хожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня, и даже начинают ухаживать за мной. Они делаются все более и более ручными: приходят, сидят долго, а не стараются, как прежде, выпросить что-нибудь и затем улизнуть поскорее со своей добычей.

Одно досадно, что я еще так мало знаю их язык. Знание языка, я убежден, единственное средство для преодоления недоверия, которое все еще держится, а также единственный путь к ознакомлению с туземными обычаями, по всей вероятности, очень интересными. Учиться языку мне удобнее дома, чем посещая деревни, где туземцы, при моих посещениях, бывают обыкновенно так возбуждены и беспокойны, что трудно заставить их усидеть на месте. В Гаргасси же они терпеливо отвечают на вопросы, позволяют рассматривать, мерить и рисовать себя.

К тому же в Гарагасси у меня все под рукою — и инструменты для антропологических измерений и для рисования.

Не лишним является также и большой выбор подарков для вознаграждения их терпения или для обмена на какие-нибудь безделки, украшения или, вообще, различные мелочи, которые папуасы носят с собой всюду подмышкой, в особых мешках.

Я не упускаю случая, при посещении горных жителей, измерять их головы, делать разные антропологические наблюдения и, между прочим, собирать образчики для моей коллекции волос. Как известно, изучение волос представителей различных рас имеет большое значение в антропологии, поэтому я никогда не пренебрегаю случаями пополнять мою коллекцию новыми образчиками. Здесь это собирание представляло сперва некоторую трудность.

Уморительно было смотреть, с каким страхом отскочил Туй при виде ножниц, которые я поднес к его волосам. Он готов был бежать и не подходил ко мне все время, пока я держал ножницы. Отказаться от собирания волос в этой местности я не мог, но как победить нежелание Туя? Я подумал, не примет ли он в обмен на свои волосы несколько моих, и, отрезав пучок своих волос, предложил ему взять их, конечно, на обмен. Это удалось. Я выбрал у него несколько локонов, отрезал их и отдал ему свои. Пока я завертывал образчик волос в бумагу и надписывал пол, приблизительно лета и место головы, откуда были срезаны, Туй также завернул тщательно мои волосы в лист, который он сорвал недалеко.

Таким образом, то есть способом обмена на соб-

ственные волосы, моя коллекция волос туземцев значительно увеличилась. Но в один прекрасный день Ульсон заметил мне, что я выстриг себе всю левую сторону головы. Это произошло оттого, что, держа ножницы в правой руке, я срезал себе волосы на левой стороне головы. Тогда я стал резать волосы и с другой стороны.

Раз, гуляя по лесу, я забрел так далеко, что чуть-чуть не заблудился; но, к счастью, наконец, набрел на тропу, которая привела меня к морю, где я сейчас же мог ориентироваться. Это случилось около деревни Мале, куда я, однако ж, не пошел, а направился в Бонгу, по дороге домой. Но дойти до Бонгу мне не удалось; было уже почти темно, когда я добрался до Горенду, где я решил переночевать к великому удивлению туземцев.

Придя в деревню на площадку, я прямо направился в большую «буамрамру»¹ Туя, желая как можно менее стеснять туземцев и зная очень хорошо, что мое посещение встревожит всех жителей деревни. Действительно, послышались возгласы женщин и плач детей. Пришедшему Тую я объяснил, что хочу спать у него. Он что-то отвечал мне много, кажется, хотел проводить меня при свете факела в Гарагасси, говорил что-то о женщинах и детях. Я почти не понял его и, чтобы отделаться, лег на барлу — длинные нары с большими бамбуками вместо подушек — и, закрыв глаза, повторял: «няварь», «няварь», — спать, спать. У меня часов не было, и хотя было не

---

¹ Буамрамрами называются большие хижины, особым образом построенные и назначенные исключительно для мужчин. *Примечание Миклухо-Маклая.*

поздно, но, утомленный многочасовой прогулкой, я вскоре задремал и затем заснул. Проснулся я, вероятно, от холода, так как я спал ничем не покрытый, а ночной ветер продувал насквозь ввиду отсутствия у этих хижин стен спереди и сзади.

Я не ел ничего с одиннадцати часов утра и чувствовал большой аппетит. Я был один в буамрамре, где царил полумрак. Встав, я направился на площадку, к костру, вокруг которого сидело несколько человек туземцев. Между ними был и Туй. Я обратился к нему, указывая на рот и повторяя слово: «уяр» (есть), которое он сейчас же понял и принес мне небольшой табир (овальное неглубокое блюдо) с холодным таро и вареными бананами. Несмотря на недостаток соли, я съел несколько кусков таро с удовольствием; бананы я также попробовал, но они показались мне очень безвкусными.

Я чувствовал себя настолько освеженным получасовой дремотою и затем подкрепленным пищей, что предложил двум молодым туземцам проводить меня с факелами до Гарагасси. В ночной темноте попасть домой без огня было совершенно невозможно. Туземцы поняли мое желание и были, кажется, даже довольны, что я не остаюсь ночевать.

Мигом добыли они несколько факелов из сухих пальмовых листьев, взяли каждый по копьё, и мы отправились.

Лес, освещенный ярким светом горящих сухих листьев, представлялся еще красивее и фантастичнее, чем днем. Я любовался также моими спутниками, их быстрыми и ловкими движениями: они держали факел над головой, а копьем отстраняли нависшие ветви лиан, местами преграждавшие нам путь. Один

из туземцев шел за мной; оглянувшись на него, я невольно подумал, как легко ему было бы сзади

Папуас из деревни Горенду

Рисунок Н. Н. Миклухо-Мак. ая

проткнуть меня копьем. Я был невооружен, по обыкновению, и туземцам это обстоятельство было хорошо известно. Я дошел, однако же, цел и невредим

до Гарагасси, где и был встречен крайне встревоженным Ульсоном, почти уже потерявшим надежду видеть меня в живых.

10 ноября

Вчера вечером Туй хотел выказать мне свое доверие и попросил позволения ночевать у меня. Я согласился. Уходя, он сказал, что придет позднее. Предполагая, что он не вернется, я уже лег на койку, когда услышал голос его, зовущий меня. Я вышел.

Действительно, это был Туй. Вид его при лунном свете был очень характерен и даже эффектен. Темное, хорошо сложенное тело красиво рисовалось на еще более темном фоне зелени. Он одной рукой опирался на копьё, в другой, опущенной, держал догорающее полено, которое освещало его с одной стороны красноватым отблеском. Плащ или накидка из грубой тапы¹ спускалась с плеч до земли. Стоя таким образом, он спрашивал, где ему лечь. Я указал на веранду, где он может провести ночь, и дал ему циновку и одеяло, которыми он остался очень доволен. Туй улегся. Это было часов около десяти.

В половине двенадцатого я встал, чтобы посмотреть на термометр. Луна еще ярко светила, я взглянул на веранду, но Туя там не было, а на его месте лежали только свернутая циновка и одеяло. Видно, голые нары его хижины ему более по вкусу, чем моя веранда с циновкой и одеялом.

11 ноября

Пристрелил одну из птичек, которые так кричат на высоких деревьях около дома. Туземное имя ее

---

¹ Та́па — материя из выколоченного древесного луба. *Ред.*

«коко». Это имя — не что иное, как звукоподражание ее крику «коко-ниу-кай»; когда она кричит, звук «коко» выделяется очень ясно.

Сегодня я сделал неожиданное, но весьма неприятное открытие: все собранные мною бабочки съедены муравьями, в коробке остались только кусочки крыльев некоторых из них.

У Ульсона снова лихорадка, мне опять пришлось колоть дрова, варить бобы и кипятить воду для чая.

Вечер иногда провожу над приготовлением серег, которые режу для туземцев из жестяных ящичков от консервов. Я подражаю форме черепаховых серег, носимых туземцами. Первую пару сделал я ради шутки и подарил Тую, после чего множество туземцев перебывало у меня, прося сделать им такие же. Серьги из жести положительно вошли в моду, и спрос на них растет.

12 ноября

Застрелил белого какаду, который упал с дерева в море. Я только-что перед этим встал и собирался идти к ручью мыться, поэтому тотчас же разделся и сошел в воду, чтобы достать птицу и выкупаться. Отливом она была отнесена от берега, но я направился к ней, несмотря на глубину, и был уже саженьях в двух, как вдруг большая акула схватила птицу. Близость таких соседей не особенно приятна, когда купаешься.

13 ноября

Дни проходят, а мое изучение туземного языка подвигается очень туго вперед. Самые употребительные слова остаются неизвестными, и я не могу при-

думать, как бы узнать их. Я даже не знаю, как папуасски такие слова: да, нет, дурно, хочу, холодно, отец, мать... Просто смешно, но что я не могу добиться и узнать — это остается фактом. Начнешь спрашивать, объяснять — не понимают или не хотят понять. Все, на что нельзя указать пальцем, остается мне неизвестным, если только не узнаешь случайно то или другое слово.

Сегодня совершенно случайно узнал от Туя, который пришел отдохнуть в Гарагасси, название звезды — «нири». Оригинально то, что папуасы называют (но не всегда) солнце не просто «синг», а «синг-нири»; луну «кааран-нири», т. е. звезда-солнце, звезда-луна.

15 ноября

Ульсон объявил мне вчера утром, что, вероятно, более не встанет; он едва смог приоткрыть глаза — так опухли его веки, и еле шевелит языком, который, по его словам, вдвое толще обыкновенного. На его опасения смерти я сказал, что стыдно ему трусить и что, вероятно, он встанет завтра поугру. Потом я заставил его проглотить раствор около грамма хины в подкисленной жидкости, которую он запил несколькими глотками крепкого чая. Дозу эту я снова повторил часа через четыре после первой. Хотя он сильно ворчал, глотая невкусное лекарство, но пароксизма сегодня не было, и к вечеру он встал, немного глухой, но с сильнейшим аппетитом. Зато у меня был ночью пароксизм, трясло очень сильно, зубы щелкали, и я не мог согреться. Когда явилась испарина, я заснул часа на два.

Утром встал, еле-еле волоча ноги, но все-таки

встал и даже отправился в лес, так как сухих дров в кухне почти не осталось.

Когда я пробирался чрез чащу, на меня напали осы. Я бросился бежать, оставивши дрова и даже топор. Боль от укусов была очень сильная. Прибежав домой, я сейчас же помочил ужаленные места на руках, груди и лице нашатырным спиртом, отчего боль моментально исчезла.

Сегодня полнолуние, и двое молодых людей из Горенду, Асол и Вуанвум, сейчас (около девяти часов вечера) заходили сюда, раскрашенные красной и белой краской, убранные зеленью и цветами, по дороге в Гумбу, где они проведут ночь.

У папуасов, как я заметил, с полнолунием соединены особенные собрания. Жители одной деревни посещают жителей другой, ходят всегда более раскрашенными, и песни их долетают обыкновенно в такие ночи в форме пронзительного и протяжного воя до Гарагасси. Так случилось и в прошлую ночь.

Я был разбужен Ульсоном, спрашивавшим, слышал ли я крики и заряжены ли у меня все ружья. Я не успел ответить, как из леса, по направлению к Горенду, послышался громкий пронзительный крик, в котором, однако ж, можно было признать человеческий голос. Крик был очень странный и принадлежал, вероятно, многим голосам. Ульсон сказал мне, что последние пять минут он слышал уже несколько подобных звуков. Первый из них был так громок и пронзителен и показался ему до того страшным, что он решился разбудить меня, полагая, что это был сигнал нападения на нас.

Я встал и вышел на площадку. Из многих деревень неслись однообразные удары барума. Полная

луна только-что показывалась величественно из-за деревьев, и я сейчас же подумал, что эти крики произведены были в честь восхода луны. Я припомнил, что при появлении луны туземцы вскрикивали каким-то особенным образом, как бы приветствуя ее восход.

Это объяснение показалось мне совсем удовлетворительным, и я, посоветовав Ульсону не ожидать нападения на нас, а просто спать, сам заснул немедленно.

17 ноября

Спустили на воду вычищенную и выкрашенную шлюпку. Я очень устал; главная работа выпала на меня, так как Ульсон, по слабости после лихорадки, мало что мог делать.

18 ноября

Солнце становится у нас редкостью, проглядывая лишь не надолго из-за туч.

Большое удобство моего помещения в этом уединенном месте заключается в том, что можно оставлять все около дома и быть уверенным, что ничто не пропадет, за исключением съестного, так как за собаками усмотреть трудно.

Туземцы пока еще ничего не трогали. В цивилизованных странах такое удобство невысказано; там и замки и полиция часто оказываются недостаточными.

21 ноября

Ходил в деревню Горенду за кокосами. По обыкновению предупредил о своем приближении громким свистом, чтобы дать женщинам время попрятаться. На меня эта деревня всегда производит приятное

впечатление, так в ней все чисто, зелено, уютно. Людей не много; они не кричат и не производят разных шумных демонстраций при моем появлении, как прежде. Только птицы, летая с дерева на дерево или быстро пролетая между ними, нарушают благотворный покой. На высоких барлах важно восседают на корточках двое или трое туземцев, редко перекидываясь словами и молча разжевывая кокосовый орех или очищая горячий «дегарголь» (сладкий картофель); иные заняты в своих хижинах, другие около них; многие, ничего не делая, треплются на солнце или расщипывают свои волосы.

Придя в Горенду, я также сел на барлу и также занялся свежеспеченным дегарголем. Человек восемь собрались скоро около барлы, на которой я сидел, и поочередно стали высказывать свои желания: одному хотелось иметь большой гвоздь, другому кусок красной тряпки; у этого болела нога, и он просил пластыря и башмак. Я слушал молча; когда они кончили, я сказал, что хочу несколько зеленых кокосов. Двое мальчиков, накинув петлю себе на ноги, быстро поднялись на кокосовую пальму и стали бросать кокосы вниз. Я пальцами показал, сколько кокосов хочу взять, и предложил отнести их в «таль-Маклай» (дом Маклая), что и было исполнено.

Довольные моими подарками, они ушли все через полчаса. С двоих я успел снять довольно удачные портреты.

Вечером опять дождь, гром и молния. Ветер много раз задувал лампу. Иногда поневоле придется ложиться спать, так как писание дневника и приведение в порядок заметок постоянно преры-

ваются необходимостью зажигать потухающую от ветра лампу. Скважин, щелей и отверстий всякого рода в моем помещении так много, что защититься от сквозняка нечего и думать. Сейчас идет дождь, который начался при заходе солнца и будет идти, вероятно, часов до трех или четырех утра.

В октябре было еще сносно, но в ноябре дождь имеет, кажется, намерение идти каждый день. Дождь барабанит по крыше, протекает во многих местах, даже на стол и на кровать, но так как поверх одеяла я закрыт еще непромокаемым плащом, то по ночам мне до дождя нет дела. Я убежден, что мне было бы комфортабельнее, если бы я жил совершенно один, не имея слуг, за которыми до сих пор я ухаживал больше, чем они за мною. Про Боя уж и говорить нечего; он лежит, не вставая, второй месяц, но и Ульсон болеет втрое чаще меня; чувствуя самое легкое нездоровье, он готов валяться весь день. Так, например, сегодня он пролежал весь день, и поэтому вечером я должен был готовить чай для нас троих, не позволив Ульсону выйти по случаю дождя.

Делать чай в Гарагасси в темные дождливые ночи, как сегодня, не так просто. Пришлось при сильном дожде пройти в шалаш, набрать там по возможности сухих ветвей, наколоть их, зажечь потухший от дождя костер и долго раздувать его. Потом не оказалось достаточно воды в чайнике, и надо было в темноте, под дождем, спуститься к ручью. При этом было так темно, что я чуть было два раза не упал, сбившись с дороги. Приходилось ожидать молнию, при свете которой я снова попадал на знакомую тропу. При таком дожде и порывах ветра брать с собою фонарь было бы бесполезно.

Когда я вернулся промокшим до костей, мое крохотное помещение показалось мне очень удобным; я поспешил переодеться и пишу эти строки, наслаждаясь чаем, который именно сегодня кажется мне очень вкусным. Надо заметить, что вот уже второй месяц, как у нас нет сахара, и недель пять, как были выброшены последние сухари, которые съели за нас черви. Мы долго боролись с червями, старались высушить сухари сперва на солнце, а потом на огне, но черви все-таки одолели. Я заменяю сухари печеными бананами или, когда нет бананов, ломтиками печеного таро. Я, действительно, несколько не чувствую этой перемены, хотя Ульсон и даже Бой ворчали, когда сахар кончился. Остальная наша пища та же, что и прежде: вареный рис, кери и бобы с солью. Но довольно о пище. Она несложна, и ее однообразность даже нравится мне; кроме того, все эти неудобства и мелочи вполне сглаживаются кое-какими научными наблюдениями и природою, которая так хороша здесь... Да, впрочем, она хороша везде, умей ею только наслаждаться...

Вот пример. Полчаса тому назад, когда мне пришлось отправиться к ручью за водой, я был в самом мерзком настроении духа, утомленный десятиминутным раздуванием костра, дым которого разъедал мне до слез глаза. Отправляюсь к ручью. Совершенно темно, мокро, ноги скользят, то и дело оступаешься; дождь, уже проникший через две фланелевые рубашки, течет по спине, делается холодно; снова оступаешься, хватаешься за куст, колешься. Вдруг сверкает яркая молния, освещает своим голубоватым блеском и далекий горизонт, и белый прибор берега, каплю дождя, весь лес, каждый листок, даже шип, ко-

торый сейчас уколол руку, — только одна секунда, — и опять все черно и мокро и неудобно; но этой секунды достаточно, чтобы красотой окружающего вернуть мне мое обыкновенное хорошее расположение духа.

Однако уже девять часов. Лампа догорает. Чай допит, и от капающей везде воды становится очень сыро в моей келье, — надо завернуться скорее в одеяло и продолжать свое дальнейшее существование во сне.

23 ноября

После дождя собрал множество насекомых и нашел также очень красивый и курьезный гриб.

Бой так слаб, что почти не держится на ногах. Сегодня бедняга упал, сходя с лестницы. Ульсон лежал и охал, закрывшись с головой одеялом. Когда я заметил упавшего Боя у лестницы, я кое-как втащил его обратно в комнату. Он был в каком-то забытьи и не узнавал меня.

Сегодня опять пошел дождь с четырех часов. Везде все сыро.

24 ноября

Бой очень страдает, я не думаю, что он проживет долго. Другой инвалид сидит, тоже повеся нос.

Приходил Туй и, сидя у меня на веранде, между прочим сообщил с очень серьезным видом, что Бой скоро умрет, что Виль (туземцы так называют Ульсона) болен и что Маклай останется один: при этом он поднял один палец, потом, показывая на обе стороны, продолжал:

— Придут люди из Бонгу и Гумбу, — при этом

Девственный лес на Новой Гвинее

он указывал на все пальцы руки и ног, т. е. много людей, — придут и убьют Маклая!

Тут он даже показывал, как мне проколют копьем шею, грудь, живот, и нараспев печально приговаривал:

— О Маклай! О Маклай!

Я сделал вид, что отношусь к этим словам, как к шутке (сам же был убежден в возможности такого обстоятельства), и сказал, что ни Бой, ни Виль, ни Маклай не умрут; на что Туй, поглядывая на меня как-то недоверчиво, продолжал тянуть самым жалостным голосом:

— О Маклай! О Маклай!

Этот разговор, мне кажется, тем более интересен, что, во-первых, это может действительно случиться, а, во-вторых, по всей вероятности, мои соседи толковали об этом на днях. Скучно то, что вечно нужно быть настороже; впрочем, это не мешает спать.

Пришло человек восемь туземцев из Горенду и Мале. Будучи в хорошем расположении духа, я каждому гостю из Мале дал по подарку, хотя они сами ничего не принесли. Туй и Лялай спросили меня вдруг:

— Придет ли когда-нибудь корвет?

Разумеется, определенного ответа я не мог дать. Сказать же: «придет, но когда, не знаю», я не сумел. Не умею также выразить большое число по-папуаски. Думая, что нашел случай поглядеть, как мои соседи считают, я взял несколько полосок бумаги и стал резать их поперек. Нарезал, сам не знаю сколько, и передал целую пригоршню одному из туземцев Мале, сказав, что каждая бумажка означает два дня. Вся толпа немедленно его обступила. Мой папуас

стал считать по пальцам, но должно быть неладно, по крайней мере папуасы решили, что он не умеет считать, и обрезки были переданы другому. Этот важно сел, позвал еще одного на помощь, и они стали считать. Первый, раскладывая кусочки бумаги на колене, при каждом обрывке повторял: «наре, наре» (один); другой повторял слово «наре» и загибал при этом палец, сперва на одной, затем на другой руке. Насчитав до десяти и согнув пальцы обеих рук, опустил оба кулака на колени, проговорив «две руки», причем третий папуас загнул один палец руки. Со вторым десятком было сделано то же, причем третий папуас загнул второй палец; то же самое было сделано для третьего десятка; оставшиеся бумажки не составляли четвертого десятка и были оставлены в стороне. Все, кажется, остались при этом довольными. Мне снова пришлось смутить их: взяв один из обрезков, я показал два пальца, прибавив: «бумбум» — день, день. Опять пошли толки, — но порешили на том, что завернули обрезки в лист хлебного дерева и тщательно обвязали его, чтобы, должно быть, пересчитать их в деревне.

Вся эта процедура показалась мне очень интересной. Недоверие папуасов и какая-то боязнь передо мною, разумеется, мне очень неприятны. Пока они не будут доверять мне, я ничего от них не добьюсь. Бой вряд ли проживет еще много дней. Ульсон такой трус, что при нем туземцы могут разграбить и сжечь дом. Но как только научусь побольше туземному языку, так перестану сидеть дома. Кое-какие инструменты и письменные принадлежности закопаю; думаю, что они будут сохраннее в земле, чем в доме, под охраной одного Ульсона.

26 ноября

Вчера вечером мимо моего мыска проезжали две пироги с огнем. Ночь была тихая и очень темная. Мне пришла фантазия зажечь фальшфейер. Эффект был очень удачен и на моих папуасов произвел, вероятно, сильное впечатление: все факелы были брошены в воду, и когда, после полуминутного горения, фальшфейер потух, пирог и след простыл.

Приходил Лалай из Били-Били, человек с очень характерной физиономией, с крючковатым носом и очень плохо развитыми икрами. Было бы, однако, неправильно придавать этому обстоятельству значение расового признака. Брат этого человека имеет нос вовсе не крючковатый, совершенно сходный с носами других туземцев, а что ноги Лалая худощавы, это также не удивительно, имея в виду жизнь на маленьком острове или в пироге, в поездках по деревням. У горных жителей икры прекрасно развиты, как это я заметил у приходивших туземцев-горцев.

Затем нагрянула целая толпа людей из Бонгу с двумя мальчиками, лет семи или восьми. У этих ребят очень ясно выдавался африканский тип: широкий нос, большой, немного выдающийся вперед рот с толстыми губами, курчавые черные волосы. Животы у них очень выступали и казались туго набитыми. Между детьми такой негроподобный тип встречается гораздо чаще, чем между взрослыми.

Бой очень плох. Ульсон начинает поговаривать, что хорошо было бы выбраться отсюда, а я отвечаю, что я не просил его отправляться со мною в Новую Гвинею и даже в день ухода «Витязя» предлагал ему

вернуться на корвет, а не оставаться со мною. Он каждую ночь ожидает, что туземцы придут и перебьют нас, и ненавидит Туя, которого считает за шпиона.

Недавно в начале ночи, часу в двенадцатом, я был пробужден от глубокого сна многими голосами. Вероятно, несколько пирог приближались к нам.

— Идут, идут! — завопил Ульсон.

Я вышел на веранду и был встречен ярким светом факелов и шестью туземцами, вооруженными стрелами и копьями и беспрестанно звавшими меня по имени. Я не двигался с места, недоумевая, что им от меня нужно. Ульсон же, подойдя сзади, сам вооруженный ружьем, совал мне двустволку, приговаривая:

— Не пускайте их итти дальше!

Я знал, что выстрел одного дула, заряженного дробью, обратит в бегство большую толпу туземцев, не знающих еще действия огнестрельного оружия, и поэтому ждал спокойно, тем более, что я узнал знакомые голоса.

Действительно, когда после слова «гена» («иди сюда»), которым я их встретил, они высыпали на площадку перед верандой, каждый из них, придерживая левой рукой свое оружие и факел и вопя «ники, ники», протягивал мне правую, с несколькими рыбками. Я поручил несколько пристыженному Ульсону собрать рыбу, которой ему давно хотелось. Жаль, что я не художник. Группа вооруженных папуасов, освещенных яркими факелами, была так живописна. Спускаясь к своим пирогам, они долго кричали мне на прощанье: «Еме-ме, еме-ме!», а затем быстро скрылись за мыском. Рыба оказалась очень вкусной.

Декабрь 1871 года

Смерть Боя. — Горящая вода. — Пациенты. — Орудия и утварь. — Красавец Бонем. — Справедливая жалоба на тамо-
русс. — Волосы папуасов. — Рыбная ловля. — Приглашение
в Бонгу. — Жилища папуасов. — Общественные постройки.

1 декабря

Несмотря на большое утомление, хочу записать еще сегодня происшествия дня, пока ощущения еще не ступшевались несколькими часами сна.

Встав утром, я счел сообразным с моим настоящим положением приготовить все, чтобы зарыть в землю, при первой необходимости, мои бумаги, не только исписанные, то есть дневник, метеорологический журнал, заметки и рисунки, но и чистую бумагу на случай, если я уцелею, а хижина будет разграблена или сожжена туземцами.

Пришедший Туй показался мне сегодня действительно подозрительным. Поведение его как-то смахивало на шпионство. Он обходил, внимательно смотря кругом, нашу хижину, посматривал с большим интересом в комнату Ульсона, причем несколько раз повторял: «О Бой! О Бой!», затем, подойдя ко мне, пристал с просьбой отпустить Боя в Гумбу, чем

мне так надоел, что я ушел в комнату и этим заставил уйти и его.

К полудню я почувствовал легкий пароксизм лихорадки, выразившийся в очень томительной зевоте и чувстве холода и подергивания во всем теле. Я оставался на ногах все утро, считая лучшим при таких условиях лечь только в самой крайней необходимости.

Приехало трое туземцев из Горенду. Один из них, заглянув в комнату Ульсона и не слыша стонов Боя, спросил, жив ли он, на что я ему ответил утвердительно. Туземцы стали снова просить пустить Боя к ним. На что он им? — Не понимаю; бояться его, как противника, они не могут; может быть желают приобрести в нем союзника? Теперь уже поздно.

Пообедав спокойно, я указал Ульсону на громадный ствол, принесенный приливом и угрожавший нашей шлюпке; послал его сделать что-нибудь, чтобы ствол не придавил шлюпки. Сам же вернулся в дом заняться письменной работой; но стоны Боя заставили меня заглянуть в его комнату. Несчастный катался по полу, скорчившись от боли. Подоспев к нему, я взял его на руки, как ребенка, — так он похудел в последнюю неделю, — и положил на койку. Холодные, потные, костлявые руки, охватившие мою шею, совершенно холодное дыхание, ввалившиеся глаза и побелевшие губы и нос убедили меня, что не долго остается ему стонать. Боль брюшной полости, очень увеличившаяся, подтвердила мое предположение, что к другим недугам присоединилось еще воспаление брюшины. Я вернулся к своим занятиям.

Во второй раз что-то рухнуло на пол, и послышались стоны. Я снова поднял Боя на постель; его

холодные руки удерживали мои; он как будто желал мне что-то сказать, но не смог. Пульс был слаб, иногда прерывался, и конечности заметно холодели. Снова уложив его, я сошел к берегу, где Ульсон во-зился со шлюпкой, и сказал ему, что Бой умрет часа через полтора или два. Известие подействовало на Ульсона, хотя мы ожидали этой смерти уже недели две и не раз говорили о ней. Мы вместе вошли в ком-нату; Бой метался по полу, ломая себе руки. Жалко было смотреть на него, так он страдал. Я достал из аптеки склянку с хлороформом и, налив несколько капель на вату, поднес ее к носу умирающего. Минут через пять он стал успокаиваться и даже пробормо-тал что-то; ему, видимо, было лучше. Я отнял вату. Ульсон стоял совершенно растерянный и спрашивал, что теперь делать. Я коротко сказал ему, что тело мы бросим сегодня ночью в море, а теперь он дол-жен набрать несколько камней и положить их в шлюпку и чем больше, тем лучше, - для того, чтобы тело сейчас же пошло ко дну. Ульсону это поручение не особенно понравилось, и мне пришлось добавить несколько доводов: что нам невозможно няньчиться с разлагающимся телом, так как гниение в этом кли-мате начнется сейчас же после смерти; что хоронить его днем, при туземцах, я не намерен, и что вырыть глубокую яму в коралловом грунте слишком трудно, недостаточно же глубокую могилу туземные собаки разыщут и разроют. Последние два довода поддер-жали немного падающий дух Ульсона. Чтобы быть уверенным, что все будет сделано, а главное, что-бы камней было достаточно, я отправился сам к шлюпке.

Поднявшись затем к дому, я зашел к Бою по-

смотреть, в каком он положении. В комнате было совсем темно, стонов не было слышно. Я ощупью добрался до руки умирающего. Пульса более не было. Нагнувшись и приложив одну руку к сердцу, другую ко рту, я не почувствовал ни биения, ни дыхания. Пока мы ходили к ручью за камнями, он умер так же молча, как и лежал во время своей болезни.

Я зажег свечу и посмотрел на тело. Оно лежало в том положении, как Бой обыкновенно спал и сидел, — поджавши ноги и скрестив руки. Несмотря на то, что при жизни Боя Ульсон постоянно бранил его и дурно отзывался о нем, сейчас он был очень тронут и стал говорить что-то о боге и об исполнении воли его. Не имея на то никакого основания, мы оба говорили очень тихо, как будто боясь разбудить умершего.

Когда я сказал Ульсону о своем намерении распилить череп Боя и сохранить мозг его для исследования, Ульсон совсем осовел и умильно упрасивал меня этого не делать. Соображая, каким образом удобнее совершить эту операцию, я к досаде моей открыл, что у меня не имеется достаточно большой склянки для помещения целого мозга. Ожидая, что каждый час могут явиться туземцы и, пожалуй, с серьезными намерениями, я отказался, не без сожаления, от желания сохранить мозг полинезийца, но не от возможности добыть препарат гортани со всеми мускулами и языком. Достав анатомические инструменты и приготовив склянку со спиртом, я вернулся в комнату Боя и вырезал гортань с языком и всей мускулатурой. Кусок кожи со лба и головы с волосами пошли в мою коллекцию.

Ульсон, дрожа от страха перед покойником, держал свечку и голову Боя. Когда же, при перерезывании мускулов, рука Боя сделала небольшое движение. Ульсон так испугался, что я режу живого человека, что уронил свечку, и мы остались в темноте. Наконец все было кончено, и надо было отправить труп Боя в его сырую могилу, но так осторожно, чтобы соседи наши ничего не знали о случившемся.

Не стану описывать подробно, как мы вложили покойника в два больших мешка, как зашнуровали их, оставив отверстие для камней, как в темноте несли его вниз к шлюпке, как при спуске к морю Ульсон остутился и упал, покойник на него, а за покойником и я; как мы не могли сейчас же найти нашу ношу, так как она скатилась удачнее нашего, прямо на песок. Отыскав, мы опустили труп, наконец, в шлюпку и вложили пуда два камней в мешок. Все это было очень неудобно делать в темноте.

Был отлив, как на зло. Нам опять стоило больших усилий стащить по камням тяжелую шлюпку в воду. Не упели мы взяться за весла, как перед нами, в одной четверти мили, из-за мыса Габина мелькнул огонек, затем второй, третий... десятый.

То были одиннадцать пирог, приближавшихся в нашу сторону. Туземцы непременно заедут к нам или, увидя шлюпку, подъедут близко к ней. Их ярко горящие факелы осветят длинный мешок, который возбудит их любопытство. Одним словом, то, чего я так не желал, то есть, чтобы туземцы узнали о смерти Боя, казалось, сейчас наступит.

— Нельзя ли Боя спрятать в лес? — предложил Ульсон.

Но теперь, с камнями и телом, мешок был слиш-

ком тяжел для того, чтобы тащить его между деревьями, и потом туземцы будут скоро здесь.

— Будем грести сильнее, — сказал я, — может быть, ускользнем.

Последовали два, три сильных взмаха веслами; но что это? — шлюпка не подвигается, мы на рифе или на мели. Папуасы все ближе, мы изо всех сил принялись отпихиваться веслами, но безуспешно. Наше глупое положение было для меня очень досадно, — я готов был прыгнуть в воду, чтобы удобнее спихнуть шлюпку с мели; я хотел сделать это даже, несмотря на присутствие многочисленных акул. Мне пришла счастливая мысль осмотреть наш борт; моя рука наткнулась тогда на препятствие. Оказалось, что второпях и в темноте отданный, но не выбранный конец, которым шлюпка с кормы прикреплялась к берегу, застрял между камнями и запутался между сучьями, валявшимися у берега, и что именно он-то и не пускает нас. Я схватил нож и, перерезав веревку, освободил шлюпку. Мы снова взялись за весла и стали сильно грести.

Туземцы выехали на рыбную ловлю как и вчера; их огни сверкали все ближе и ближе. Можно было слышать голоса. Я направил шлюпку поперек их пути, и мы старались как можно тише окунать весла в воду, чтобы не привлечь внимания туземцев.

— Если они увидят труп Боя с перерезанным горлом, они скажут, что мы убили его, и, пожалуй, убьют нас, — заметил Ульсон.

Я наполовину разделял это мнение и не особенно желал встретиться в эту минуту с туземцами. Всех туземцев на пирогах было тридцать три, — по три

человека на пироге. Они были хорошо вооружены стрелами и копьями и, сознавая превосходство своих сил, могли очень хорошо воспользоваться обстоятельствами.

Мы гребли молча, и отсутствие огня на шлюпке было, вероятно, причиною, что нас не заметили, так как факелы на пирогах освещали ярко только ближайшие предметы вокруг них. Туземцы были усердно заняты рыбной ловлей. Ночь была тихая и очень темная; от огней на пирогах шли длинные столбы отблеска на спокойной поверхности моря. Каждый взмах весел светился тысячами искр. При таком спокойном море поверхностные слои его полны богатой и разнообразной жизнью. Я пожалел, что нечем было зачерпнуть воды, чтобы посмотреть завтра, нет ли чего нового между этими животными, и совсем забыл о присутствии покойника в шлюпке и о необходимости схоронить его. Любуясь картиной, я думал, как скоро в человеке одно чувство сменяется совершенно другим. Ульсон прервал мои думы, радостно заметив, что пироги удаляются от нас и что никто нас не видел. Мы спокойно продолжали путь и, отойдя, наконец, на милю приблизительно от мыска Габина, опустили мешок с трупом за борт. Он быстро пошел к дну; я убежден, что десятки акул уничтожат его, вероятно, в эту же ночь.

Вернулись домой, гребя на этот раз очень медленно. Пришлось опять, из-за темноты и отлива, долго возиться со шлюпкой. В кухонном шалаше нашелся огонь, и Ульсон пошел приготовить чай, который теперь кажется, готов и который я с удовольствием выпью, дописав это последнее слово.

2 декабря

Встав, я приказал Ульсону оставить все в его отделении хижины, как было при Бое, и в случае прихода туземцев не заикаться о смерти его.

Туй не замедлил явиться с двумя другими, которых я не знал; один из них вздумал подняться на первую ступеньку лестницы, но когда я ему указал, что его место — площадка перед домом, а не лестница, он быстро соскочил с нее и сел на площадке.

Туй снова заговорил о Бое и с жаром стал рассуждать, что, если я отпущу Боя в Гумбу, то тот человек, который пришел с ним, непременно его вылечит. Я ему отвечал отрицательно.

Чтобы отвлечь их мысли от Боя, я вздумал сделать опыт над их впечатлительностью. Я взял блюдечко из-под чашки чаю, которую я допивал; вытерев его досуха и налив туда немного спирта, я поставил блюдечко на веранду и позвал моих гостей. Взяв затем стакан воды, сам отпил немного и дал попробовать одному из туземцев, который также убедился, что это была вода. Присутствующие с величайшим интересом следили за каждым моим движением. Я прилил к спирту на блюдечке несколько капель воды и зажег спирт. Туземцы полуоткрыли рот и, со свистом втянув воздух, подняли брови и отступили шага на два. Я брызнул тогда горящим спиртом из блюдечка на лестницу и на землю. Туземцы отскочили, боясь, что я и на них брызну огнем, и, казалось, были так поражены, что немедленно ушли, как бы опасаясь увидеть что-нибудь еще более страшное. Но минут через десять они показались снова, и на этот раз уже целой толпой. То были жители Бонгу, Били-Били и острова Кар-Кар.

Толпа была очень интересна, представляя людей всех возрастов; на всех было праздничное убранство и многочисленные украшения, материал которых определялся местом их жительства. Так, мои соседи, мало занимающиеся рыбной ловлей, имели украшения преимущественно из цветов, листьев и семян, между тем как на жителях Били-Били и Кар-Кара, живущих у открытого моря и занимающихся ловлей морских животных, были навешены украшения из раковин, костей рыб, скорлупы черепах и т. п.

Жители Кар-Кара представляли еще ту особенность, что все тело их, преимущественно голова, было вымазано черной землей, и так основательно, что при первом взгляде можно было подумать, что цвет их кожи действительно черный, но при виде тех, у которых одна только голова была окрашена, легко можно было убедиться, что и у первых черный цвет был искусственный и что тело жителей Кар-Кара в действительности только немногим темнее тела жителей берега.

Жители Бонгу были сегодня, как бы в контраст своим черным гостям, вымазаны красной охрой; и в волосах, и за перевязями рук, и под коленами у них были воткнуты красные цветы.

Всех пришедших было не менее сорока человек. Пришедшие знали от Туя о горячей воде, и всем хотелось видеть ее. Туй упрашивал показать всем; «как вода горит».

Когда я исполнил эту просьбу, эффект был неописуемый: большинство бросилось бежать, прося меня «не зажечь моря». Многие остались стоять, будучи так изумлены и, кажется, испуганы, что ноги, вероятно, изменили бы им, если бы они двину-

лись. Они стояли как вкопанные, оглядываясь кругом с выражением крайнего удивления. Уходя, все непрерывно приглашали меня к себе, кто в Кар-Кар, кто в Сегу, в Рио и в Били-Били, и мы расстались друзьями.

Не ушли только несколько туземцев из Кар-Кара и Били-Били, которые стали просить о «гаре» (коже), чтобы покрыть раны, гной которых привлекал целые стаи мух. Я не мог помочь им серьезно, но все-таки облегчил их, облив раны карболовой водой, перевязав и тем освободив, хотя и временно, от мух.

Из одной раны я вынул сотни личинок, и, разумеется, этот туземец имел основание быть мне благодарным. Я особенно тщательно обмыл и перевязал раны на ноге ребенка лет пяти, который был принесен отцом. Последний так расчувствовался, что, желая показать мне свою благодарность, снял с шеи ожерелье из раковин и хотел непременно надеть его на меня.

3 декабря

Снова больные из Били-Били; один страдает сильной лихорадкой; я хотел дать ему хины, разумеется, не во время пароксизма, и показал ему, что придут потом и дам выпить «оним» (т. е. лекарство); но он усиленно замахал головой, приговаривая, что умрет от моего лекарства. Принимать что-либо туземцы боятся, хотя очень ценят наружные средства.

У Боя осталась бутылка с кокосовым маслом, настоем на каких-то душистых травах. Один туземец из Били-Били жаловался очень на боль спины и плеч (вероятно, ревматизм); я ему предложил эту бутылку с маслом, объяснив, что надо им натирать-

ся, за что он сейчас же и принялся. Сперва он делал это с видимым удовольствием, но вдруг остановился, как будто соображая что-то, а затем, вероятно, подумал, что, употребляя незнакомое «оним», он, пожалуй, умрет, пришел в большое волнение, бросился на своего соседа и стал усердно тереть ему спину, а потом, вскочив на ноги, как сумасшедший, стал перебегать от одного к другому, стараясь мазнуть их маслом. Вероятно, он думал при этом, что если с ним случится что-нибудь неладное, так то же самое должно случиться и с другими. Его товарищи, очень озадаченные таким поведением, не знали, как относиться к нему, сердиться ли им, или смеяться.

6 декабря

Сегодня я случайно обратил внимание на состояние моего белья, упакованного в одной из корзин, служащих мне койкой. Оно оказалось покрытым во многих местах черными пятнами, и места, где были эти пятна, можно было без затруднения проткнуть пальцем. Это, разумеется, была моя вина: я ни разу в продолжение трех месяцев не подумал проветрить белье. Я поручил Ульсону вывесить все на солнце; многое оказалось негодным.

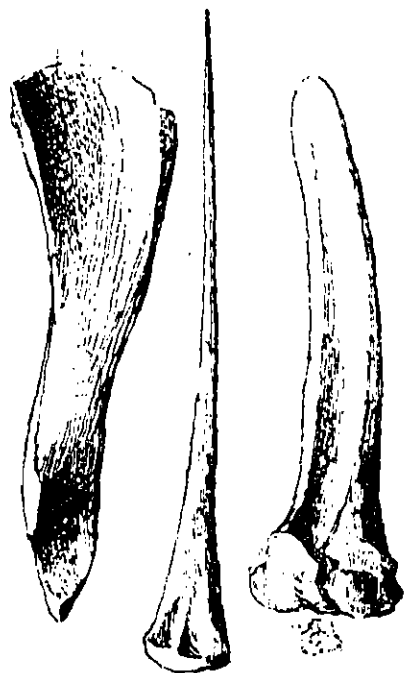
Сегодня туземцы спрашивали меня, где Бой. Я отвечал им:

— Бой орен (Боя нет).

— Где же он? — был новый вопрос. Не желая говорить неправду, не желая также показать ни на землю, ни на море, я просто махнул рукой и отошел. Они, должно быть, поняли, что я указал на горизонт, где далеко-далеко находится Россия. Они стали рас-

суждать и, кажется, под конец пришли к заключению, что Бой улетел в Россию. Но что они действительно думают и что понимают под словом «улетел», я не имею возможности спросить, не зная достаточно туземного языка.

Сделал сегодня интересное приобретение: выменял несколько костяных инструментов, которые туземцы употребляют при еде, — род ножа и две ложки. Нож, называемый туземцами „донган“, сделан из заостренной кости свиньи, между тем как ложка-„шелюпа“ — из кости кенгуру. Она обточена так, что один конец ее очень расширен и тонок.

Костяные изделия папуасов (слева направо) — ложка, вилка и нож

8 декабря

Приходили туземцы из Бонгу. Они, кажется, серьезно думают, что Бой отправлен мною в Россию и что я дал ему возможность перелететь туда. Я прихожу к мысли, что туземцы считают меня и в некоторой степени Ульсона какими-то сверхестественными существами.

13 декабря

Три дня лихорадка. Ложился только на несколько часов каждый день, когда уж буквально не мог стоять на ногах. Положительно ем хину; приходится по грамму в день. Сегодня лучше, пароксизма не-

было, но все-таки чувствую большую слабость. Ноги как бы налиты свинцом и частые головокружения. Ульсон очень скучает. Для него одиночество особенно ощутительно; он очень любит говорить. Он придумал говорить сам с собою, но этого ему кажется мало.

В чем я начинаю чувствовать положительный недостаток — это в животной пище. Вот уж три месяца, как мы питаемся исключительно растительной пищей, и я замечаю, что силы мои слабеют. Отчасти, разумеется, это происходит от лихорадки, но главным образом от недостатка животной пищи.

При моей теперешней жизни, т. е. когда приходится быть часто и дровосеком, и поваром, и плотником, а иногда и прачкой, и матросом, а не только баринном, занимающимся естественными науками, — рукам моим приходится очень плохо. Не только кожа на них огрубела, но даже сами руки увеличились, особенно правая. Пальцы стали толще, и рука шире. Руки мои и прежде не отличались особенною нежностью, но теперь они положительно покрыты мозолями, обрезами и ожогами; каждый день старые подживают, а новые появляются.

Я заметил также, что ногти мои, которые были всегда достаточно крепки для моих обыкновенных занятий, теперь оказываются слишком слабыми и надламываются. На днях я сравнил их с ногтями моих соседей — папуасов, которым приходится работать руками гораздо больше моего. Оказалось, что у них ногти замечательные: по крайней мере в три раза толще моих. Особенно толсты у них ногти больших пальцев, причем средняя часть ногтя толще, чем по бокам. Вследствие этого, по сторонам ногти легче

обламываются, чем в середине, и нередко можно встретить у туземцев ногти, совершенно уподобляющиеся когтям.

15 декабря

Пока пришедшие туземцы разглядывали в выпрошенных у меня зеркалах свои физиономии и выщипывали себе лишние, по их мнению, волосы, я осматривал содержание одной из сумок (так называемой «гун»), носимых мужчинами на перевязи через левое плечо и болтающихся у них под мышкой. Я нашел в ней много интересного. Кроме двух больших «донганов», тут были кости, отточенные на одном конце, служащие как рычаг или нож; в небольшом бамбуковом футляре нашлись четыре заостренные кости, очевидно, инструменты, способные заменить ланцет, иглу или шило, затем «ярур» — раковина, имеющая зубчатый нижний край и служащая у туземцев для выскребывания кокосов. Был также удлиненный кусок скорлупы молодого кокосового ореха, заменяющий ложку; наконец, данный мною когда-то большой гвоздь был тщательно отточен на камне и обернут очень аккуратно корой; это могло служить очень удобным шилом. Все эти инструменты были очень хорошо приспособлены к своим целям. Туземцы хорошо плетут разные украшения, как, например, браслеты (сагю) или повязки для придерживания волос (дю) из различных растительных волокон. Но, странно, они не плетут цыновок, материал для которых (листья пандануса) у них в изобилии. Я не знаю, чему приписать это обстоятельство: отсутствию ли надобности в цыновках или недостатку терпения.

Корзины, сплетенные из кокосовых листьев, чрез-

вычайно схожи с полинезийскими. Туземцы их очень берегут; правда, при примитивных инструментах из камней и костей, каждая работа не очень легка, так, например, — над деревцом сантиметров четырна-

Бонем, сын Туя
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

дцати в диаметре. Двум папуасам приходится поработать со своими каменными топорами, если они хотят срубить его аккуратно, не менее получаса. Все украшения им приходится делать камнем, обточенным в виде топора, костями, также обточенными осколками раковин или кремнем, и можно только удивляться, как с помощью таких первобытных инструментов они строят порядочные хижины и пи-

роги, не лишённые иногда довольно красивого орнамента.

16 декабря

Я остановил проходящую пирогу из Горенду, узнав стоящего на платформе Бонема, старшего сына Туя.

Он был особенно разукрашен в это утро. В большую шапку взбитых волос было воткнуто множество перьев и пунцовых цветов. Он стоял на платформе пироги, с большим луком и стрелами в руках, внимательно смотрел по сторонам и следил за рыбою, грациозно балансируя при движениях маленькой пироги. Каждую минуту он готов натянуть тетиву и спустить стрелу. Он был, действительно, очень красив. Длинные зеленые и красные листья, заткнутые за браслеты на руках и у колен, а также по бокам за новый, окрашенный охрой, яркокрасный пояс, придавали Бонему особенно праздничный вид. Прическа его состояла из гирлянды пунцовых цветов; спереди три небольших гребня, каждый с пером, поддерживали тщательно вычерненные волосы; четвертый, большой гребень, также с двумя цветами, придерживал длинное белое петушиное перо, загибающееся крючком назад. Я дал Бонему зеркало, и он вытащил все гребни и цветы из волос и принялся взбивать большим гребнем слежавшиеся в некоторых местах, как войлок, волосы. После этого волосяная шапка его увеличилась раза в три против первоначального; он подергал локоны на затылке или «гатесси», которые тоже удлинились. Затем снова воткнул цветы и гребни в свой черный парик, посмотрел в зеркало и улыбнулся от удовольствия.

Я рассказываю эти мелочи потому, что они объясняют, как из плотно прилегающей к голове мелко-курчавой прически получается эластичная шапка папуасских волос, так часто описываемая путешественниками, которые видят в ней какую-то особенность некоторых «разновидностей» папуасской расы.

17 декабря

Заходил в Горенду напомнить туземцам, что они давно не приносили мне свежих кокосов.

— Не приносили оттого, — хором возразили папуасы, — что тамо-русс (русские люди — матросы «Витязя») срубили много кокосовых деревьев и теперь мало осталось орехов.

Я предложил указать мне, где срубленные деревья. Несколько туземцев вскочили и побежали указать мне срубленные стволы кокосовых пальм около самой деревни, приговаривая:

— Кокосы есть можно, но рубить стволы нехорошо.

Они были правы, и я должен был замолчать.

Привезенная мною посуда мало-по малу исчезает, бьется, почему мне приходится заменять ее туземной, — небольшими «табирами» вместо блюд и половинками скорлупы кокосовых орехов, служащими мне тарелками.

20 декабря

Ночью была сильная гроза. Проливной дождь шел несколько раз ночью и днем. Ветер был также силен. Лианы, подрубленные у корня при расчистке площадки и висевшие до сих пор во многих местах над

крышей, падали, и одна из них, около семи метров длиной и три-четыре сантиметра толщиной, свалилась с большим шумом, пробила крышу и разбила один из термометров, которым я измерял температуру воды.

21 декабря

Ночью свалилось с шумом большое надрубленное с корня дерево и легло поперек ручья. Потребовалось много работы, чтобы очистить ручей от сучьев и листьев.

22 декабря

Туй, возвращаясь с плантации, принес сегодня маленького поросенка, которого собака загрызла, но не успела съесть. Большая редкость животной пищи и постоянное хныканье Ульсона о куске мяса были причиной, почему я сейчас же взял подарок Туя. Маленькое, худое животное оказалось для меня интересным, представляя новую полосатую разновидность. Темнобурые полосы сменялись светлорыжими, грудь, брюхо и ноги были белые. Я отпрепарировал голову, сделал эскиз, а затем передал поросенка Ульсону, который принялся его чистить, скоблить и варить. Смотря на Ульсона, занятого приготовлением, а потом едой, можно было видеть, насколько люди — животные плотоядные. Да, кусок говядины — важная вещь.

Мне не кажется особенно странным, что люди, прежде имевшие животную пищу, переселяясь в местность, где этой пищи нет, стали есть человеческое мясо, которое к тому же очень вкусно, как уверяют знатоки.

Несколько дней тому назад, занимаясь рассматриванием моей коллекции волос папуасов, я констатировал несколько интересных фактов. Распределение волос на голове пучками считается специальной особенностью папуасской породы людей. Уже давно мне казалось невероятным положение, что волосы папуасов растут пучками или группами. Но громадный парик моих соседей не позволил ясно убедиться, как именно волосы распределены. Присматриваясь к распределению волос на висках, затылке и верхней части шеи у взрослых, я мог заметить, что особенной группировки волос пучками не существует, но до сих пор коротко обстриженную голову туземца мне не случалось еще видеть.

После завтрака, лежа в моем гамаке, я скоро заснул. Свежий ветер качал мою койку. Сквозь сон услышал я голос, зовущий меня, и, увидев зовущих, я сейчас же вскочил. Это был Колле из Бонгу, с мальчиком лет девяти, очень коротко обстриженным. С большим интересом и вниманием осмотрел я его голову и даже срисовал то, что показалось мне более важным. Я так углубился в изучение распределения волос, что моим папуасам стало как-то жутко, что я смотрю так пристально на голову Сыроя (имя мальчика), и они поспешили объявить мне, что должны идти.

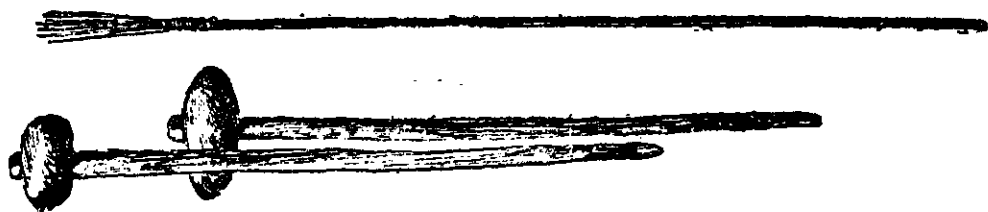
Я с удовольствием подарил им вдвое больше, чем обыкновенно даю, и дал бы в двадцать раз более, если бы они позволили вырезать небольшой кусочек кожи с головы. Волосы растут, как я убедился, у папуасов не группами или пучками, а совершенно так же, как и у нас.

Это — для многих, может быть, очень незначи-

тельное — наблюдение разогнало мой сон и привело в приятное настроение духа.

23 декабря

Последние две недели дули довольно свежие ветры, преимущественно от десяти часов утра до пяти часов пополудни. Ульсон уговорил меня ехать удить рыбу, но, как я и ожидал, мы ничего не поймали. Жители Горенду и Бонгу занимались также

Папуасские палицы с каменными набалдашниками и острога для ловли рыбы

рыбной ловлей; я направил шлюпку к трем ближайшим огонькам, посмотреть, как они это делают.

Подъехав довольно близко, я окликнул их; на пирогах произошло смятение. Огни сейчас же потухли, и пироги скрылись в темноте по направлению к берегу. Причиною бегства туземцев и внезапной темноты было присутствие на пирогах женщин, которых при моем появлении поспешно высадили на берег. Я узнал об этом по донесшимся до меня женским голосам.

Пироги, однако, вернулись, и минуты через две моя шлюпка была окружена десятком пирог, и почти каждый из туземцев подал мне по одной или по две рыбки, а затем они отъехали и продолжали ловлю.

На платформе каждой пироги лежал целый ворох связанной в пучки длинной сухой травы. Стоящий впереди пироги туземец зажигал один за другим эти пучки и освещал поверхность воды. На платформе помещался другой туземец, с «юрком» (острогой), футов восемь или девять длины, который он метал в воду и почти каждый раз сбрасывал ногой с юра две или три рыбки. Часто ему приходилось выпускать юр из рук, и когда это случалось, то пирога подъезжала к юру, который плавал стоя, погруженный в воду только на четверть. Юр так устроен, что, погрузившись в воду и захватив добычу (рыбки остаются между зубьями), поднимается из воды сам и плавает, держась почти перпендикулярно в воде. Наконец, третий папуас управлял пирогой, сидя на корме.

30 декабря

Целые пять дней подряд надоедала мне лихорадка. Не стану подробно описывать мое состояние, но это полезно знать тем, которым вздумается забраться сюда. Эти пять дней голова несносно болела, и я был очень слаб, но вместе с тем, не желая звать Ульсона, сам осторожно спускался с постели на пол, боясь упасть, если стану на ноги. Глаза и лоб заметно опухали во время пароксизма. Все эти дни я находился в каком-то забытьи и принимал хину, вероятно, не во-время; это и было главной причиной того, что лихорадка так затянулась.

Около двенадцати часов явилось несколько человек из Бонгу с приглашением прийти к ним. Один из посетителей сказал мне, что очень хочет есть. Я ему отдал тот самый кокос, который он принес

мне в подарок. Сперва топором, а затем донганом (костяной нож) он отделил зеленую скорлупу ореха и попросил у меня «табир» (деревянное блюдо). Не имея такого, я принес ему глубокую тарелку. Держа кокос в левой руке, он ударил по нему камнем, отчего орех треснул как раз по середине; придерживая его над тарелкой, он разломил его на две почти равные части, причем вода вылилась в тарелку. К нему подсел его товарищ и оба, достав из своих мешков по «яруру», стали выскребывать ими свежее зерно ореха и выскребленную длинными ленточками массу опускать в кокосовую воду. В короткое время вся тарелка наполнилась белой кашей; начисто выскребленные половинки скорлупы превратились в чашки, а те же яруры — в ложки. Кушанье это было приготовлено так опрятно, и инструменты так просты и целесообразны, что я должен был отдать предпочтение этому способу еды кокосового ореха перед всеми другими, виденными мною. Туземцы называют это кушанье «минкиля», и оно играет значительную роль при их угощениях.

Несмотря на накрапывающий дождь, я принял приглашение туземцев Бонгу отправиться к ним, надеясь, что мне удастся осмотреть обстоятельно деревню и что мое знание языка уже подвинулось достаточно для того, чтобы понять объяснение многих мне еще непонятных вещей. Я предпочел отправиться в Бонгу на шлюпке.

Берег около Бонгу совершенно открытый, и при значительном прибое было рискованно оставить шлюпку без привязи, так как был прилив и ее не замедлило бы выкинуть на берег. Нашлось, однако же, большое, свесившееся над водою дерево,

называемое туземцами «субари», к которому мы прикрепили шлюпку. Подъезжая к дереву, я бросил с кормы заменявший якорь большой камень; затем, привязав шлюпку к дереву с носа и, таким образом, оставив ее в полной безопасности, я мог отправиться в деревню. Несколько туземцев, стоявших по пояс в воде, ожидали меня у борта для переноски на берег.

Когда я собрался идти в деревню, один из мальчиков побежал туда возвестить, что я приближаюсь. За мною следовало человек двадцать пять туземцев. От песчаного берега шла довольно хорошо утоптанная тропинка к деревне, которая с моря не была видна. Шагов за пять до первых хижин не было видно и слышно признаков обитаемого места, и только у крутого поворота я увидел первую крышу, которая стояла у самой тропинки. Пройдя около нее, я вышел на площадку, окруженную десятком хижин.

В начале дневника я уже описал в общих чертах хижины папуасов. Они почти целиком состоят из крыши, имеют очень низкие стены и небольшие двери. За неимением окон они темны внутри, и единственная мебель их состоит из нар. Но кроме этих жилых частных хижин, в которых живут отдельные семьи, в деревнях встречаются еще и другие постройки для общественных целей. Они гораздо больше и выше остальных. Они обыкновенно не имеют передней и задней стен, а иногда и боковых, и состоят тогда из одной только высокой крыши, лежащей на столбах и доходящей почти что до земли. Под этой крышей по одной стороне устроены нары для сидения или спанья. Здесь же хранится посуда для общественных праздников. Таких общественных

домов, — нечто вроде клубов,¹ — было в Бонгу пять или шесть, по одному почти на каждой площадке.

Меня сперва повели к первому из них, а затем поочередно ко всем другим. В каждом ожидала меня группа папуасов, и в каждом я оставлял по нескольку кусков табаку и гвоздей для мужчин и полоски красной бумажной материи для женщин, которых даже и сегодня туземцы куда-то попрятали: по крайней мере я не видал ни одной.

Деревня Бонгу раза в три, по крайней мере, больше Горенду; как в Горенду, так и здесь хижины стояли под кокосовыми пальмами и бананами и были расположены вокруг небольших площадок, соединенных одна с другой короткими тропинками.

Обойдя, наконец, всю деревню и раздав все мои подарки, я уселся на нарах большой барлы; вокруг меня собралось около сорока человек туземцев. Это строение имело 24 фута ширины, 42 фута длины и в середине футов 20 вышины. Крыша только на один фут не доходила до земли, была немного выгнута наружу и сделана капитально, представляя изнутри частую, тщательно связанную решетку. Можно быть уверенным, что она устоит против любого ливня и продержится десятков лет. Над нарами подвешено разного рода оружие; посуда, глиняная и деревянная, стояла на полках. Все казалось солидным и удобным.

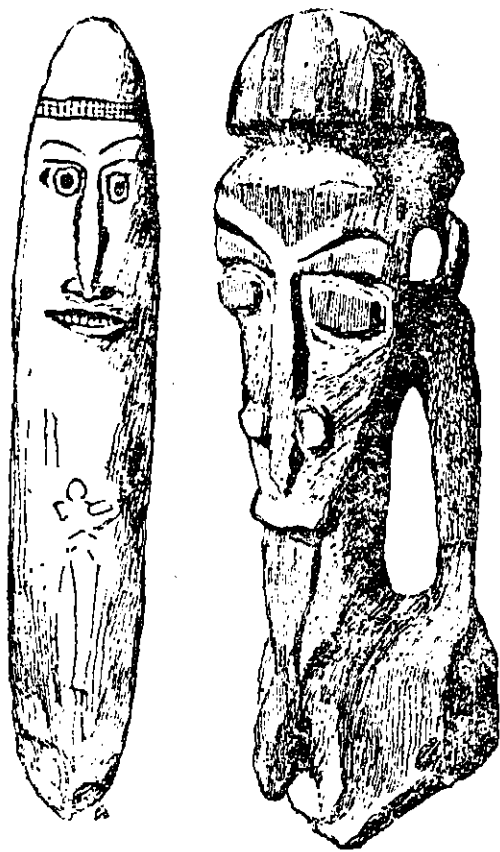
Отдохнув немного, осмотрев все кругом и расспросив, насколько мог, о том, чего не понимал, я направился далее, чтобы поискать, не найду ли чего-нибудь интересного. Я оставил Ульсона и одного из

---

¹ Доступных единственно для мужчин, как я узнал впоследствии. *Примечание Миклухо-Маклая.*

папуасов принимать за меня обратные подарки туземцев, которые они постепенно сносили из своих хижин в барлу и передавали Ульсону. То были: сладкий картофель, бананы, кокосы, печеная и копченая рыба, сахарный тростник и т. п.

У одной барлы верхняя часть задней стенки, сделанная из какой-то коры, была разрисована белой, черной и красной краской. К несчастью шел дождь, и я не мог срисовать эти первобытные изображения рыб, солнца, звезд и людей. В одной барле я нашел, наконец, то, чего искал уже давно, а именно — не-

Папуасские резные из дерева
идолы (телумы)

сколько фигур, вырезанных из дерева; самая большая из них (более двух метров) стояла посреди

барлы около нар, другая (метра в полтора) около входа, третья, как очень ветхая, негодная, валялась на земле. Я расположился рисовать и снял копии со всех трех, разговаривая с туземцами, которые спрашивали, есть ли такие «телумы» в России и как они там называются. В другой барле, укрепленное довольно высоко, так, что я не мог его рассмотреть, висело бревно, состоявшее из целого ряда человекоподобных фигур. Эта барла была такая же, как и другие, и ее вовсе нельзя считать за храм, как были описаны аналогичные постройки с человекоподобными фигурами в Дорэ и в бухте Гумбольдта в Новой Гвинее разными путешественниками.

Мне захотелось приобрести один из виденных телумов; я вынул нож и показал, что дам их два или три за небольшой телум. Мне сейчас же принесли какой-то обгорелый и сломанный, которого я, однако же, не взял, ожидая, что получу лучший.

Солнце уже было низко, когда я направился к шлюпке, сопровождаемый рукопожатиями и возгласами «еме-ме». Когда мы добрались домой и vybrали все подарки из шлюпки, оказалось, что Ульсон очень разочарован поездкой.

— Мало дают, кокосы старые, рыба жестка, как дерево, бананы зелены, да и ни одной еще женщины не видали! — ворчал он, отправляясь в кухню доваривать бобы к обеду.

Январь 1872 года

Гроза. — Бег взапуски. — Собачье мясо. — Еще о филологических затруднениях. — Охота за черепами. — Сильный приступ лихорадки. — На папуасской плантации.

2 января

Ночью была гроза и юго-западный ветер, порывистый и очень сильный. Лес кругом стонал под его напором; по временам слышался треск падающих деревьев, и я раза два думал, что наша крыша слетит в море. В такие ночи спится особенно хорошо: почти нет комаров, и чувствуется прохлада. Около часа я был разбужен страшным треском и тяжелым падением, после которого что-то посыпалось на нашу крышу. Я выглянул за дверь, но темь была такая, что положительно ничего нельзя было разобрать. Я снова лег и скоро заснул. Был разбужен, однако, очень рано шумом сильного прибоя.

Было пять часов; начинало только что светать, и в полумраке я разглядел, что площадка перед крыльцом была покрыта черной массой, выше человеческого роста; оказалось, что большое дерево было сломано ночью ветром и упало перед самой хижиной. Когда здесь падает дерево, то оно не валится одно, а влечет за собою массу лиан и других

паразитных растений, ломает иногда ближайшие деревья или, по крайней мере, сучья их, опутанные лианами упавшего дерева.

Чтобы пробраться к ручью, надо было топором прочистить себе дорогу через зелень. Весь день прошел в очень пустых, но необходимых работах; у Ульсона была лихорадка, и он не мог подняться.

Даже питье чая не обходится без работы; не имею сахара уже несколько месяцев, а один чай не приходится мне по вкусу; я придумал пить его с сахарным тростником. Вооружившись ножом, я откалываю кору тростника, режу его на мелкие пластинки, кусаю их и постепенно высасываю сладкий сок, запивая чаем.

5 января

Вздумал отправиться в Бонгу, закончить рисунки телумов и изображений на стене одной барлы. Встретив Туя, который шел ко мне, я предложил ему идти со мной. Он согласился. Когда мы проходили через Горенду, к нам присоединились Бонем и Дигу. Выйдя из леса к морю, мы пошли по отлогому песчаному берегу. Был прилив, и волны набегали на берег чуть выше линии прилива, где лес образовал густую стену зелени. Не желая замочить обувь, я стал выбирать моменты, когда волна откатывалась и перебегать с одного места на другое.

Туземцы очень обрадовались случаю побегать или, быть может, пожелали узнать, могу ли я бегать, и пустились вдогонку. Желая сам сравнить наши силы в этом отношении, я поравнялся с ними, и мы пустились бежать. Туземцы поняли сейчас же, в чем дело, и мало отставали, но, к моему удивле-

нию, мои ноги оказались крепче, я обогнал всех. Их было человек пять, все они были здоровы, молоды и, если не считать пояса, совершенно голы; на мне же кроме обычного платья были надеты башмаки и галоши.

Придя в Бонгу, я направился прямо к барле снимать рисунки, находящиеся на фронтоне ее. Кончив рисунки, я роздал туземцам несколько кусков табаку, который им все более и более нравится, и отправился походить по деревне. Хотя мое присутствие было известно всей деревне, но на этот раз (кажется, первый) и женщины не убежали в лес, а только при моем приближении прятались в хижины; лиц их я не мог разглядеть, фигура же их походит на мужскую. Костюм отличается от мужского тем, что, вместо пояса, спереди и сзади на них болтаются какие-то фартуки.

Когда я собрался уйти, мне принесли несколько бананов и два куска мяса, вероятно испеченных на углях и аккуратно защемленных между расщепленными палочками; один из этих кусков, назначенный для меня, оказался свининой, а другой — собачьим мясом, которое просили передать Ульсону.

Вернувшись домой и почувствовав хороший аппетит, я передал свинину Ульсону, а сам принялся за собачье мясо, оставив ему половину; оно оказалось очень темным, волокнистым, но съедобным. Ульсон сперва ужаснулся, когда я ему предложил собачины, но кончил тем, что съел и ее. Новогвинейская собака, вероятно, не так вкусна, как полинезийская, о чем свидетельствует Кук, находивший, что собачье мясо лучше свинины.

13 января

Дней шесть страдал от лихорадки, один пароксизм сменялся другим. Шел много раз дождь.

Был в Горенду за сахарным тростником. Пока туземцы сходили за ним на плантации, я сделал не-

д. Горенду.

Деревня Горенду

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

сколько рисунков хижин и в первый раз увидел, каким образом папуасы хранят для себя воду в больших бамбуках. Это делается и во многих местах Малайского архипелага.

Узнал только сегодня, то есть на пятый месяц пребывания, название слов «утро», «вечер»; названия «ночи» еще не добился. Смешно и досадно сказать, что только сегодня мне удалось узнать, как передать по-папуасски слово «хорошо» или «хорошие». До сих пор я уже два раза был в заблуждении, предполагая, что знаю это слово, и, разумеется, употре-

блял его. Очевидно, папуасы не понимали, что я этим словом хочу сказать «хорошо». Очень трудно заставить понять себя, если слово, которое хочешь сказать, не просто название предмета. Например, как объяснить, что желаешь знать слово «хорошо»?

Туземец, стоящий перед вами, понимает, что вы хотите знать какое-нибудь слово. Берешь какой-нибудь предмет, о котором знаешь, что он туземцу нравится, а затем другой в другую руку, который по вашему мнению не имеет для него никакой цены, показываешь ему первый предмет и говоришь «хорошо», стараясь при этом сделать довольную физиономию. Туземец знает, что, услышав русское слово, он должен сказать свое, и говорит какое-нибудь; потом показываешь другой предмет, делаешь кислую физиономию и бросаешь его с пренебрежением; на слово «дурно» туземец тоже говорит свое; пробуешь несколько раз с разными туземцами—слова выходят различные. Наконец, после многих попыток и сомнений, я наткнулся на одного туземца, который, как я был убежден, меня понял; оказалось, слово «хорошо» — по-папуасски — «казь». Я его записал, запомнил и употреблял месяца два. При этом туземцы делали довольную физиономию и повторяли «казь», «казь». Однако я заметил, что как будто не все понимают, что я желаю сказать «хорошо». Это случилось, однако, только на третий месяц: я стал искать, поэтому, случая проверить это слово. Я встретил, как мне казалось, в Бонгу очень сметливого человека, который сообщил мне уже много мудреных слов. Перед нами, около хижины, стоял хороший горшок, и невдалеке валялись черепки другого. Я взял то и другое и повторил вышеописан-

ную процедуру. Туземец меня понял, кажется, подумал немного и сказал два слова. Я стал его проверять, показывая на разные предметы, как-то: целый и разорванный башмак, годный для пищи плод и другой, негодный, и спрашиваю «ваб» — слово, которое он мне сказал. Он повторял «ваб» каждый раз. Наконец, думаю, узнал. Снова употреблял слово «ваб» около месяца и опять заметил, что это слово не годится, и даже установил, что «казь» — значит табак, а «ваб» — большой горшок.

Настоящее значение слова «хорошо» — «ауе» — я приобрел окольными путями, на что употребил ровно десять дней. Видя, что первый способ не выдерживает критики, я стал вслушиваться в разговор папуасов между собой и, чтобы узнать слово «хорошо», стал добиваться значения «дурно», зная, что человек склонен чаще употреблять слово «дурно», чем «хорошо». Это мне удалось, но все же я не был вполне уверен, почему и прибегнул к хитрости, которая помогла: я стал давать пробовать разные соленые, горькие, кислые вещества и стал прислушиваться к тому, что говорят пробующие своим товарищам. Я узнал, что «дурно», «скверно», одним словом «нехорошо» называется «борле». С помощью слова «борле», которое оказалось понятным для всех, я добился от Туя значения противоположного понятия. Это и было «ауе».

Еще комичнее история слова «киринга», которое туземцы употребляли очень часто в разговоре со мною и которое, я полагал, означает «женщина». Только на-днях, т. е. по прошествии четырех месяцев, я узнал, что это слово не папуасское, а Туй и другие туземцы убедились, что оно не русское, за

которое они его считали. Как оно появилось и каким образом произошло это недоразумение — я не знаю.

Вот почему мой лексикон папуасских слов так туго подвигается и вряд ли когда будет значительным.

Зубы начинают болеть от жевания и сосания сахарного тростника, а без него чай невкусен. Странно, что чувствую по временам какую-то потребность съесть чего-нибудь сладкого.

26 января

По уговору зашел ко мне Туй часов в шесть, чтобы вместе итти в Бонгу. Туй решился сегодня съесть тарелку вареного рису, и мы отправились.

В Бонгу я открыл еще один большой «телум», который и не замедлил срисовать. В левой руке большой телум держал маленького, из глины и весьма не искусной работы. Я приобрел последний за три куса табаку.

Я добивался, чтобы мне принесли черепа, но туземцы уверяли меня, что русские забрали все, показывая мне разный хлам, который они получили за них. Один из туземцев показал мне, наконец, куст, под которым должен был находиться череп. Но ни он и никто другой из туземцев не хотели достать его. Тогда я сам направился к кусту и отыскал череп, лежавший на земле и окруженный костями свиней и собак. Туземцы отступили на несколько шагов, говоря, что это не хорошо и чтобы я его выбросил. Этот случай, как и обстоятельство, что туземцы за разные пустяки готовы были расстаться с черепами своих земляков, показал мне, что черепа

у них не в особенном почете. Я подумал, что приобретенный мною череп принадлежал какому-нибудь врагу и что поэтому его мало ценят, и спросил об этом туземцев, на что с удивлением услышал, что это был «тамо Бонгу».

Я приступил затем к покупке съестных припасов. Рыбы достал много, потом выменял ветку созревающих бананов, которую взвалил на плечи.

Наконец, с обоими «телумами» в карманах и с черепом в руках я направился домой. От тяжести и скорой ходьбы мне стало очень жарко, но затем, когда высокая вода обдавала ноги, уже раньше совершенно вымокшие, я почувствовал сильный холод, дрожь и головокружение. В Горенду я попросил Дигу донести мне бананы и пару кокосов.

Едва успел я добраться домой и сбросить вымокшую одежду, как принужден был лечь, так как пароксизм сегодня был очень силен. Мои челюсти так тряслись, зубы так стучали, что я не смог сказать несколько слов Ульсону, который до того испугался, думая, что я умираю, что бросился к койке и зарыдал, сокрушаясь о своей участи в случае моей смерти. Не запомню я подобного пароксизма и такой высокой температуры, не понижавшейся в продолжение почти шести часов.

При этом я был не мало удивлен странным ощущением: при переходе от озноба к жару я почувствовал вдруг странный обман чувства осязания. Я положительно чувствовал, что мое тело растет, голова увеличивается все более и более, достает почти до потолка, руки делаются громадными, пальцы на руках становятся так толсты и велики, как сами руки. Я ощущал при этом чувство громадной тя-

жести разрастающегося тела. Странно, что при этом я не спал, это не был бред, а положительное ощущение, которое продолжалось около часу и которое очень утомило меня. Пароксизм был так силен и ощущения так странны, что я долго не забуду их.

27 января

Я принял 0,8 грамма хины ночью и ту же дозу перед завтраком, и хотя в ушах страшно звенело, и я был глух весь день — пароксизма не было. Сегодня погода была особенно приятная: слегка пасмурно, тепло (29° Ц), — совершеннейший штиль. Полная тишина прерывалась только криком птиц и почти постоянной песнью цикад. Монотонность освещения сменялась проглядывающим по временам лучом солнца. Освеженная ночным дождем зелень в такие минуты блестела и оживляла стены моего палатца; далекие горы казались более голубыми, и серебристое море блестело заманчиво между зелеными рамами; потом опять мало-помалу все тускнело и успокаивалось. Глаз также отдыхал. Одним словом, было спокойно, хорошо...

Мне кажется, что если бы не болезнь, я не прочь был бы остаться здесь навсегда, не возвращаться никогда в Европу.

В то время, когда я прогуливался между кустами, я обратил внимание на одно дерево, почти все листья которого были изъедены насекомыми и покрыты разными прибами. В умеренных странах я никогда не встречал таких различных форм листьев на одном и том же дереве. Рассматривая их, трудно поверить, что они все выросли на одной ветке.

Я каждый день наблюдаю движение листьев, по-

ложительно замечательное. У одного растения из семейства лилий листья гордо поднимаются по утрам и после каждого дождя и уныло опускаются вдоль ствола, касаясь земли, в жаркие солнечные дни.

Жалеешь, что не хватает глаз, чтобы все замечать и видеть кругом, и что мозг недостаточно силен, чтобы все понимать...

28 января

Забрел утром довольно далеко. Вышел из леса по тропинке; она привела меня к забору, за которым я увидел головы нескольких знакомых жителей Горенду. Между ними были и женщины; они работали, сняв лишнюю одежду, которая, вместо длинных фартуков из бахромы спереди и сзади, состояла, как и у мужчин, из пояса, гораздо более узкого, чем у первых. Как только я показался, они не замедлили скрыться за группой сахарного тростника и не показывались, пока я оставался на плантации.

Плантация была недавнего происхождения. Забор в рост человека, совсем новый, был сделан весьма прочно. Он состоял из очень близко одна к другой воткнутых в землю жердей, особенно стволов сахарного тростника; они были насажены в два ряда, отстоящие друг от друга на двадцать сантиметров. Этот промежуток был наполнен всевозможными обрубками стволов, сучьев, расколотого дерева; а затем очень часто тростники, приходившиеся один против другого, были связаны и придерживали всю эту массу хвороста. Главным образом придавало забору крепость то обстоятельство, что в непродолжительном времени после его насаждения тростник пускал корни, начинал расти и с каждым месяцем

годом становился все крепче. Калитка или ворота заменялись вырезом в заборе так, что приходилось переступать порог, фута в два вышины. Это — мера

Папуас из деревни Бонгу

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

предосторожности против диких свиней, которые могли бы забраться на плантацию. Несколько перекрещивающихся дорожек разделяли большое огороженное пространство на участки, на которых возвыша-

лись очень аккуратно расположенные, довольно высокие, полукруглые клумбы. Они имели около семидесяти пяти сантиметров в диаметре, а земля, из которой они состояли, была очень тщательно измельчена. В каждой клумбе были посажены различные растения: сладкий картофель, сахарный тростник, табак и много другой зелени, мне неизвестной. Замечательно хорошая обработка земли заставила меня обратить внимание на орудия, служащие для этой цели; но, кроме простых длинных кольев и узких коротких лопаток, я ничего не мог найти. У забора дымился небольшой костер, который служил туземцам главным образом для закуривания сигар.

До сих пор я не мог открыть у папуасов никакого способа добывать огонь и всегда видел, что они носят огонь с собой и, придя на место, раскладывают небольшой костер для того, чтобы огонь не потух.

Вечером я узнал от Туя много слов, но не мог добиться слова: «говорить». Туй, кажется, начинает очень интересоваться географией и повторял за мной имена частей света и стран, которые я ему показывал на карте. Вероятно, однако, он считает Россию немного больше Бонгу или Били-Били.

Февраль 1872 года

Кража. — Болезнь Туя. — Знакомство с женщинами. — Обработка земли. — Экскурсия в Колику-Мана. — Подготовка к обороне. — Пиршество. — Музыкальные инструменты. — Экскурсия в Били-Били.

2 февраля

Сегодня явились гости из дальней горной деревни; ни физиономией, ни цветом кожи, ни украшениями они не отличаются от моих соседей. Когда я им показал их физиономии в зеркале, надо было видеть их глуповато-изумленные и озадаченные лица. Некоторые отворачивались, а потом снова осторожно заглядывали в зеркало, но под конец заморская штука им так понравилась, что они почти вырывали ее друг у друга из рук. Я выменял у одного из гостей футляр для хранения извести, с весьма оригинальным орнаментом, на несколько железных безделушек.

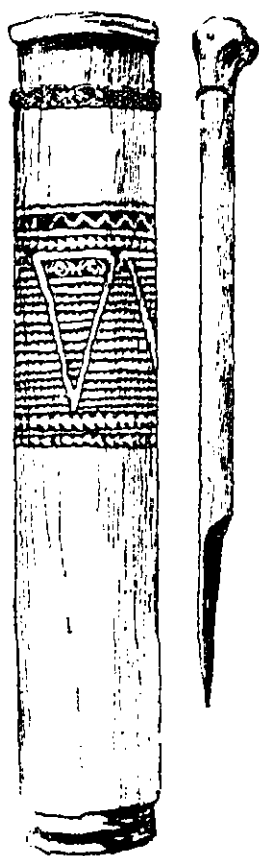
По их уходе Ульсон сказал, что из нашей кухни пропал нож и что он подозревает одного из приходивших жителей Горенду. Это первая кража, сделанная туземцами, и именно вследствие этого я не могу оставить ее без внимания и должен принять меры против повторения подобных okazji. Сегодня,

однако, я не мог пойти в деревню для обличения вора. Пришлось заняться шлюпкой, которая стала сильно течь; во многих местах оказались проточины червей. Я решил, очистив низ шлюпки, покрыть его тонким слоем смолы; для этого надо было шлюпку опрокинуть или поставить на бок, что для двоих было довольно тяжелой работой. Мы, однако, одолели ее.

3 февраля

Я был занят около шлюпки, когда пришел впопыхах один из жителей Горенду и объявил, что послан Туем, на которого обрушилось дерево. Туй его рубил, и при падении оно сильно ранило Туя в голову, и теперь он лежит и умирает. Собрав все необходимое для перевязки, я поспешил в деревню.

Раненый полулежал на циновке и был, кажется, очень обрадован моим приходом. Видя, что я принес с собой разные вещи для перевязки, он охотно снял ту, которая была у него на голове и состояла из трав и листьев. Рана была немного выше виска, с довольно длинными разорванными краями. Я забыл захватить с собой кривые ножницы, которые оказались необходимы, чтобы обрезать волосы около раны; большими же, бывшими со мной, я только раздражал рану. Мелко-курчавые

Бамбуковый футляр для хранения извести, употребляемой при жевании бетеля. Справа кость казуара, которой достают известь из футляра

волосы, слеplенные кровью, образовали плотную кору. Сделав, что мог, я рассказал Тую и старику Буа, который пришел посмотреть на перевязку, о вчерашней краже и сообщил подозрение на одного из жителей из Горенду. Оба заговорили с жаром, что это дурно, но что подозреваемый отдаст нож.

Вернувшись позавтракать в Гарагасси и на этот раз захватив ножницы, корпию и т. д., я возвратился в Горенду. Около меня и Туя, которому я обмывал рану, собралось целое общество. Между прочим, находился также и предполагаемый вор. Кончив перевязку, я прямо обратился к этому человеку (Макине) и сказал:

— Принеси мне мой нож.

Он очень спокойно, как ни в чем не бывало, вытаскил требуемый нож и подал мне его. Как я узнал впоследствии, это случилось по требованию всех жителей Горенду.

Тую я объяснил, чтобы он лежал, не ходил по солнцу и не снимал перевязки. Бледность была заметна, несмотря на темный цвет лица; она выражалась в более холодном тоне цвета кожи. Когда я уходил, Туй указал мне на большой сверток, в котором были «аусь» (съедобный корнеплод) и сахарный тростник; это был, кажется, гонорар за лечение. Туй не хотел брать за это табаку, который я, однако, ему оставил, не желая, чтобы он думал, что я ради гонорара помог ему.

Многие жители Горенду, приходившие ко мне вечером, указывая на деревья, стоящие около дома и угрожавшие мне падением, прибавляли, что крыша моего дома нехороша, что она протекает, и пред-

лагали переселиться к ним в Горенду, говоря, что все люди в Горенду очень скоро построят мне дом.

Что крыша плоха — это правда, так как в двух местах я могу видеть луну, просвечивающую между листьями.

5 февраля

Был в Горенду; хотел перевязать рану Туя, но во всей деревне не нашел никого, за исключением трех или четырех собак: все люди были на работе или в лесу. Туй, чувствуя себя, вероятно, лучше, также ушел.

6 февраля

Утром, придя в Горенду, я нашел Туя в гораздо худшем состоянии, чем третьего дня; рана сильно гноилась, и над глазом, и даже под ним, распространилась значительная опухоль. Побранив раненого за его легкомысленное вчерашнее гулянье, я перевязал рану, сказал, что он умрет, если будет ходить по солнцу, и прибавил, что увижу его вечером.

Я только-что расположился обедать, как прибежал Лялай, младший сын Туя, с приглашением от отца прийти обедать в Горенду; он сказал, что для меня готова рыба, таро, аусь, кокосы и сахарный тростник. Я пообедал, однако, дома, а затем отправился с Лялай и Лялу в деревню.

Пройдя ручей, я услышал вдруг восклицание Лялу; оказалось, что он наступил на змею, очень «борле» (дурную), от укуса которой человек умирает. Не медля я вернулся к тому месту, где Лялу

указал мне на змею, спокойно лежавшую поперек тропинки. Видя, что я приближаюсь к змее, оба туземца подняли крик:

— Борле, борле, ака, Маклай моен! (дурно, дурно, нехорошо, Маклай умрет).

Чтобы овладеть животным, мне пришлось почти что отделить голову ножом, потом, подняв змею за хвост, я позвал Ульсона и отправил мою добычу домой, а сам скорым шагом (солнце уже садилось) пошел в деревню.

По обыкновению свистком я предупредил жителей Горенду о моем приближении; я это делал, как уже заметил ранее, чтобы женщины имели время спрятаться, зная, что мои соседи не любят показывать их мне. Я много раз замечал, что туземцам нравится мой образ действий. Они видели, что я поступаю с ними открыто и не желаю видеть больше, чем они хотят мне показать. При моем свистке все женщины, от мала до велика, прятались в кусты или хижины. Сегодня было то же самое.

Пользуясь последними лучами солнца, я перевязал рану Туя и расположился около больного, вокруг которого собралось уже большое общество соседей, а также и жителей Бонгу и Гумбу. Туй заметил, что при моем «кин-кан-кан» (название это он выдумал для моего свистка и произносил его в нос) все «нангели» (женщины) убежали, но что это очень дурно, потому что Маклай «тамо билен» (человек хороший). При этом я услышал за собой женский голос, как будто опровергающий слова Туя, и, обернувшись, увидел старую женщину, которая добродушно улыбалась — это была жена Туя, старая, очень некрасивая женщина, одетая в юбку из каких-то гряз-

ных, желто-серых волокон, которая закрывала ее от пояса до колен. Волосы ее висели намасленными пучками вокруг головы, опускаясь и на лоб. Она так добродушно улыбалась, что я подошел к ней и пожал ей руку, что ей и окружающим очень понравилось. При этом из-за хижин и кустов появились женщины разных возрастов и небольшие девочки. Каждый из мужчин представил мне свою жену, причем последняя протягивала мне свою руку. Только молодые девушки в очень коротких костюмах хихикали, толкали друг друга и прятались одна за другую. Каждая женщина принесла мне сахарного тростника и по пучку ауся. Все, кажется, были довольны знакомством или тем, что избавились, наконец, от обязанности прятать своих жен при моем приходе. Мужчины образовали группу около лежавшего Туя, курили и разговаривали, беспрестанно обращаясь ко мне (я теперь уже много понимаю, хотя еще не много говорю). Женщины расположились в некотором расстоянии около жены Туя, занимавшейся чисткой таро.

Подарков от женщин было так много, что двое туземцев должны были снести их в Гарагасси, куда я поспешил, потому что темнота уже наступала. Не успел я дойти до дома, как меня захватил ливень.

7 февраля

Нашел рану Туя в худшем состоянии вследствие того, что он не может усидеть на одном месте и ходит много по солнцу. Он захотел угостить меня таро, но костер в его хижине потух. Ляляй, семилетний сын Туя, был послан за огнем, но, вернувшись минут через десять, объявил отцу, что огня

нигде нет. Так как в деревне никого кроме нас троих не было, и хижины все были плотно заложены бамбуком, то Туй приказал сыну осмотреть все хижины, не найдет ли в них где огня. Прибежали несколько девочек и вместе с Ляляем стали осматривать хижины, но огня нигде не оказалось. Туй очень досадовал, желая сварить таро, а также и покурить. Он утешил себя, говоря, что люди с поля скоро принесут огонь. Я убедился таким образом, что мои соседи пока еще не знают способа добывать огонь.

Пришедшие женщины расположились около нас и с большим любопытством осматривали меня и мой костюм. Это любопытство было довольно натурально, так как до сих пор они никогда не видели меня вблизи. Пришедшие с плантации женщины и девочки принесли на спине большие мешки, перевязь которых охватывала верхнюю часть лба. Когда мешок полон и тяжел, они сильно нагибаются, чтобы сохранить равновесие.

Носовая перегородка у женщин, как и у мужчин, продырявлена. В ушах, кроме обыкновенного отверстия для больших серег, есть еще другое в верхней части ушей. Через эти отверстия проходит шнурок, средняя часть которого перехватывает голову как раз от одного уха к другому, а на обоих свободных концах, висящих до плеч, нанизаны попарно клыки собак.

Под крышей над входом в одну хижину я заметил большого жука, энергично старавшегося освободиться из петли, которая стягивала его поперек. Ляляй заявил, что это его жук, которого он принес, чтобы съесть, но если я хочу, то могу взять его. Жук оказался новым видом и совершенно целым, по-

чему я и воспользовался предложением мальчика. Пока я отвязывал жука, Туй указал мне на большого паука и сказал, что жители Горенду, Бонгу и Гумбу едят также и «кобум» (т. е. пауков). Итак, к мясной пище папуасов следует причислить жуков, пауков, личинки бабочек и т. п.

8 февраля

Подходя поутру к хижине Туя, я издали увидел целую сходку мужчин и женщин. Присутствие женщин особенно удивило меня, так как обыкновенно к этому часу все женщины уже работают на плантациях.

Приблизившись к Тую, я догадался, в чем дело: весь лоб, щеки и верхняя часть шеи образовали у него сплошную подушку; веки так опухли, что он еле мог открывать глаза. Туй едва говорил; туземцы суетились около него, думая, что он умрет. Осмотрев больного, я решил пойти в Гарагасси за всем необходимым, чтобы делать припарки. Захватив с собою ланцет, я вернулся в Горенду, где был встречен всеми с выражениями радости.

Приготовив припарки из льняного семени, я стал прикладывать их очень усердно, так что скоро, без надреза, значительное количество жидкой материи вылилось через ранку на виске. Я продолжал припарки в продолжение нескольких часов, сменяя их очень добросовестно.

Большое общество окружило нас в почтительном расстоянии; все расселись и разлеглись в самых разнообразных позах, описывать которые при всем желании было бы очень не легко.

9 февраля

Чувствовал себя очень скверно, но опасение за здоровье Туя заставило меня отправиться в Горенду. Благодаря вчерашним припаркам опухоль была меньше. Вернувшись домой, я вынужден был пролежать весь день.

Сегодня, когда я пришел в Горенду, женщин не было. Убедившись, что Туя лучше, они отправились работать на плантации, куда уходят обыкновенно на весь день.

10 февраля

Сегодня сделал интересное открытие; проходя мимо хижины одного туземца, я обратил внимание на его занятие. Перед ним стояла чаша из большого кокосового ореха; другая с отверстием посредине, — тоже скорлупа ореха, — имела дно, покрытое слоем тонкой травы. Поставив вторую чашу на первую, он из третьей налил на траву какую-то темно-зеленую густую жидкость, которая профильтровывалась в нижнюю. Когда я спросил, что это такое, он мне ответил, подавая кусок корня «кеу», что, выпив эту жидкость, он заснет.

Хотя я не видал листьев этого «кеу», но я думаю, что это не что иное, как полинезийская кава. Насколько я знаю, употребление кавы туземцами Новой Гвинеи до сих пор было неизвестно.

12 февраля

Не найдя Туя в Горенду, я отправился на плантации, предполагая найти его там, и не ошибся. Он сидел под палящим солнцем около работавших членов семьи. Отправив его в деревню, я остался не-

сколько времени на плантации посмотреть на способ обработки земли.

Я уже говорил, что плантации папуасов очень хорошо обработаны; круглые высокие клумбы состоят из тщательно измельченной земли. Все это достигается, как я увидел, весьма просто, но с большим трудом, с помощью двух самых примитивных орудий: простого заостренного кола, более двух метров длиною, называемого туземцами «удя», и узкой лопаты — «удя-саба» — в метр длиною.

Вот в чем заключается самая обработка: двое, трое или более мужчин становятся в ряд и вместе разом втыкают свои колья, по возможности глубже, в землю, потом, тоже разом, поднимают продолговатую глыбу земли, затем идут дальше и выворачивают целые ряды таких глыб. Несколько человек, также при помощи кольев, разбивают эти глыбы на более мелкие; за ними следуют женщины, вооруженные «удя-сабами», разбивают большие комья земли, делают клумбы и даже растирают землю руками.

15 февраля

Встал до света. Запасся провизией, вареными бобами и таро на целый день и отправился в Горенду, где по уговору я должен был найти Бонема и Дигу готовыми сопровождать меня в горную деревню Колику-Мана.

Перевязав рану Туя, которому гораздо лучше, я спросил о Бонеме. Ответ — ушел в Теньгум-Мана.

— Где Дигу?

— Ушел с Бонемом.

— Тамо борле (плохие люди)! — сказал я.

Мне было тем досаднее, что я не знал дороги

в Колику-Мана. Направление было мне известно по компасу, но тропинки здесь такие капризные, что, желая попасть на юг, идешь, оказывается, часто на север, затем, идя извилинами то на запад, то на восток, доберешься, наконец, до настоящего направления. Бывают также такие случаи: тропинка вдруг кончается, перед тобою открывается узкий, но глубокий овраг, внизу ручей, на другой стороне сплошная стена зелени. Куда идти, чтобы выйти на дорогу? Тропинка хорошо протоптана, много людей ею прошло, но здесь ей конец. Что же оказывается? Надо при помощи свесившегося над оврагом дерева спуститься к ручью, там найти другое дерево, взобраться на один сук, почти что скрытый в зелени, перейти на другое дерево и затем пройти до известного поворота и спрыгнуть на пень, уже по другой стороне оврага, где тропа продолжается. Или случается, что надо подняться или спуститься по течению ручья, идя в воде, шагов на сто или двести, чтобы выйти на продолжение тропинки. Подобные загадки, встречающиеся на дорогах, заставили меня еще более досадовать на изменников.

Не желая подать виду, что меня можно водить за нос, я объявил, что сам найду дорогу, и вынул компас. Туземцы отступили шага на два, но все же могли заметить движущуюся стрелку компаса. Я посмотрел на него (более для эффекта) очень самоуверенно, выбрал дорогу, к великому удивлению папуасов, и отправился. Я решил идти в Бонгу и там найти себе спутника. Пройдя уже полдороги, я услышал за собою голоса знакомых, зовущих меня. Жители Горенду одумались, побоялись рассердить меня и прислали двух человек. Но эти люди пришли

более для того, чтобы уговорить меня не идти в Колику-Мана, а не для указания дороги. После длинных разговоров, они вернулись в Горенду, а я пошел вперед. Снова слышались шаги. Это был Лако, вооруженный копьем и топором; он сказал мне, что пойдет со мною в Колику-Мана.

Более я ничего не желал и весело отправился по тропинке. Часто сворачивал я в сторону. Лако, шедший за мною (папуасы так недоверчивы, что не допускают, чтобы я шел за ними), указывал мне настоящую тропинку. Будь я один, я бы уже много раз сбился с пути.

Из леса вышли мы, наконец, к обрывистому морскому берегу. Внизу, футов на тридцать или сорок ниже, была хорошенькая бухточка. Надо было сойти вниз. Тропинка, подойдя к обрыву, сворачивала и шла на юг, в глубь леса, а мне надо было идти на юго-запад. Лако подошел к дереву и махнул рукою, чтобы я следовал за ним. Когда я приблизился, он указал мне направление и сам быстро, но осторожно, стал спускаться по корням дерева к морскому берегу. Я последовал по этой воздушной лестнице, которая, хотя и казалась головоломной, но в действительности была не особенно трудной. Приходилось держаться на руках и, висая в пространстве, искать ногами следующую опору; если бы я оборвался, то, вероятно, раздробил бы себе череп. Внизу, пройдя минут пять по берегу, мы опять вошли в лес.

Снова вдали слышался крик. То были люди из Бонгу. Мы подождали немного, пока они присоединились к нам с заявлением, что пойдут со мной в Колику-Мана.

Сначала шли лесом, затем в брод, через два ручья, потом через небольшую речку Теньгум, по которой спустились к морскому берегу; затем перешли еще две речки. Вода речек была сравнительно очень холодна ($25,5^{\circ}$ Ц), что очень неприятно по сравнению с температурой горячего берегового песка, уже накаленного солнцем до 30° Ц, хотя было всего $8\frac{1}{2}$ часов утра.

Пройдя еще с полчаса берегом, мы остановились у двух больших деревьев, откуда тропинка вела в лес; это место, оказалось, служит постоянным привалом путников в Колику-Мана. Потом вышли на поляну, покрытую высокой травой в рост человека. Эта трава покрывает все плоские и отлогие места в окрестностях и называется туземцами «унан»; она так густа и жестка, что без тропинки через нее невозможно пробраться.

Солнце давало себя чувствовать, но пересекавшие иногда поляны участки леса приятно оживляли своей прохладой. Мы незаметно поднимались в гору, но затем пришлось опять спуститься в глубокий овраг, внизу которого стремительно бежала речка. Нависшие с обеих сторон деревья образовали над нею свод. Дно ее было как бы вымощено камнями, и вода, не более фута глубиной, со своеобразным рокотом неслась к морю. Все речки этого берега имеют горный характер, с очень крутым падением, что объясняет их стремительность; при дожде они скоро делаются совершенно непроходимыми, катят с шумом и пеною большие камни, роют берега и несут вырванные или подоманные деревья.

По другую сторону речки тропинка вела все в гору и почти все время лесом. У последнего дерева Лако

показал мне первые хижины Колику-Мана. Мы прошли вдоль забора обширной плантации, расположенной на скате холма. Можно было подивиться предприимчивости и трудолюбию туземцев, тщательной обработке земли. У забора рос сахарный тростник, и моим спутникам захотелось потешиться. Мы остановились: сопровождавшие меня туземцы прокричали что-то; им ответил женский голос, который скоро приблизился. Тогда мои спутники стали передо мной на возвышенном крае тропинки и совсем закрыли меня. Из-за тростника я скоро увидел приближающуюся молодую женщину; когда она подошла к забору, говорившие с ней туземцы быстро расступились, и перед ней стоял я.

Сильнейший ужас изобразился на лице папуаски, никогда еще не видавшей белого; полуоткрытый рот испустил протяжное выдыхание, глаза широко раскрылись и потом редко и конвульсивно заморгали, руки ухватили судорожно тростник и удерживали откинутую назад верхнюю часть туловища, между тем как ноги отказывались служить.

Спутники мои, довольные эффектом своей шутки, стали объяснять ей, кто я; бросив ей кусок красной материи, я пошел далее. Тропинка становилась все круче. Наконец, показалась первая кокосовая пальма, а затем крыша туземной хижины. Минуты через две я был на площадке, окруженной шестью или семью хижинами.

Меня приняли двое мужчин и мальчик, к которым присоединилась старая, очень некрасивая женщина. Мои спутники очень заботились о том, чтобы жители Колику-Мана получили обо мне хорошее впечатление. Насколько я мог понять, они расхваливали мои

качества: говорили об исцелении Туя, о разных диковинных вещах в моем «таль» (доме).

Отдохнув и раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки, я принялся рассматривать окружающую местность и хижины. Площадка, на которой мы расположились, представляет вершину одной из возвышенностей хребта и окружена густою растительностью и десятком кокосовых пальм, так что только в двух или трех местах можно видеть окрестную местность. Вид на север особенно хорош: зеленые холмы на первом плане, цепь зеленых гор, а за ними оригинальный контур пика Константина; внизу блестящее море с островами. На юге и юго-востоке виднелся целый лабиринт гор и холмов, покрытых лесом. Некоторые скаты были зеленого цвета, именно те, которые покрыты не лесом, а унаном.

Хижины не особенно отличаются от хижин береговых деревень; они, однако же, меньше, вероятно потому, что места здесь на вершине мало, и трудно переносить строительный материал.

Собравшиеся вокруг меня туземцы по внешности отличаются от береговых тем, что носят гораздо меньше украшений.

Пока для меня и моих спутников готовили обед, я стал расспрашивать о «маб» (вид кускуса — плотоядного сумчатого животного), который, по уверениям береговых жителей, очень часто встречается в горах. Мне принесли обломанный череп одного и нижние челюсти двух других «маб»:

Нам подали, наконец, два табира: один для меня, другой для моих спутников. После прогулки все показалось мне отлично сваренным. Когда мы принялись за еду, все туземцы вышли на площадку и оста-

вили меня и моих спутников одних. Некоторые из туземцев занялись приготовлением «кэу». Поданное мне блюдо было громадно, и я, разумеется, не съел и четверти содержимого; несмотря на мои возражения, все оставшееся было завернуто для меня в банановые листья, чтобы кушать «мондон» (потом).

Все туземцы были очень предупредительны, и когда я собрался идти, из каждой хижины хозяйкой было вынесено по несколько «аян» (съедобное культурное растение — диоскорея), которые были положены мне к ногам.

Уходя, я пригласил туземцев в Гарагасси.

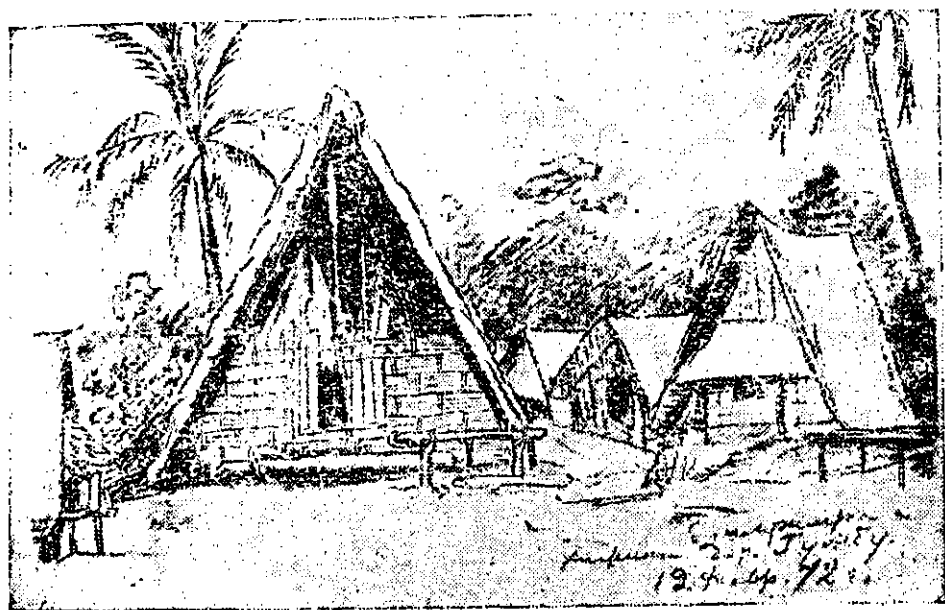
Был четвертый час, и солнце все еще сильно пекло; особенно утомительна была дорога вниз по открытым холмам; в тени же леса было очень сыро и прохладно. На берегу моря меня охватил ветер, и мне показалось очень холодно; несмотря на усталость, я прибавил шагу, но все-таки от пароксизма лихорадки не увернулся. Придя в Бонгу, я, не говоря ни слова, отправился в одну из больших хижин, стащил мокрую обувь, растянулся на барле и скоро заснул. Проснувшись ночью и чувствуя себя вполне здоровым, я пошел домой. Была прекрасная лунная ночь.

16 февраля

Отправился в Гумбу, надеясь набрать там еще несколько черепов. Я не спешил, чувствуя еще некоторую усталость от вчерашней прогулки. Добравшись до тропинки, я присел отдохнуть и полюбоваться морем.

Мое раздумье было прервано появлением туземца, который бежал по берегу. Держа в левой руке над

головой лук и стрелы, с каменным топором, висевшим на плече, он бежал весьма быстро и по временам правою рукою делал какие-то знаки. Вышедшие ко мне навстречу жители деревни при виде бегущего о чем-то оживленно заговорили и еще более оживились, когда за первым бегущим последовал второй,

Буамрамра и хижины в деревне Гумбу
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

третий, четвертый. Все бежали скоро, ровно и, казалось, с важным известием. Трудно было не любоваться ими: так легко, свободно они двигались. Я сидел на своем месте; первый, не останавливаясь, пробежал мимо нас, прямо в деревню. Хотя он и не остановился, но выразительной мимикой сказал новость, которую бежал сообщить деревне.

Поравнявшись с нами, он ударил правой рукой себя в грудь, закинув на сторону голову и высунув немного язык (жест, которым папуасы выражают

обыкновенно смерть, убийство или что-нибудь подобное), и крикнул:

— Марагум — Горенду!

Второй последовал за ним; окружавшие меня туземцы побежали также в деревню; я сам направился туда же.

Не дойдя до первых хижин, услышали мы ускоренные удары «барума»; эти удары были другого темпа, чем обыкновенно. Из хижин было вынесено большое количество разного рода оружия. Не понимая, в чем дело, но видя общее смятение, я почти что силою остановил одного из бежавших в Гумбу туземцев и узнал от него новость: люди Марагум напали на Горенду, убили нескольких, в том числе и Бонема, затем отправились на Бонгу, но придут, вероятно, и в Гумбу и в «таль Маклай».

Марагум-Мана — большая деревня, с которой мои соседи уже давно в неприязненных отношениях. Я припомнил, что в Горенду уже несколько недель около хижин лежала постоянно наготове куча стрел и копий, так как жители все ожидали нападения со стороны горцев. В Гумбу царствовало общее смятение, которое невольно подействовало и на меня. Мужчины громко разговаривали с большим жаром, другие приготавливали оружие, женщины, дети и собаки кричали и выли.

Я направился скорым шагом домой, мысленно браня тревогу и глупых людей, мешающих моей покойной жизни. Мой рассказ о происшедшем привел Ульсона в сильную тревогу. Он попросил разрешения приготовить шлюпку, на случай если бы «Марагум-Мана тамо» оказались слишком многочисленными, и сказал, что, если нам не удастся отстоять хижину, мы

можем перебраться в Били-Били. Чтобы успокоить его, я согласился, но сказал, что переносить что-либо в шлюпку слишком рано; ведь первый мой выстрел так озадачит туземцев, что навряд ли они сунутся, чтобы испытать действие дроби. Я, однако, зарядил мои ружья и решил обождать их прихода, спокойно растянувшись на койке. Скоро я уснул, зная очень хорошо, что Ульсон, будучи сильно возбужден, не проспит прихода гостей. Знаю, что заснул очень крепко и спал хорошо.

Меня разбудили крики и шум в лесу. Я услышал изменившийся голос Ульсона:

— Вот они! Пусть господин теперь приказывает, я все буду делать, что он скажет, а то я не буду знать, что делать, — говорил он на своем ломаном шведско-немецком языке.

Я приказал ему загородить ящиками дверь, самому же оставаться в доме и заряжать ружья и револьверы, которые я ему буду передавать по мере надобности; при том постараться, чтобы руки его не так тряслись.

Пока мы приводили все в осадное положение, крики и шум в лесу приближались. Я вышел на веранду, положив перед собою два револьвера. Двуствольное ружье, заряженное мелкой дробью, я держал в руках.

Между деревьями, за ручьем показались головы. Но что это?

Вместо копий и стрел я вижу кокосы и бананы в руках приближающихся. Это не могут быть люди из Марагума.

Действительно, то были жители Бонгу, которые пришли мне сказать, чтобы я не беспокоился о Мара-

гум-тамо, и рассказали мне причину тревоги. Утром сегодня женщины Бонгу, выйдя на работу далеко в поле, заметили на холмах несколько незнакомых вооруженных людей; им показалось, что эти люди стараются окружить их, и некоторым из женщин почувствовалось, что вооруженные люди направляются в их сторону. Они с криком бросились бежать; те, которые были впереди, услышав шаги бегущих за собой, убедились, что за ними гонятся, стали еще больше кричать и направились к плантации, где работали несколько мужчин. Последние, увидав скоро, что все это была ложная тревога, стали бить своих жен, чтобы заставить их замолчать, но достигли тем противного. Жены и дочери подняли такой гвалт, что вдалеке проходившие люди Гумбу не могли более сомневаться, что люди Марагум-Мана бьют и убивают жителей Горенду. Поэтому они кинулись бежать в Гумбу, где и рассказали слышанную уже мною повесть о нападении на Горенду, смерти Бонема и т. п. Они прибавили, что люди, виденные женщинами Бонгу, могли быть действительно жителями Марагум-Мана, и поэтому все-таки опасаются нападения.

Моим соседям очень понравилось то обстоятельство, что и я приготовился принять как следует неприятеля, и они просили позволения прислать своих женщин под мое покровительство, когда будут ожидать нападения горцев.

Я подумал, что это удобный случай познакомить моих соседей с огнестрельным оружием. До сих пор я этого не делал, не желая еще более возбуждать подозрительность и недоверие туземцев; теперь же я мог им показать, что в состоянии, действительно, защитить себя и тех, кого возьму под свое покрови-

тельство. Я приказал Ульсону принести ружье и выстрелил. Туземцы схватились за уши, оглушенные выстрелом, и кинулись, было, бежать. Затем остановились, прося спрятать ружье скорее в дом и стрелять только тогда, когда придут «Марагум-тамо». Ружье туземцы называли сегодня «табу», вследствие того, кажется, что с первого дня моего пребывания здесь все недозволенное, все, до чего я не желал, чтобы туземцы дотрагивались, я называл «табу», употребляя полинезийское слово, которое таким образом вошло в употребление и здесь.

18 февраля

Приходили люди Гумбу просить меня идти с ними и жителями Горенду и Бонгу на Марагум. Они обещали делать все, что я прикажу, и прибавляли, что, услышав о приближении Маклая, жители деревни Марагум убегут в горы.

Пришли также жители Колику-Мана, а с ними Туй и Лялу. Все говорили о Марагум и хором прибавляли, что теперь, когда Маклай будет с ними, Марагум-тамо будет плохо.

Такое распространяющееся мнение о моем могуществе мне не только не лестно, но в высшей степени неприятно. Чего доброго, придется вмешаться в чужие дела; к тому же такие шутки нарушают мою покойную жизнь лишним шумом и тревогой.

Пошедший вечером дождь заставил меня опять отложить поездку в Били-Били.

Сидя в шалаше у костра, я занимался печением на углях ауся и бананов себе на ужин и наслаждался тишиною ночи, как вдруг слух был поражен сильными и учащенными ударами барума в Горенду,

Одна и та же мысль мелькнула в голове у меня и у Ульсона: люди Марагум нападают на жителей Бонгу и Горенду.

Но вот оттуда стали доноситься протяжные звуки каких-то нестройных инструментов. Это сразу успокоило меня, и я решил лечь спать, не прислушиваясь к фантастическим звукам, долетавшим из деревни.

19 февраля

Ночью сквозь сон несколько раз слышал звуки барума, звуки папуасских музыкальных инструментов и завывания самих туземцев. Около половины пятого утра услышал сквозь сон, что кто-то зовет меня. Я вышел на веранду и разглядел в полумраке Бангума из Горенду, который пришел позвать меня от имени всех туземцев, жителей Горенду, Бонгу и Гумбу, на их ночной праздник. Я, конечно, согласился, оделся второпях, и мы пошли, часто спотыкаясь в темноте о корни и лианы.

На первой площадке Горенду меня встретил Туй. Он был очень бледен от бессонной ночи. Он попросил перевязать его рану, которая все еще сильно беспокоила его. Когда я кончил, он указал на тропинку, которая из деревни вела между деревьями к морю, и прибавил: вышей «кэу» и покушай «аяна» и «буам».

По тропинке пришел я к площадке, окруженной вековыми деревьями, на которой расположились человек пятьдесят туземцев. Открывшаяся картина была не только характерна для страны и жителей, но и в высшей степени эффектна.

Было, как я сказал, около пяти часов утра. Начинало светать, но еще лес покоился в густом мраке.

Площадка была с трех сторон окружена лесом, а переднюю сторону представлял обрывистый морской берег; но и эта сторона была не совершенно открыта. Стволы двух громадных деревьев рисовались на светлой уже поверхности моря. Мелкая растительность и нижние сучья этих двух деревьев были срублены, так что прогалины между ними казались тремя большими окнами громадной зеленой беседки среди леса.

На первом плане вблизи ряда костров группировалась на циновках и голой земле, вокруг нескольких больших табиров, толпа туземцев в самых разнообразных позах. Некоторые, закинув голову назад, допивали стоя из небольших чаш последние капли кэу; другие уже с отуманенными мозгами, но еще не совсем опьяненные, сидели и полулежали с вытянутыми, неподвижными и мутными глазами и глотали зеленый напиток; третьи уже спали, — кто лежа на животе, кто на спине с раскинутыми руками и ногами, кто полусидя с головой, низко склонившейся на грудь. Иных уже одолела бессонная ночь и кэу, другие, сидя вокруг табиров с аяном и буамом, еще весело болтали. Были и такие, которые хлопотали около больших горшков с сварящимся кушаньем.

Несколько, вероятно, отъявленных любителей музыки, подняв высоко над головой или прислонив к деревьям свои бамбуковые трубы, более чем в два метра длиною, издавали протяжные, завывающие звуки; другие дули в продолговатый, просверленный сверху и сбоку орех, — получался звук резкий и свистящий. Кругом к стволам деревьев были прислонены копья; луки и стрелы торчали из-за кустов.

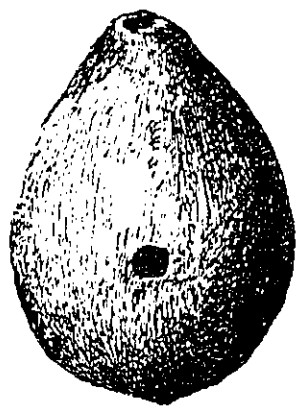
Картина была в высшей степени своеобразна,

представляя сцену из жизни дикарей во всей ее первобытности, — одна из тех, которые вознаграждают путешественника за многие труды и лишения.

Я погрузился в рассмотрение новой для меня картины. Мой взгляд переходил от одной группы к другой, от окружающей обстановки к спокойному, серебрившемуся морю и далеким горам, по которым разливался розоватый свет восхода. Мне жаль было, когда несколько знакомых голосов, приглашавших присесть к ним, оторвали меня от наблюдений.

Завтрак должен был быть сейчас готов, о чем возвестили раздражающие ухо завывания бамбуковых труб.

Скоро собралось значительное число жителей трех деревень — Бонгу, Горенду и Гумбу. Они накинулись на кушанья, принесенные в табирах очень большого размера. Из одного табира мне было положено в свежее отколотую половину кокосовой скорлупы немного желтовато-белой массы, предложенной с уверениями, что это очень вкусно. То был «буам» (саго, приготовленное из саговой пальмы) с наскобленным кокосовым орехом. Это папуасское кушанье имело, действительно, приятный вкус. Затем меня угостили хорошо сваренным аяном, который надо было есть сегодня с так называемым «орланом», но этот кислый соус имел такой острый запах, что я отказался от него. Скатертью служили банановые листья, посудой, то есть тарелками и чашками — скорлупа кокосовых орехов, вилками — обточенные

Дудка из просверленной скорлупы кокосового ореха

бамбуковые палочки и заостренные кости, а многие пускали в ход и свои гребни (на папуасском языке вилка и гребень называются одинаково); ложками служили туземные яруры. Было оригинально видеть это разнообразие инструментов, употребляемых здесь при еде.

Уже совсем рассвело, и, рассматривая окружающих, я везде встречал знакомые лица из соседних деревень. Когда я поднялся, чтобы уйти, мне дали целый сверток вареного аяна, и послышались приглашения притти обедать. Уходя, я должен был посторониться, чтобы дать пройти процессии, которая несла припасы для продолжения праздника. Туй с Бонемом принесли на палке большой сверток буама, тщательно обернутый листьями; за ними несколько туземцев несли кокосы, а другие принесли, также на палке, лежащей на плечах двух носильщиков, большую корзину аяна, за ней другую и третью. Дальше шесть туземцев несли трех свиней, крепко привязанных к палкам, концы которых лежали у них на плечах. Эта процессия подвигалась с некоторой торжественностью.

Припасы раскладывались по порядку на известных местах площадки. Гости из других деревень осматривали и считали принесенное, делая свои замечания. Все это должно было быть съедено за обедом, которым заканчивался пир, начавшийся накануне вечером.

Вскоре после того, как я пришел домой, за мной явилось несколько туземцев, чтобы снова звать меня в Горенду. Пришлось опять вернуться в деревню, что я и сделал, запасшись табаком. По дороге я был остановлен женщинами всех трех деревень;

— Дай нам табаку!

Пришлось дать.

Женщины не принимают непосредственного участия в этих папуасских пиршествах; они едят отдельно. Им, как и детям, доступ на площадку воспрещен. Так было и в Горенду. Мужчины пировали в лесу, женщины и дети расположились в деревне и чистили аян. На площадке сцена была очень оживленной, но имела несколько иной характер, чем утром. На одной стороне на циновках лежали куски распластанных свиней; некоторые резали мясо ножами, полученными у меня; другие — бамбуковыми ножами и своими костяными «донганами», а затем очень искусно рвали его руками.

На другой стороне площадки на бревнах были поставлены большие горшки, фута полтора в диаметре; таких горшков я насчитал тридцать девять; далее стояли на двух бревнах пять горшков еще большего размера; в них варился буам. Посреди площадки очищали буам от листьев и других нечистот и скребли кокосы. Жители Горенду, как хозяева, разносили воду в больших бамбуках и складывали дрова около горшков.

Я пришел как раз в то время, когда шел делёж мяса; оно лежало порциями, нарезанное или оторванное руками от костей. Туй громко вызывал каждого гостя, называя его имя и прибавляя: «тамо» (человек) такой-то деревни. Названный подходил, получал свою порцию и шел к своему горшку (для каждого из гостей пища варилась в особенном горшке).

Не успел я сесть около одной группы, как раздался голос Туя:

— Маклай, тамо-русс!

Я подошел к нему и получил на зеленом листе несколько кусков мяса. Услужливый знакомый из Бонгу указал мне, где стоял предназначенный для меня горшок. Я остановился в раздумье перед ним, не особенно довольный перспективой заняться варкой своей порции, — как это делали все гости, — мой знакомый, догадавшись, что мне не хочется варить самому, объявил, что он сделает это для меня, и сейчас же принялся за дело. Он сорвал с соседнего дерева два больших листа и положил их крест-накрест на дно горшка; затем вынул из большой корзины несколько кусков очищенного аяна и положил вниз, а сверху куски свинины. Его сменили двое других туземцев, которые наполняли поочередно все горшки аяном; один стоял с полною корзиной по одну сторону ряда горшков, другой по другую, — и наполняли их, как можно плотнее, аяном. Когда у всех гостей были приготовлены таким образом горшки, жители Горенду, исполнявшие, как хозяева, роль слуг, вооружились большими бамбуками, наполненными морской и пресной водой, и стали разливать воду в каждый горшок. Морской воды они лили, приблизительно, одну треть, доливая две трети пресной. Каждый горшок был прикрыт сперва листом хлебного дерева, а затем «гамбого»; это опять было сделано одним из молодых людей Бонгу, который затем стал разводить огонь под горшками. Все это делалось в большом порядке, как бы по установленному правилу, — то же самое происходило и при разведении громадного костра, на котором должно было вариться кушанье. Костер имел не менее восемнадцати метров длины и метра ши-

рины. Топливо было так хорошо расположено под бревнами, на которых стояли горшки, что пламя скоро вспыхнуло.

Я направился к другим группам. В одной несколько туземцев скребли кокосовый орех, усердно работая своими ярурами. Наскобленный орех назначался для буама, который варился в особенных больших горшках. Около другой группы лежали разные музыкальные инструменты, которые без различия называются папуасами — «ай». Главный «ай» делается из бамбука, метра в два и более длины; бамбук хорошо очищен, и перегородки внутри его уничтожены; один конец этих длинных труб папуасы берут в рот, растягивая губы. Дуя или, вернее, крича в бамбук, они издают пронзительные, протяжные звуки, немного похожие на завывание собак; звук этих труб можно слышать за полмили. Другой инструмент, называемый «орлан-ай», состоит из ручки, к которой прикреплено много шнурков, с нанизанными на них скорлупами «орлана». Держа ручку и потрясая инструментом, туземцы производят такой звук, как будто кто трясет большими деревянными четками. Затем — «монки-ай», пустая скорлупа кокосового ореха с отверстиями наверху и сбоку, которые попеременно закрываются пальцем.

Участники пиршества, отрываясь временами от еды, хватались за какой-нибудь из описанных инструментов и старались показать свое искусство по возможности более оглушительным образом, чтобы превзойти, если можно, все предшествовавшие раздражающие уши звуки.

Я отправился в деревню посмотреть, что там делается.

Женщины все еще чистили аян, по временам отщипывая внутренние слои бамбуковой пластинки, которая служила им ножом, отчего край пластинки снова делался более острым. Что эти туземные ножи режут очень хорошо, я убедился сам, вырезав себе накануне, нечаянно, из пальца кусок мяса.

В деревне было жарко, гораздо меньше тени, чем в лесу. Уставшие от работы женщины стали просить у меня табаку. Так как мужчин нигде не было видно, то женщины были гораздо менее церемонны, чем обыкновенно в присутствии мужей, отцов и братьев.

Я вернулся на площадку, где готовился наш обед. Несколько туземцев из стариков принялись за приготовление «кэу».

Несколько раз в продолжение дня я замечал, что туземцы, обращаясь ко мне, называют меня: «Туй», а Туя — Маклаем. На мое замечание, что я Маклай, а не Туй, один из туземцев объяснил мне, что я так заботился о Туе во время болезни, что исцелил его, и что поэтому Туй готов решительно все делать для меня; мы теперь такие друзья, что Туй называется Маклаем, а Маклай Туем.

Значит и здесь, в Новой Гвинее, существует обычай обмена именами, как и в Полинезии.

От жары, а особенно от оглушительной музыки у меня разболелась голова, и я сказал Туе, что отправлюсь домой. Как раз кушанье в моем горшке поспело, и меня не хотели отпустить, не дав мне его с собою. Его положили в корзину, обложенную внутри свежими листьями хлебного дерева. Моя порция была так велика, что я еле поднял корзину. Я искренно пожалел тех, кому предстояло набить свои желудки даже половиной того, что я отнес домой.

21 февраля

Заперев палками, гвоздями и веревками обе двери моей хижины, и укрепив перед каждой пальмовую ветвь, одним словом, заперев их совершенно так, как делают туземцы, я поднял около двенадцати часов ночи якорь и направился к Били-Били, островку, отстоящему отсюда миль на пятнадцать.

Я рассчитывал добраться туда с попутным береговым ветром и вернуться, пользуясь обыкновенно дующим днем норд-вестом, к вечеру сегодняшнего же дня.

Береговой ветерок, действительно, потащил нас вперед, хотя и медленно. Впрочем, спешить было некуда, перед нами была еще почти вся ночь. К рассвету ветерок посвежел, и мы пошли скорее. Поднявшееся солнце осветило интересную картину гор, которые на этом расстоянии кажутся очень высокими. Я старался рассмотреть расположение хребтов и запомнить, в каких местах можно было с меньшими препятствиями проникнуть вглубь страны. Солнце совсем поднялось, и ветер стал спадать; наступил, наконец, полный утренний штиль перед норд-вестом, который начинает задуть около восьми-деяти, а иногда только десяти часов утра. Пришлось грести, что было довольно утомительно после ночи, проведенной без сна.

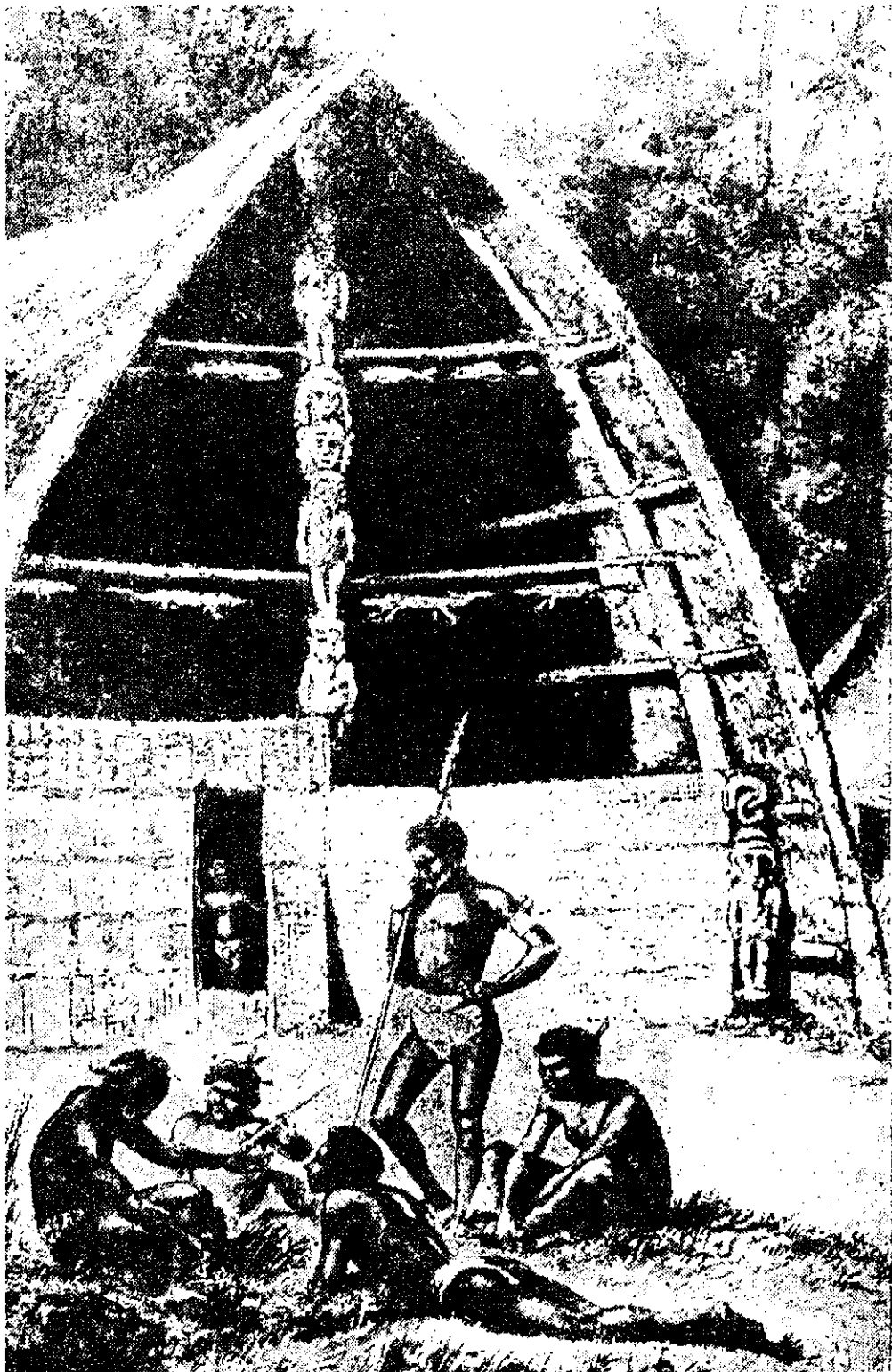
Наконец мы приблизились к юго-восточному берегу островка. Это был поднятый коралловый риф, о который бил прибой. Высыпавшие туземцы, узнав меня, весело бежали по берегу и показывали мне, что следует обогнуть остров. Вскоре открылась и деревня. На песчаный берег были вытащены боль-

шие пироги, и так высоко, что казалось, они стояли в самой деревне. Между ними возвышались высокие крыши хижин, за ними, в свою очередь, высились ряды кокосовых пальм, светлая зелень которых ярко выделялась на темнозеленом фоне остального леса.

Когда мы подошли ближе к песчаному берегу, шлюпка моя была мигом подхвачена десятками рук и скоро вытащена на отлогий берег. Оставив Ульсона в шлюпке при вещах, я отправился в деревню, сопровождаемый почти всем мужским населением. Женщин не было. Желая познакомиться и с женщинами, а главное избавить их от затруднения прятаться при моем приближении, я настоял, чтобы они сами вышли получить подарки, которые я для них приготовил. Каин, один из влиятельных людей деревни, который уже не раз бывал у меня в Гарагасси и знал, что женщины Гумбу, Горенду, Бонгу и других деревень более от меня не прячутся, уговорил и жителей Били-Били не прятать женщин. Тогда на зов мужчин из хижин вылезло несколько старух. Мне объяснили, что большинство женщин на плантациях, на материке, но что они скоро вернутся.

Раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки и бусы, я направился в довольно обширную буамрамру, стоявшую по середине деревни. Четыре угловых столба были вырезаны в виде телумов. Нарисовав их в мой альбом, я обошел всю деревню. Вышел также на противоположный берег острова. Вид оттуда был великолепный, но, к сожалению, все вершины гор были покрыты клубами облаков.

Когда я вернулся в деревню, меня окружили женщины и девушки, только что вернувшиеся с план-

Буамрамра на острове Били-Били.

Видны „телумы“ и изображения ящериц и рыб, подвешенные
к перекладинам хижны

Рисунок О. Фияша

таций. Все они громко просили бус и красных тряпок. У женщин украшений из раковин и собачьих зубов было гораздо больше, чем в деревнях на материке, но зато костюм их был короче и воздушнее. К их поясам по обеим сторонам были привешены украшения из раковин, больших черных и красных зерен. Уши были продырявлены во многих местах.

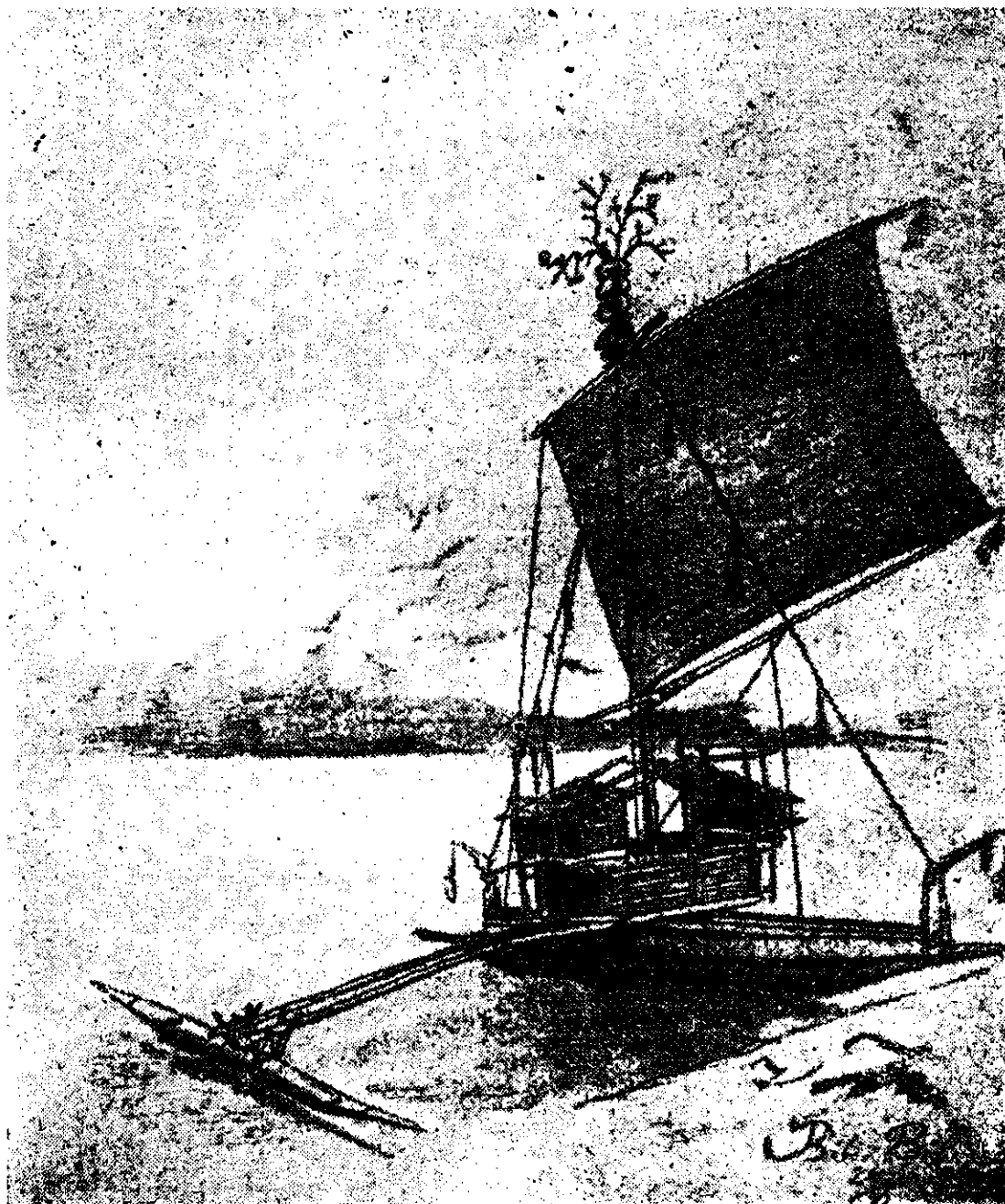
Женщины на островке Били-Били очень деятельны; на них лежит приготовление или выделка горшков, которые развозятся и вымениваются их отцами или мужьями в береговых деревнях.

Перед отъездом я хотел напиться и спросил кокосовых орехов. Мне принесли их несколько, называя их «пиу». Я записал слов пятнадцать или двадцать диалекта Били-Били, который оказался весьма отличным от языка моих соседей, хотя встречаются и одинаковые слова. Многие жители Били-Били знают диалект Бонгу.

Шутя, я сказал, что, может быть, я перееду жить в Били-Били. Эти слова были подхвачены, и жители островка с восторгом (скорее поддельным, чем истинным) стали повторять, что Маклай будет жить в Били-Били, что люди Били-Били лучше, чем люди Бонгу, и т. д. Когда я собрался уезжать, пошел сильный дождь, и я решил остаться ночевать в Били-Били, повидимому, к удовольствию жителей.

Оставить вещи в шлюпке было нельзя, и поэтому я попросил указать мне место, где я мог бы провести ночь. Мне предложили хижину или каюту одной из вытащенных на берег больших пирог.

Эти пироги очень интересны по своему устройству. Сама пирога отличается от малых единственно своими размерами. Длина некоторых из них при-

Большая пирога с острова Били-Били
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

близительно около десяти или двенадцати метров, и они (как и малые) выдолблены из одного толстого ствола; но для того, чтобы пирогу не так легко заливало, к обоим краям выдолбленного ствола «пришито» по длинной планке, или по две, одна на другой. В борту пироги и в планке сделано по отверстию, через которое проходит гибкий, тонкий ствол, связывающий планку с самой пирогой. Щели и промежуток, оставшиеся в отверстиях, законопачиваются разбитой и вымоченной в воде древесиной какого-то дерева. Нос и корма кончаются высокой, иногда выгнутой доской с различной резьбой. На одной стороне пироги находится вынос.¹ На перекладинах выноса находится платформа, на которой, в больших пирогах Били-Били, построена целая хижина, длиной метра в два, шириной в четыре или пять метров. Стены ее сделаны из расколотого бамбука, крыша из сплетенных листьев саговой пальмы. Мачта делит хижину на две части, по обоим сторонам которых находятся два длинных сиденья, где, лежа, могут помещаться двое. Таким образом, считая двух других, которые могут спать на полу, в хижине могут разместиться на ночь или на случай непогоды до восьми человек. Стены верхней половины хижины разборные, и даже крыша может быть разобрана в очень короткое время. Вообще все в пироге прилажено очень удобно. У самой мачты, на высоте сиденья, укреплен плоский ящик, наполнен-

---

¹ «Вынос» — это бревно, прикрепленное длинными перекладинами к пироге для того, чтобы она была более устойчива при плавании в море во время волнения. Сооружение это может быть названо также «балансиром». *Ред.*

ный землей, в котором, в случае надобности, можно разложить огонь совершенно безопасно.

Я нашел предложенное мне помещение очень удобным, и мне тотчас же пришла мысль воспользоваться современным подобной большой пирогой для посещения деревень вдоль берега.

Каин, хозяин пироги, мой хороший приятель, принес скоро большой табир с дымящимся саго и наскобленным кокосовым орехом. Перед заходом солнца дождь перестал, и я обошел еще раз деревню. В углу одной хижины я нашел череп крокодила. Меня уверяют, что в море очень много крокодилов.

Били-Били славится по этому берегу Новой Гвинеи производством горшков. Выделкой горшков занимается почти каждая семья, и у каждой хижины под крышей стоят ряды готовых и полуготовых горшков. Выделывание горшков, как я уже говорил, падает на долю женщин; я проследил весь процесс, начиная от смешивания глины с мелким песком до обжигания готовых горшков.

Орудия, употребляемые при выделке горшков, ограничиваются двумя или тремя дощечками и парой круглых, немного приплюснутых с обеих сторон камней. Сперва, с помощью плоской палочки, делается из глины верхний ободок горшка, который оставляется сушиться на солнце. Когда он немного отвердеет, к нему постепенно прилепляются по кускам остальные стенки. Правильная форма горшку придается тем, что, держа горшок на коленях, женщина просовывает левую руку с круглым или плоским камнем в горшок, подставляя его к внутренней поверхности стенки, а правой рукой ударяет до-

щечкой по соответственному месту на внешней стороне. При этом выравнивается как поверхность, так и толщина горшка. Когда горшок готов, его сперва сушат на солнце, а потом обжигают на слое хвороста и обкладывают листьями, тонкими прутьями и т. п. Положив горшки в несколько рядов один на другой и обложив всю кучу мелким, легким хворостом, поджигают костер. Все горшки приблизительно одной формы, хотя разной величины. Украшений на них мало: иногда ряд точек вокруг горла или нечто вроде звезды; иногда те же украшения выдавлены ногтем.

При заходе солнца я сделал снова прогулку вокруг острова. Я уже чувствовал себя в Били-Били как дома и познакомился со многими тропинками и закоулками островка. Вид высоких гор, открытое море, красивые деревья вокруг и даже однообразный, убаюкивающий гул прибоя — мне так понравились, что мысль переселиться сюда, которую я высказал туземцам шутя, показалась мне довольно подходящей. Я даже отыскал два уголка, куда я мог бы поставить свою хижину, и не знал, которому отдать предпочтение. Одно мешает: островок мал, а людей много, — пожалуй, будет тесно.

Когда я отправился гулять, мне понравилось, что никто из туземцев не побежал за мною поглядеть, куда я иду, никто не спросил, куда и зачем я отправляюсь. Все были заняты своим делом. Мои соседи на материке гораздо любопытнее или, может быть, подозрительнее. Здесь зато люди гораздо разговорчивее и любознательнее.

Место жительства туземцев на небольшом островке повлияло значительно на характер их занятий.

Лепка горшков на острове Били-Били
Рисунок О. Финша

Не имея достаточно места на острове для земледелия, они получают все главные съестные припасы из соседних береговых деревень, сами же занимаются ремеслами: горшечным производством, выделыванием деревянной посуды, постройкой пирога и т. п.

Когда я возвращался в деревню, меня остановили у одной хижины. Хозяин пожелал поднести мне подарок и, схватив какую-то собаку за задние лапы, ударил ее с размаха головой о дерево. Размозжив несчастному псу голову, он положил его к моим ногам. Он это сделал так скоро, что я не успел его остановить. Не желая обидеть дарящего, я принял подарок, но попросил, чтобы хозяин сам приготовил, сварил или изжарил собаку. Когда мне подали целый табир с кусками вареного собачьего мяса, я роздал обступившим меня туземцам по кусочку, оставив большую порцию Каину, небольшую Ульсону и маленькую себе.

Перед тем, как стало темнеть, все население островка, мужское и женское, было налицо. Была также масса детей, многим из коих родители хотели дать имя Маклай, на что, однако ж, я не согласился.

22 февраля

Проспав отлично ночь, я отправился на восточный берег островка посмотреть на вершины гор Мана-Боро-Боро, как называют туземцы горы Финистер. При восходе солнца горы видны ясно; к семи-восьми часам утра собираются облака и ложатся на вершины до вечера. Сегодня утро было великолепное, и два горных прохода в береговой цепи около деревни Мале и около деревни Богатим так и манили возможностью пробраться во внутрь страны.

Я так замечтался, что не заметил, как около меня расположилась целая группа туземцев и молча следила за мною. Подошел также и Каин, которому я сказал, что, поев его саго, я отправлюсь домой, как только ветер будет посильнее. В ожидании саго и ветра, я занялся записыванием слов наречия Били-Били.

На лицах туземцев я мог заметить желание, чтобы я убрался поскорее, желание, которое они хорошо скрывали под личиною любезности. Чувство это я нашел вполне естественным, может быть, потому, что и сам испытывал его нередко. Эти люди привыкли быть одни; всякое посещение, особенно такого чужестранного зверя, как я, было для них хотя сперва и интересно, но потом утомительно, и желание избавиться от него, отдохнуть — вполне естественно.

Поэтому, как только подул слабый ветерок, я подал знак, и человек тридцать проворно стащили в воду мою шляпку. Я поднял флаг, который жителям очень понравился, что они и выразили громким «ай!» — и медленно стал подвигаться домой, сопровождаемый прощальными криками жителей и обещаниями скоро навестить меня. Главной причиной этого желания было то, что ребенок из Кар-Кара с большими ранами на ногах, отцу которого я дал свинцовую мазь, очень поправился, и поэтому множество больных Били-Били пристали с просьбами помочь и им, но я не взял с собою никаких лекарств.

К двум часам пополудни мы были уже в виду мыса Гарагасси. Не без чувства ожидания и любопытства поднялся я к своей хижине, которую в пер-

вый раз оставил так надолго без присмотра. Все, однако, оказалось целым, и не успел я распутать веревки у дверей, как один за другим явилось человек двадцать или более, которые с удивленными физиономиями спрашивали, где я был, и на мой ответ: «в Били-Били», — сказали, что думали, что я отправился в Россию.

23 февраля

Выйдя утром на веранду, я увидел на моем столе медленно и красиво извивавшуюся змею. Уловив момент, я схватил ее за шею, у самой головы и, опустив ее в банку со спиртом, держал до тех пор, пока она, наглотавшись спирту, не опустилась бессильно на дно банки.

Между кокосами, которые я привез из Били-Били, было много уже пустивших ростки. Выбрав несколько из них, я посадил их перед домом. По этому случаю я спросил Туя о кокосовых пальмах Горенду: принадлежат ли они всей деревне или же отдельным лицам? Туй сообщил мне, что в Горенду есть кокосовые пальмы, принадлежащие отдельным лицам, а другие всей деревне. Так же и большие хижины: есть буамрамры, принадлежащие отдельным лицам, и другие, принадлежащие всей деревне.

Вечер был очень темен и тих. Я долго оставался у берега, сидя на стволе большого, свесившегося над водой дерева. Поверхность моря была очень покойна, и, следя за движением тысяч светящихся животных в море, я наблюдал, как движутся они самостоятельно и каждое с различной скоростью.

24 февраля

Опять хозяйственные занятия. Белые бобы начинают портиться. Пришлось сушить их на солнце, причем сотни толстых червей выползли на подложенный холст.

Становлюсь немного папуасом; сегодня утром во время прогулки почувствовал голод и, увидев большого краба, поймал его и съел сырого, то есть съел, что можно было в нем съесть.

Март 1872 года

Черный какаду. — Прогулка в окрестности Горенду. — Экскурсия в горную деревню Теньгум-Мана.

2 марта

Встал с сильнейшей головной болью: малейший шум был для меня несносен. Вдруг на большом дереве, к которому прислоняется моя хижина, раздался громкий, резкий, неприятный крик черного какаду, этой специально новогвинейской птицы. Я подождал несколько минут, надеясь, что он улетит. Наконец, не вытерпел и вышел с ружьем из хижины. Птица сидела почти прямо над головой, на высоте, по крайней мере, ста футов, и кричала. Ружье было заряжено очень мелкой дробью, так что при такой высоте и густой зелени кругом я сомневался в эффекте выстрела, но все-таки выстрелил, чтобы, по крайней мере, спугнуть птицу и избавиться от ее несносного крика. Стрелял я, почти не целясь, тем не менее птица с пронзительным криком, сделав несколько кругов, упала у самого ствола дерева. Неожиданная редкая добыча заставила меня на время позабыть головную боль и приняться за препарирование какаду. Расстояние между концами растянутых крыльев было более метра.

Черный какаду

К двенадцати часам головная боль так одолела меня, что я принужден был бросить работу и пролежал, почти не двигаясь, без еды до следующего утра.

5 марта

Туземцы настолько привыкли ко мне и настолько убеждены, что я не причиню им зла, что я перестал стесняться относительно употребления огнестрельного оружия. Хожу почти каждое утро в лес за свежей провизией. Я не пренебрегаю при этом мясом попугаев, какаду и других. Пробовал на-днях даже мясо серого ворона, скелет которого я отпрепарировал.

Туземцы очень боятся выстрелов; несколько раз они просили не стрелять близ деревень, но вместе с тем очень довольны, когда я им дарю перья убитых птиц, которыми они украшают свои гребни.

Сегодня с восходом солнца мы отправились с Туем в дальнюю прогулку. Поднялись сперва на Горенду-Мана (около 300 футов вышины) и прошли лесом на юго-восток. Хребет невысокого кряжа был покрыт не густым, но высоким лесом, и, раз взобравшись туда, идти было удобно. Птиц почти не было, даже крика их нигде не было слышно. Пройдя около часа, мы вышли из леса к другому склону хребта, покрытому высоким унаном. Отсюда открылась красивая, обширная панорама холмов и гор, покрытых темным лесом, между которым в немногих местах проглядывали светлозеленые лужайки. На дальних высоких вершинах клубились уже облака.

Туй не дал мне долго любоваться видом и стал

быстро спускаться по крутому скату, держась за унан и почти исчезая в нем. Мы сошли к болоту, где высокая трава сменилась тростником и папоротниками. Послышалось далекое журчанье. Туй объяснил мне, что мы приближаемся к большой воде (реке).

Снова вошли в лес. Изрытая то тут, то там земля указывала на частое посещение этой местности дикими свиньями. Шум воды становился все сильнее. Деревья стали редеть. Мы выходили к опушке леса, когда на одном из деревьев я заметил несколько вырезанных фигур. Они меня заинтересовали, и я их срисовал. Туй объяснил, что, вероятно, кто-нибудь из людей Теньгум или Енглам-Мана вырубил их топором.

Мы подошли к реке. На значительном протяжении она отделяет низкий береговой хребет от более высокого внутреннего, течет с юга на север и наконец впадает около Гумбу в море. Русло реки очень широкое, но в это время года оно было пересошим; несколько отдельных рукавов различной ширины образовали множество островков, покрытых крупным булыжником. Ложе реки было в этом месте шире Невы против Петропавловской крепости, и я насчитал не менее пяти рукавов, которые надо было перейти, чтобы попасть на другой берег. В средних рукавах вода бежит очень стремительно. Не желая мочить обувь, я снял башмаки, но это оказалось ошибкой. Итти по мелкому булыжнику было очень трудно. Течение было здесь очень сильное, и только благодаря копьё Туя, которое он мне подал, я перешел благополучно на одну из отмелей. Перейти через четыре остальных рукава мы не рискнули.

Туй попробовал было, но в нескольких шагах от берега погрузился выше пояса в воду. Итти дальше было невозможно. При такой глубине реки и силе течения я не мог бы без чужой помощи добраться до противоположного берега. Плавать я не умею. На силы Туя, не совсем еще поправившегося от раны, я не мог положиться. Уже при переходе в брод через первый рукав крупные голыши (больше куриного яйца), которые неслись по течению, бомбардировали ноги. В средних, более широких и глубоких рукавах камни были больше и могли бы, пожалуй, сшибить человека с ног.

Булыжники островка, на который мы перешли, были очень крупны (некоторые величиной с детскую голову), что свидетельствовало о силе течения во время дождей. Толстые стволы деревьев, лежавшие там и сям на островках, тоже доказывали, что при дождях воды в реке должно быть очень много. Туй сказал, что в реке много рыбы и что люди Горенду и Бонгу приходят иногда ее ловить.

Я не хотёл возвращаться старой дорогой. Поэтому мы влезли на крутой холм, цепляясь за корни. На вершине опять оказался унан и опять жара от палящего солнца. Снова сошли вниз к реке и опять поднялись по отлогому скату холма, покрытого лесом. Здесь, думал Туй, будет хорошая охота на птиц. Но их нигде кругом не было ни видно, ни слышно. Мы очень проголодались и решили итти домой. Туй попросил подождать, говоря, что он хочет вырезать неподалеку несколько бамбуков. Я согласился. Прождав полчаса, я стал его звать, — ответа нет. — Пустил в ход свисток — молчание. Прождав еще четверть часа, я понял, что Туй преспо-

койно отправился домой. Мне оставалось только последовать его примеру.

Надо было пройти сперва широкий луг унана. Не найдя настоящей тропы, я стал прокладывать себе путь сам, что оказалось очень трудно. Жесткий, густой, выше человеческого роста унан представлял упругую массу, раздвинуть которую руками или ногами подчас оказывалось мне не под силу. Чтобы двигаться дальше, я придумал средство, которое увенчалось успехом. Я во весь рост ложился на унан, который под тяжестью моего тела медленно спускался, тогда я вставал и мог идти дальше, чтобы через несколько шагов повторить придуманный маневр. Трава была выше моего роста, и только при помощи компаса я мог идти по направлению к дому, а не блуждать по сторонам. Раз пять я отдыхал; так трудно было прокладывать себе дорогу по этому зеленому морю. Отвесные лучи солнца, пустой желудок, вся охотничья сбруя — вызвали у меня даже опасение солнечного удара. Несколько раз я чувствовал головокружение. Наконец я добрался до леса, но и здесь долго пришлось искать тропинку в Гарагасси.

18 марта

Приготовил скелеты серого ворона и красного попугая. Окончив работу, из обрезанных мускулов срубил себе котлету, которую сам изжарил, так как Ульсон был занят стиркой белья. Котлета оказалась очень вкусной. Погода хороша: в тени не более 31° Ц, что здесь вообще бывает не часто.

Когда стемнело, туземцы из Горенду приехали ловить рыбу перед моей хижиной, на что они сперва

пришли спросить позволения. Туй и Бугай остались посидеть и покурить около меня, отправив молодежь на ловлю рыбы. По их просьбе Ульсон спел им шведскую песню, которая им очень понравилась.

Ловля рыбы с огнем очень живописна, и я долго любовался освещением и сценой ловли. В левой руке ловец держит факел, которым размахивает по воздуху, как только он начинает гаснуть; правой держит и бросает юр; на правой ноге он стоит, тогда как левой, по временам, снимает рыб с юра. Когда ловля кончилась, мне поднесли несколько рыбок.

19 марта

Я измерил рис и бобы на следующие пять месяцев; порции оказались очень небольшими, но все-таки, имея этот запас, приятно чувствовать себя независимым от туземцев. К тому же ружье доставляет мне ежедневно свежую провизию, так что с этой стороны наша жизнь вполне обеспечена.

Последние недели я замечаю изменение погоды: норд-вест, иногда очень свежий, дувший последние месяцы в продолжение дня, заменился тихим ветерком, и часто, даже днем, наступают штили. В марте выпало меньше дождя, чем в предыдущие месяцы, но часто по ночам собираются черные тучи.

По деревням я замечаю тоже недостаток провизии.

21 марта

Ночью была великолепнейшая гроза. Непрерывная молния ярко освещала деревья, море и тучи. Почти одновременно слышались раскаты грома вдали и грохот его над самой головой. Молнии поло-

жительно ослепляли, так что самый дальний горизонт был так же ясен, как днем. В то же время меня трясла сильная лихорадка. Холод и сырость врывались с ветром в двери и щели. Как раз над головой в крыше была небольшая течь, и не успевал я немного успокоиться, как тонкая струйка или крупная капля дождя падала на лицо. Каждый порыв ветра мог сорвать толстые сухие лианы, все еще висевшие над крышей. Если бы это случилось, неминуемо свалились бы тяжелые ящики, лежавшие на чердаке надо мной.

Отчаявшись заснуть при всех этих условиях, я принял небольшую дозу морфия и скоро уснул.

22 марта

После обеда отправился в Бонгу достать проводников для экскурсии в Теньгум-Мана. Я воспользовался отливом, чтобы дойти туда засухо.

По обыкновению, по приходе гостя, туземцы готовят ему угощение. Сегодня угощение вышло не особенно удачным; вместо аяна сварили «бау», а саго имело сильный запах плесени.

Я сидел у костра; тут же несколько женщин занимались приготовлением ужина, и я удивлялся ловкости, с какой они чистили овощи своими первобытными инструментами: обломком раковины и бамбуковым ножом. Одна женщина пробовала чистить «бау» ножом, данным мною ее мужу; но она владела им гораздо хуже, чем своими инструментами. Она беспрестанно резала слишком глубоко, вероятно потому, что, работая раковиной или бамбуком, она привыкла прилагать гораздо больше силы, чем это требовалось для европейского ножа. Мне

показали сегодня в первый раз род бобов («могар»), который туземцы поджаривают, как мы, например, жарим кофе.

У одной женщины на руках был грудной ребенок, который вдруг раскричался. Я невольно нахмурился, и это испугало женщину. Она моментально поднялась и удалилась в хижину. Ребенок не переставал, однако, и там реветь. Женщина вышла снова из хижины, положила ребенка в большой мешок, который повесила себе на спину, так, что ляжка охватывала лоб. Нагнув голову, чтобы сохранить равновесие, она принялась быстро бегать взад и вперед между хижинами. Ребенок скоро умолк.

Мой ужин был готов; меня повели в буамрамру и пригласили сесть на нары, потом передо мной поставили табир с дымящимся бау и аусем. У папуасов обычай оставлять гостя одного во время еды или только сидеть против него и прислуживать ему; хозяин при этом ничего не ест, а только прислуживает, другие же все отворачиваются или уходят на время.

Я нашел себе двух проводников, и еще третий, по собственному желанию, присоединился к нам.

Когда я собрался идти домой, почти совсем стемнело. В лесу царствовала полная темнота. Ощупью я пробрался по узкой тропинке и дошел только до Горенду. Жители Горенду были крайне удивлены моему позднему приходу. Несколько человек сидели около своих хижин и в темноте перекидывались изредка словами; только в буамрамре горел костер и варился ужин для гостя из Гумбу. Мне также предложили ужинать; я отказался и попросил только горящее полено, чтобы добраться до дому. Мне хо-

тели дать проводника, но я отказался, полагая, что мне следует привыкать быть в некоторых отношениях папуасом.

Я отправился с пылающим поленом в руках, но огонь скоро погас, а зажечь его снова я не сумел. Тлеющий конец мне вовсе не помогал, и я бросил полено на полдороге. Несколько раз я сбивался с тропинки, по которой днем проходил много сотен раз, натыкался на пни и сучья и раза два усомнился, дойду ли я в этой темноте до дому. Я уже примирился с мыслью переночевать в лесу, но все же подвигался вперед и, наконец, добрался до дому. Судивлением убедился, что пришел с целыми глазами и неоцарапанным лицом.

26 марта

Теньгум-Мана — горная деревня, лежащая за рекой Габенеу, особенно интересует меня. Это одна из самых высоких деревень горного хребта Мана-Боро-Боро. Хотя многих жителей горных деревень я не раз уже видел у себя в Гарагасси, мне хотелось посмотреть, как они живут у себя.

Оставив Ульсона в Гарагасси, я взвалил на плечи небольшой ранец, с которым, еще будучи студентом в Гейдельберге и Иене, я бродил по Германии и Швейцарии. Захватив с собой легкое одеяло, я направился в Бонгу. Дорогой, однако, ноша моя оказалась слишком тяжелой, и в Горенду я отобрал некоторые вещи, свернул их в пакет и передал Дигу, который охотно взялся нести мои вещи. Прилив был еще высок; пришлось разуться и идти по колена в воде.

Солнце садилось, когда я вошел в Бонгу. Боль-

шинство жителей собиралось на рыбную ловлю, но многие, по случаю моего прихода, остались, чтобы приготовить мне ужин. Совсем стемнело, но папуасы и не думали зажигать других костров, кроме тех, которые были необходимы для приготовления ужина, да и эти не горели, а догорали. Наскучив сидеть впотьмах, я пошел к морю посмотреть на рыбную ловлю. Один из туземцев зажег пук кокосовых листьев, и при свете этого факела мы пришли к берегу, где дюжина ярких огней пылала на пирогах, и отражение их, двигаясь по воде, освещало пену прибоя.

Весь северный горизонт был покрыт темными тучами. Над Кар-Каром беспрестанно сверкала молния и, по временам, слышался далекий гром.

Я присоединился к группе сидевших на берегу, на стволе выброшенного прибоем большого дерева. Пироги одна за другой стали приставать к берегу, и рыбаки приступили к разборке добычи. Мальчики стояли у пирог, держа факелы, между тем как взрослые раскладывали в кучки улов. Как всегда, каждый рыбак принес мне по несколько рыбок, и один из них, когда мы вернулись в деревню, испек их для меня в горячей золе.

Когда я отправился в буамрамру, где должен был провести ночь, меня сопровождали человек пять туземцев, которым было любопытно видеть, как я лягу спать. Лако, хозяин хижины, сидел у ярко горевшего костра и занимался печением рыбы. Внутренность довольно обширной хижины производила, при ярком освещении, странное впечатление своей пустотой. По середине помещался костер, у правой стены — длинные нары; на широкой полке вдоль

левой стороны хижины лежало несколько кокосов, над нарами висели два-три копья, лук и стрелы. От конька крыши опускалась веревка, за четыре конца которой была привязана небольшая бамбуковая корзина. В ней лежали завернутые в зеленые листья вареные съестные припасы. Вот и все, что находилось в хижине, вся движимая собственность Лако, как, впрочем, и большинства папуасов.

Я приготовил себе постель, разостлал одеяло на длинных нарах, подложил под голову ранец и надул резиновую подушку, к величайшему удивлению туземцев. Человек шесть туземцев следили молча, но, видимо, с большим интересом, за каждым моим движением. Когда я закрыл глаза, они присели к костру и стали шептаться, чтобы не мешать мне. Я очень скоро заснул.

27 марта

Проснулся ночью, разбуженный каким-то толчком. Это Лако, спавший на противоположном конце нарах, соскочил с них, чтобы поправить тухнувший костер; повидимому, ему стало холодно, так как ночной ветерок пробирался через многочисленные щели хижины.

Лако не удовольствовался тем, что раздул костер и подложил дров; он разложил еще другой костер под нарами, под тем местом, где лежал, так что теплый дым, проходя между расколотым бамбуком, согревал одну сторону его непокрытого тела. Я нашел, что мое войлочное одеяло было не лишним удобством; ночь была действительно прохладная. Несколько раз сквозь сон слышал, как Лако вставал, чтобы поправить огонь; по временам бу-

дил меня также крик детей, раздававшийся из ближайших хижин. Крик петуха и голос Лако, разговаривавшего с соседом, окончательно разбудили меня. Я встал и оделся. Не найдя ни у хозяина, ни у соседей достаточно воды, чтобы умыться, я отправился к ручью. Было еще совсем темно, и я с горячей головней в руках принужден был искать дорогу к берегу моря, куда впадал ручей.

Над Кар-Каром лежали темные массы облаков, из которых сверкала частая молния; восточный горизонт начинал только что бледнеть.

Умывшись у ручья, я вернулся в деревню и занялся приготовлением чая. Процесс этот очень удивил Лако и пришедших с утренним визитом папуасов; все стали хохотать, увидя, что я пью горячую воду и что она может быть «инги» (кушанье, еда) для Маклая. Покончив с чаем и выйдя из хижины, я был неприятно удивлен тем, что еще продолжается темнота, хотя я уже около часа был на ногах. Я решил снова лечь и дождаться дня. Проснулся, когда уже совсем рассвело, и стал собираться в путь. Оказалось затруднение. Люди Бонгу не желали ночевать в Теньгум-Мана, между тем как я хотел провести там ночь. Я решил отпустить людей Бонгу по приходе в деревню сегодня же и вернуться завтра с людьми Теньгум-Мана. Дело уладилось, и, вместо двух, со мной отправилось семь человек.

Перейдя чрез береговой хребет (около 400 футов), мы спустились к речке Габенеу. Спуск был очень крут; тропинка шла без всяких зигзагов прямо вниз. Я спустился благополучно только благодаря копью, которое взял у одного из спутников.

Наш караван остановился у берега реки, мутные

воды которой шумно неслись, стуча камнями, катившимися по дну. Я разделся, оставшись в одной рубашке, башмаках, которые принес для этой цели, и шляпе, и сошел в реку. Вода показалась мне очень холодной (хотя термометр показывал 22° Ц) и доходила мне выше груди, а в одном месте до плеч. Камни бомбардировали ноги, но течение могло нести только небольшую гальку, которая не в состоянии была сбить человека с ног.

Перейдя на другой берег, я уже хотел одеться, когда мне сказали, что нам придется перейти еще через один рукав, и я остался в своем легком, хотя и не совсем удобном костюме. Солнце очень пекло мои голые и мокрые ноги; вместо того, чтобы взобраться на правый берег, мы пошли вверх по руслу реки, по каменистым отмелям, переходя десятков раз рукава реки, вода которой была во многих местах выше пояса. Мы шли таким образом около двух часов под палящим солнцем.

Оба берега реки были высоки, покрыты лесом и в некоторых местах обрывисты. Можно было видеть залегающие пласты серо-черного глинистого сланца. У большого ствола саговой пальмы, принесенной сюда, вероятно, в последнюю высокую воду, Лако сказал мне, что здесь я могу одеться, так как более в воде не придется идти. Пока я одевался, туземцы курили, жевали бетель и разглядывали мои башмаки, носки, шляпу, причем делали насмешливые замечания.

На пне, где мы сидели, я заметил несколько фигур, вырубленных топором и похожих на те, которые я видел во время последней экскурсии к реке.

На правом берегу, в месте, где я менее всего

ожидал тропинки, мне указали узкую тропу вверх. Взобраться можно было только с помощью корней и ветвей. Дорога была очень крута, и я несколько раз принужден был отдыхать. Наконец, пройдя обширную плантацию сахарного тростника и бананов, мы достигли вершины.

Я думал, что сейчас покажется деревня, но ошибся, — пришлось идти дальше. В ответ на крик моих спутников слышалось несколько голосов, а затем, немного спустя, показались несколько жителей деревни, из которых, однако, многие бросились назад, увидав меня. Многих усилий и крику стоило моим спутникам вернуть их; боязливо приблизились они снова, но когда я протянул одному из них руку, он опять стремглав бросился в кусты. Было смешно видеть, как эти здоровенные люди дрожали, подавая мне руку, и быстро пятились назад, не смея взглянуть на меня и смотря в сторону. После этой церемонии мы отправились в деревню: я впереди, а за мною гуськом человек двадцать пять.

Мое появление в деревне произвело то же действие панического страха: мужчины убегали, женщины быстро прятались в хижины, закрывая за собою двери, дети кричали, а собаки, поджав хвосты и отбежав в сторону, начинали выть. Не обращая внимания на весь этот переполох, я присел, и скоро убежавшие жители стали показываться один за другим снова из-за углов хижин. Мое знакомство с наречием Бонгу здесь не пригодилось, и только при помощи переводчика я смог объяснить, что намереваюсь остаться ночевать в деревне, и попросить, чтобы мне указали хижину, где я мог бы провести ночь. Я сказал также, что желал бы достать, в обмен

на ножи, один экземпляр «маба» (кускуса) и «дюги» (казуара).

После некоторых прений меня привели в просторную хижину, и, оставив там вещи, я отправился, сопровождаемый толпой туземцев, осмотреть деревню. Она была расположена на самом хребте. Посредине тянулась довольно широкая улица; с обеих

Общественная хижина в деревне Теньгум-Мана
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

сторон ее стояли хижины, за которыми спускались вниз крутые скаты, покрытые густою зеленью. Между хижинами и за ними поднимались многочисленные кокосовые пальмы; по скату ниже были насажены арековые пальмы, которые здесь растут в изобилии, к великой зависти всех соседних деревень.

Большинство хижин было значительно меньших размеров, чем в прибрежных деревнях. Все они были построены на один лад: имели овальное основание и состояли почти что из одной крыши; стен по сто-

ронам почти не было видно. Перед маленькой дверью была полукруглая площадка под такой же крышей, которая опиралась на две стойки. На этой площадке сидели, ели и работали женщины, защищенные от солнца. Вскоре прибежали два мальчика с известием, что для нас готово «инги». За ними следовала процессия: четыре туземца, каждый с табиром; в первом находился наскобленный кокосовый орех, смоченный кокосовой водой, в трех остальных — вареный бау. Все четыре табира были поставлены у моих ног. Взяв по небольшой порции «монки-ля» и вареного таро, я отдал все остальное моим спутникам, которые жадно принялись есть.

Мне принесли несколько сломанных черепов маба, но не оказалось ни одного черепа казуара. По всему было видно, что здешние жители не занимаются правильной охотой, а убивают этих животных при случае.

Мои спутники между тем наговорили так много страшного обо мне, — что я могу жечь воду, убивать огнем, что люди могут заболеть от моего взгляда и т. д., — что, кажется, жителям Теньгум-Мана стало страшно оставаться в деревне. Они серьезно спрашивали людей Бонгу, не лучше ли им уйти, пока я у них в деревне. Я очень негодовал на моих спутников за такое застращивание горных жителей моей личностью, не догадываясь тогда, что это было сделано с целью установить мою репутацию, как очень опасного или очень мощного человека. Они это делали, как я потом понял, для своей же пользы, выставляя меня, как своего друга и покровителя.

Мне так надоели вопросы: останусь ли я в Тень-

гум-Мана или вернусь домой, что я повторил свое решение — остаться, лег на нары под полукруглым навесом хижины и заснул. Прошло больше часа. Сквозь сон я слышал прощанье туземцев Бонгу с жителями Теньгум-Мана.

Отдохнув от утренней ходьбы, я пошел погулять по окрестностям деревни, разумеется, сопровождаемый целой свитой туземцев. Пять минут ходьбы по тропинке привели нас к возвышенности, откуда слышались голоса. Взбираясь туда, я увидел крыши, окруженные кокосовыми пальмами. Это была вторая площадка деревни; выше ее была еще третья, — самая высокая точка в Теньгум-Мана; вид оттуда был очень обширный, но его отчасти закрывала растительность. На северо-востоке вдали простиралось море, на востоке, отделенная глубокою долиной, возвышалась гора Энглам-Мана, на западе, за рядом холмов, виднелось каменистое ложе реки Коли, на юго-западе тянулся лабиринт гор. Расспросы о них убедили меня, что только Энглам-Мана заселена, а все другие горы совершенно необитаемы, туда никто не ходит, и там нет нигде тропинок.

Возвращаясь, я обратил внимание на хижины. Перед входом многих из них висели кости, перья, сломанные черепа собак, кускусов, а у некоторых хижин — человеческие черепа.

В одном месте, поперек площадки, на растянутой между двумя деревьями веревке висел ряд пустых корзин, свидетельствовавших о подарках, полученных жителями Теньгум-Мана из других деревень.

Обед и ужин, который мне подали, состояли снова из вареного бау, бананов и наскобленного

кокосового ореха. Один из туземцев, знавший немного диалект Бонгу, взялся быть моим переводчиком и не отходил все время от меня; заметив, что принесенный бау так горяч, что я не могу его есть, он счел обязанностью своими не особенно чистыми руками брать каждый кусок и дуть на него. Поэтому я поспешил взять табир из-под его опеки. Это, однако, не помешало ему следить пристально за всеми моими движениями. Заметив волосок на куске бау, который я только-что подносил к рту, туземец поспешно полез своей рукой, снял его и, с торжеством показав мне, бросил...

Чистотой здешние папуасы, сравнительно с береговыми, не могут похвастаться. Это отчасти объясняется недостатком воды, которую им приходится приносить из реки по неудобной горной лесной тропе.

Когда я спросил воды, мне вылили из бамбука, после долгого совещания, — такую грязную бурду, что я отказался даже пробовать ее.

Около шести часов облака опустились и закрыли заходящее солнце: стало сыро и холодно, и скоро совершенно стемнело. При тлеющих угольях костров едва-едва можно было разглядеть фигуры, сидевшие в двух шагах. Я спросил огня. Мой переводчик понял, должно быть, что я не желаю сидеть в темноте, и, принеся целый ворох сухих пальмовых листьев, зажег их. Яркое пламя осветило сидящую против меня группу туземцев, которые молча курили и жевали бетель.

Среди них около огня сидел туземец, по имени Минем, которого я уже и прежде заметил; он кричал и командовал больше всех, и его слушались; он

также вел преимущественно разговор с жителями Бонгу и хлопотал около кушанья. Никакими внешними украшениями он не отличался от прочих, но

Папуас из деревни Теньгум-Мана
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

манера его командовать и кричать заставила меня предположить, что он главное лицо в Теньгум-Мана, и я не ошибся.

Такие субъекты, род начальников, встречаются во всех деревнях; насколько мне известно, они не имеют особенного названия; им часто принадлежат большие буамрамры, и около них обыкновенно группируется известное число туземцев, исполняющих их приказания.

28 марта

Толпа перед хижиной, в которой я лежал, еще долго не расходилась; туземцы долго о чем-то рассуждали. Особенно много говорил Минем, которого я принял за начальника.

Только я стал засыпать, как крик свиньи разбудил меня. Несколько зажженных бамбуков освещали группу туземцев, которые привязывали к длинной палке довольно большую свинью, назначенную для меня. С первыми лучами солнца я встал и обошел снова всю деревню для сбора черепов кускуса и всего, что могло попасться интересного.

После завтрака я дал нести мои вещи трем туземцам и вышел из-под навеса хижины. На площадке стояло и сидело все население деревни, образуя полукруг: посредине стояли двое туземцев, держа на плечах длинный бамбук с привешенной к нему свиньей.

Как только я вышел, Минем, держа в руках зеленую ветку, подошел торжественно к свинье и проговорил, при общем молчании, речь, из которой я понял, что эта свинья дается жителями Теньгум-Мана в подарок Маклаю, что люди этой деревни снесут свинью в дом Маклая, что там Маклай ее заколет копьем, что свинья будет кричать, а потом умрет, что Маклай развяжет ее, опалит волосы, раз-

режет ее и съест. Кончив речь, Минем заткнул зеленую ветвь за лианы, которыми свинья была привязана к палке.

Все хранили молчание и ждали чего-то. Я понял, что ждали моего ответа. Я подошел тогда к свинье и, собрав все мое знание папуасского языка, ответил Минему, причем с удовольствием убедился в том, что меня понимают и довольны моими словами.

Я сказал, что пришел в Теньгум-Мана не за свиньей, а чтобы видеть людей, их хижины и гору Теньгум-Мана, что хочу достать по экземпляру «маба» и «дюги», за которых я готов дать по хорошему ножу (общее одобрение с прибавлением слова «эси»), что за свинью я также дам в Гарагасси то, что и другим давал, т. е. «гануй» (зеркало) — (общее одобрение), что когда буду есть свинью, то скажу, что люди Теньгум-Мана хорошие люди, что если кто из людей Теньгум-Мана придет в таль Маклай, то получит табак, маль (красные тряпки), гвозди и бутылки; что если люди Теньгум-Мана хороши, то и Маклай будет хорош (общее удовольствие и крики: Маклай хорош и тамо Теньгум-Мана хороши).

После рукопожатий и криков «еме-ме» я поспешил выйти из деревни, так как солнце уже поднялось высоко.

Проходя мимо последней хижины, я увидел небольшую девочку, которая вертела в руках связанный концами шнурок. Остановившись, я посмотрел, что она делает; она с самодовольной улыбкой повторяла свои фокусы со шнурком. Это те же самые фокусы, какими занимаются иногда и дети в Европе. Но у здешних детей в игре участвуют не только пальцы рук, но и пальцы ног.

Сходя с возвышенности, я обернулся и был удивлен многочисленности проводников. Все они были вооружены копьями, луками и стрелами. Многие несли с собою дымящиеся поленья. Повидимому, и им до сих пор неизвестен способ скорого добывания огня.

Они повели меня другой дорогой, а не той, которой я пришел. Зная свои тропинки лучше, чем люди Бонгу, они хотели сократить путь, но этот новый путь оказался круче и неудобнее, чем тот, по которому мы шли вчера.

В одном месте, около плантации, вдоль тропинки лежал толстый ствол упавшего дерева, диаметром по крайней мере в метр. На стороне, обращенной к деревне, были вырублены несколько иероглифических фигур, подобных тем, которые я видел в русле реки на саговом стволе, но здешние иероглифы гораздо старше.

Эти фигуры на деревьях, как и изображения в Бонгу и на пирогах Били-Били, заслуживают внимания, потому что они представляют собою не что иное, как первые проявления письменности, первые шаги в изобретении так называемого идеографического письма. Человек, рисовавший углем, краской или вырубавший топором свои фигуры, хотел выразить известную мысль, изобразить какой-нибудь факт. Эти фигуры не служат уже простым орнаментом, а имеют абстрактное значение; так, например, в Били-Били изображение процессии для приготовления к празднеству было сделано в воспоминание об окончании постройки пироги. Знаки на деревьях имеют очень грубые формы, состоят из нескольких линий; их значение, вероятно, понятно только для

вырубавшего их и для тех, которым он объяснял смысл своих иероглифов.

Мы подошли к тому самому месту, где вчера начали восхождение к Теньгум-Мана. У последнего уступа, в несколько десятков футов вышиной, оказалась прогалина, и вид на реку был очень живописен. Я остановился, чтобы отдохнуть и сделать набросок местности, сказав людям, чтобы они сошли вниз к реке и там ждали меня.

Папуасы сошли вниз и расположились на отдых разнообразными группами. Всего их было восемнадцать человек. Одни из них лежали на теплом песке, другие, сложив принесенные головни, сидели у костра и курили, третьи жевали бетель. Некоторые, наклонившись к реке, пили мутную воду. Многие, не расставаясь со своим оружием, стояли на больших камнях, опираясь на колья. Они, как часовые, зорко осматривали противоположный берег. Я узнал потом, что жители Теньгум-Мана находятся во вражде и ведут войну с жителями Гадаби-Мана; поэтому они все были вооружены и настороже.

Я так загляделся на окружающую картину, что позабыл рисовать; притом мой неискусный карандаш мог бы воспроизвести лишь неполно и бледно картину этой своеобразной местности и ее жителей. Я сошел к реке, как вчера разделся, и мы отправились вниз по ее руслу. Солнце сильно пекло, и камни, по которым пришлось идти, поранили мне ноги до крови.

Две сцены оживили нашу персправу. Один из туземцев, заметив гревшуюся на солнце ящерицу и зная, что я собираю различных животных, подкрался к ней, затем с криком бросился на нее, но

она улизнула. Человек десять пустилось ее преследовать, она металась между камнями, туземцы преследовали ее с удивительной ловкостью и проворством, несмотря на все препятствия, ношу и оружие. Наконец ящерица скрылась между камнями под камышом, но и здесь туземцы отыскали ее. В один миг камыш был выдернут, камни расбросаны, и земля быстро раскопана руками. Один туземец схватил ящерицу за шею и подал ее мне. Кроме платка у меня не нашлось ничего, чтобы спрятать ее; пока ее завязывали, она успела укусить одного из туземцев так, что показалась кровь, но улизнуть она не могла.

При переходе через один из рукавов реки туземцы заметили множество маленьких рыбок, быстро скользивших между камнями; мои спутники схватили камни, и в один миг десятки их полетели в воду, часто попадая в цель. Убитые и пораненные рыбки были собраны, завернуты в листья и сохранены на ужин.

Сегодня пришлось идти вниз по реке дальше чем вчера, так как я хотел попасть прямо домой, а не в Бонгу или в Горенду. Придя, наконец, домой, часам к четырем, я застал Ульсона бледным и шатающимся. У него было два пароксизма лихорадки, так как он не во-время принял хину.

Пришли еще жители Горенду и их гости из Били-Били. Около моей хижины расположились, болтая, человек сорок туземцев. Раздав табаку и по куску красной материи моим проводникам, я дал, как обещал, одному из них за свинью зеркало, две бутылки и несколько больших гвоздей и отпустил их, очень довольных, обратно в Теньгум. Сам же, не

евши в течение десяти часов, с удовольствием выпил чаю без сахара, с вареным аяном.

31 марта

Отнес сегодня свиного мяса в подарок жителям Горенду. Свинья из Тенгум-Мана была слишком велика для нас с Ульсоном, и я, не желая возиться с солением и следуя местному обычаю, решил отдать половину знакомым в Горенду и Бонгу. Подарок произвел большой эффект в Бонгу, и хотя я принес свинину только трем из жителей, но сейчас же были созваны женщины со всех трех площадок, чтобы вместе чистить и готовить аян и бау.

Обратил внимание на приготовление папуасского кушанья — «кале», которое видел в первый раз. Оно состояло из наскобленного и слегка поджаренного кокосового ореха, растертого с бау или аяном, из чего выходит довольно вкусное тесто.

Детей здесь рано приучают помогать в хозяйстве. Смешно видеть, как ребенок полутора или двух лет тащит к костру большое полено, а затем бежит к матери пососать грудь.

Апрель 1872 года

Маб. — Стреляющее «табу». — Личинки и флейта. — Островитяне. — Первая тыква. — Пир в лесу.

3 апреля

Погода меняется, частые штили, слабый ветер иногда с юго-востока, пасмурно.

Мое помещение так мало, что, если не соблюдать самый строгий порядок и не аккуратно каждый день ставить и класть все на место, — положительно негде было бы сидеть.

7 апреля

Дождь лил всю ночь и все утро и наполнил 480 делений моего дождемера.

8 апреля

Зайдя в Горенду, я сидел в ожидании ужина на барле. От нечего делать взял в руки лежавшую на земле стрелу и вынул нож, чтобы заострить обломанный конец стрелы; туземцам эта операция, производимая кремнем, не очень легка и отнимает много времени.

Стоящий около меня Вангум объяснил, что стрела сломалась, будучи пущена в маба. Я спросил,

убит ли маб; Вангум ответил, что маб жив и находится в соседней хижине. Я вошел, или, вернее, влез в хижину (так высоки пороги и так малы двери) и в полумраке рассмотрел белую, висящую у потолка массу. Это и был маб.

Животное висело крепко привязанным за хвост головой вниз. Желая рассмотреть маба поближе, я сказал, чтобы его вынесли из хижины. Вангум раковой перерезал лиану, привязанную к хвосту маба. Раненый зверь ухватился передними лапами за бамбук. Вангум ухватил его за хвост обеими руками, но не смог стащить с места, так как маб с огромной силой вонзил свои крепкие острые когти в дерево. Тогда Вангум с силой ударил толстой палкой по передним ногам маба; от боли животное вынуждено было уступить, и его, наконец, стащили вниз. Вангум за хвост выбросил его из хижины. Маб сердито разевал рот при каждом моем движении, показывая свои длинные нижние резцы и серо-красноватый язык, но не пробовал убежать. Он был около полуметра длиной. мех серовато-белого цвета был мягок и густ, но волосы не длинны. Жирное тело не могло держаться на коротких ногах, снабженных длинными согнутыми когтями. Когда, собравшись с духом, маб вздумал бежать, то это не удалось ему на ровной земле. Он сделал несколько неуклюжих движений, остановился и прилег.

Желая приобрести маба, я сейчас же предложил за него нож и спросил, кому принадлежит зверь. Оказалось, что настоящего владельца его не было, потому что он был пойман следующим образом. Утром двое туземцев в одно и то же время заметили зверя, который спускался с дерева почти у самой де-

ревни. Когда они бросились ловить его, испуганный маб, не видя другого спасения, влез быстро на пальму, после чего в ловле приняло участие полдеревни: один выстрелил из лука, ранив животное слегка в шею, другой влез на дерево и сбросил маба, — остальные поймали его уже внизу. Было решено съесть его сообща и уже приготавливали костер, чтобы опалить его густую шерсть.

Мое предложение поэтому очень озадачило туземцев. Каждому хотелось получить нож, но никто не смел сказать: животное мое. Мне отвечали, что дети в Горенду будут плакать, если им не дадут поесть мяса маба. Я объявил поэтому стоящим в ожидании моего решения туземцам, что пусть люди Горенду съедят маба, но что голову его я беру себе. Обрадованные таким оборотом дела, несколько человек бросились помогать мне. Тупым ножом, за неимением другого, перепилил я шею несчастного животного, которое во время этой варварской операции не испустило ни единого звука. Когда я мыл покрытые кровью руки, я вспомнил, что надо было отрезать переднюю и заднюю ноги, но маб был уже на костре, и я должен был удовольствоваться полубугленными конечностями. Я успел спасти еще часть цепкого голого хвоста, который очень похож на длинный палец и покрыт в разных местах роговыми бородавками.

9 апреля

Срисовал морду, ноги и хвост маба и отпрепарировал череп, который несколько отличался от черепов, полученных в Теньгум-Мана; мех у той разновидности был черный с желтоватыми пятнами. Вы-

нул мозг, срисовал его и сделал несколько разрезов. Когда я занимался этим, послышался легкий шорох

Маб (кускус)

Большая ящерица, по крайней мере метра полтора длиной, собирала под верандой обрезки мускулов маба, которые я выбросил, препарируя череп. Пока я схватил заряженное ружье, ящерица, быстро

перебежав площадку перед домом, скрылась в лесу. Я сделал несколько шагов и вдруг услышал странный звук над головой. Высоко в зелени я заметил красивый гребень черного какаду. Он, должно быть, увидел меня и с криком улетел в лес. В то же время я услышал падение ореха кенгара. Обойдя дерево, я увидал другого какаду, который сидел еще выше и молча раскусывал твердую скорлупу ореха. Я рискнул выстрелить, и большая птица, махая одним крылом, упала вниз. Несколько дробинок пробили крыло и череп, глаз был налит кровью. Какаду бился здоровым крылом и рыл клювом землю. Ему попалась бамбуковая палка сантиметра в три толщиной; он схватил ее клювом и изгрыз в щелки. Птица упала, наконец, на спину и открыла широко клюв. Мясистый язык закрывал все отверстие рта, хотя клюв был раскрыт. Язык, как хорошо прилаженный клапан, прижатый к небу, замыкает совершенно рот. Эта способность (вероятно, встречающаяся и у других птиц), несомненно, имеет значение при полете птиц.

Вскоре я принялся за препарировку скелета. Я смерил расстояние между концами крыльев, осторожно отпрепарировал красивый хохол и выдернул большие перья хвоста, которыми туземцы украшают свои гребни. Они, действительно, красивы, черно-матового цвета с голубоватым отливом.

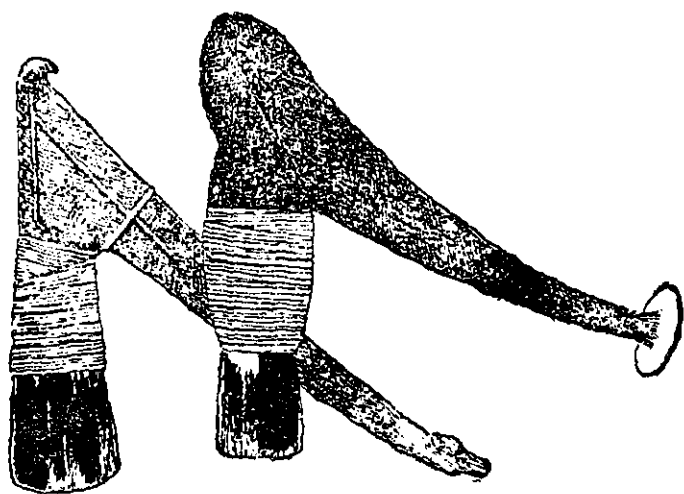
Вес отрезанных мускулов какаду равнялся приблизительно двум фунтам; вес же всей птицы был около четырех с половиной фунтов. Срубленные отрезки мускулов какаду дали нам по чашке (вернее — по кокосовой скорлупе) хорошего бульона.

Я должен сказать, что наша посуда мало-по-малу заменилась более примитивной, которая не так

бьется, как фарфор или фаянс. Я наделал десяток чаш из скорлупы кокосовых орехов, и они заменили нам разбитые тарелки и блюда.

14 апреля

Вчера в Бонгу пришла пирога из Били-Били; сегодня с раннего утра толпа знакомых расположилась перед моей хижиной. Между пришедшими были также четыре человека из деревни Рай. Эта деревня ле-

Каменные топоры новогвинейских папуасов

жит на юго-восточной стороне залива, за рекой, и я в первый раз видел перед собою жителей с того берега. Внешностью и украшениями они не отличаются от здешних.

Мой приятель Каин просил отточить ему маленький топор. Я ему как-то прежде дал обломок железа от сломанного ящичка. Он очень аккуратно сделал ручку топора по образцу обыкновенных ручек каменных топоров, но вместо камня он вложил этот кусок железа и прикрепил его к ручке совершенно так же, как туземцы прикрепляют камень. Он пробо-

вал отточить железо на камне; но это ему не удалось. Вот он и принес свой новый топор ко мне в Гарагасси.

Мои гости сидели долго. Перед уходом люди Би-ли-Били, наслышавшись в Бонгу и в Горенду о моих «табу», которые убивают птиц на высоких деревьях, а могут убивать и людей, — попросили меня показать им «табу» и выстрелить. Люди из Рай-Мана очень боялись и просили не делать этого. Другие, однако, их пристыдили, так что наконец все стали упрашивать меня пострелять, и я согласился.

Я вынес ружье. Тут мои папуасы, как стадо баранов, прижались один к другому. Многие обхватили соседей рукой в ожидании страшного происшествия.

Когда раздался выстрел, они все разом, точно снопы, повалились на землю; ноги их так тряслись, что они даже не могли усидеть на корточках.

Я уже давно опустил ружье и рассматривал группу лежащих, когда некоторые осмелились взглянуть в мою сторону, поднимая немного голову и отнимая руки от ушей, которые они заткнули, как только раздался выстрел. Выражение страха было написано на их лицах: рты полуоткрыты, язык двигается, но еще не может внятно произносить слова, глаза открыты больше обыкновенного. Трясущейся рукой многие из них делали знаки, чтобы я унес страшное оружие.

Выйдя снова из хижины, я застал туземцев в оживленном разговоре. Они передавали один другому свои впечатления и были очень расположены скорее уйти. Я успокоил их, говоря, что ружье мое может быть опасным только для дурных людей, а

для хороших, как они, у меня есть табак, гвозди и прочее.

Если бы я не видел сам, то с трудом мог бы себе представить такой страх от ружейного выстрела у

Папуас из деревни Бонгу, играющий на флейте
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

крепких, взрослых людей. В то же время я заметил, что страх туземцев не продолжителен и что они скоро привыкают к этому эффекту их нервной системы.

Когда они ушли, я отправился с ружьем в лес, где наткнулся на трех туземцев. Один играл на папуасской флейте из простой тоненькой бамбуковой трубки, закрытой с двух концов, но с двумя отвер-

ствиями по бокам, внизу и сверху. Двое других сидели около толстого гнилого лня и прилежно рубили его каменными топорами. Рыхлая гниль так и летела в разные стороны. Из этой массы вываливались белые жирные личинки, которые сотнями пробуравливали лежащий ствол. Папуасы с большим аппетитом жевали и глотали толстые личинки, обеими руками закидывая их в рот. Поев, один снова принимался за флейту — другие за топоры. Они имели очень веселый вид, лакомясь таким образом и снова принимаясь за музыку.

Я заметил, что в разные периоды года у туземцев в ходу различные музыкальные инструменты и что это сопряжено как бы с характером употребляемой пищи. Так, например, «тюмбин» они употребляют, когда едят бау; при аяне он лежит у них без употребления. Когда едят свинью, то трубят в большие бамбуковые трубы, бьют в барум и т. д.

17 апреля

Подходя к Бонгу, я увидел вытащенную на берег большую пирогу, совершенно похожую на те, которые строятся в Били-Били. Она принадлежала жителям Гада-Гада. Увидев меня, они попросили посидеть с ними. Они видели меня в первый раз, но все знали мое имя очень твердо. Между ними и жителями Митебог я встретил людей с очень симпатичными физиономиями. Выражение лица некоторых молодых папуасов было кротко и мягко. Такие лица, если не говорить о цвете кожи, представляли бы исключение даже в так называемой цивилизованной среде. Мои соседи, жители прибрежных деревень, имеют вид гораздо более суровый, и обращение их

не такое предупредительное; вообще, они составляют переход между островитянами и жителями горных деревень.

Когда гости с островов Гада-Гада и Митебог собрались в путь, я заметил, что в числе подарков деревни Бонгу, состоявших из большого количества таро в корзинах, была также пустая бутылка и три гвоздя, как большие ценности. Таким образом вещи европейского происхождения могут странствовать далеко и давать, может быть, повод к неправильным соображениям, предположениям и т. д.

20 апреля

Месяца два тому назад я дал туземцам семена тыквы. Посев принес первые плоды. Туй и Лялу пришли утром, чтобы пригласить меня притти вечером «поесть тыкву»; я был удивлен, что они запомнили это имя, и нашел, что оно вошло в общее употребление.

Отправившись рано в Горенду, я застал Бонема с другим туземцем за работой — они делали парус пироги. Работа была не хитрая: между двумя шестью были протянуты довольно часто тонкие растительные шнуры; один туземец обломком раковины резал в длину листья пандануса, отдирая колючий край листьев и вырезая среднюю жилу, так что из каждого листа получались две длинные полоски, которые переплетались между натянутыми шнурами. Я присел к этой группе. Скоро пришло еще несколько человек из лесу с длинными шестью. Шесть были прямые, и все ветви и веточки с них были тщательно устранены. Кора была стянута с палок очень искусно, вся зараз, затем снова вывернута, ос-

вобождена от верхней кожицы и разбита на плоском камне ударами толстой короткой палки. Двое воодушевляли работающих заунывными звуками тюмбина.

Оказалось, что Туй пригласил меня, чтобы я показал, как следует есть тыкву, так как это была первая, которую им случилось видеть. Я разрезал ее и положил в горшок с водой, где она скоро сварилась. Туземцы обступили меня, желая посмотреть, как я буду ее есть. Хотя я и не люблю тыкву, но решил показать, что ем ее с аппетитом, чтобы и туземцы попробовали ее без предубеждения. Новое кушанье все-таки показалось им чем-то особенным, и, наконец, они порешили есть его с наскобленным кокосовым орехом. В этом виде они скоро уничтожили всю тыкву.

22 апреля

Всю ночь из Бонгу слышались удары барума. Около полудня пришли несколько туземцев с приглашением итти с ними поесть свињи и послушать их пение. Не желая нарушать хорошие отношения, я пошел с ними.

В деревне не было ни одного мужчины — одни женщины и дети; зато на площадке, в лесу, я был встречен продолжительным завыванием со всех сторон, после чего все разом стали звать меня присесть к ним. Я выбрал место, немного в стороне, чтобы лучше видеть происходящее. Человек десять были заняты приготовлением еды, несколько туземцев образовали в другом углу группу, усердно занятую жеванием и процеживанием кэу, действие которого уже заметно было на многих физиономиях; боль-

шинство сидело, ничего не делая, и вело оживленный разговор, причем я часто слышал имя «Анут» и «тамо-Анут».¹ Про них мои соседи рассказывали, что они хотят напасть на мою хижину, слышав, что у меня много ножей, топоров и красных «маль», а что нас всего двое: я и Ульсон.

Я думаю, что если это случится, то не без согласия моих знакомых из Бонгу или Гумбу, которые будут весьма не прочь разделить с теми людьми добычу. Я счел поэтому уместным обратить все это в шутку и прибавил, что не мне будет худо, а тем, которые придут в Гарагасси. Затем я переменял разговор, спросив, не пойдет ли кто со мною в Енглам-Мана. Мне ответили, что Бонгу с Енглам-Мана не в хороших отношениях и что если пойдут туда, то будут убиты, но что жителям Гумбу туда идти можно.

Когда кушанье было готово и разложено по порциям, один из туземцев побежал в деревню, и мы скоро услышали удары барума. При этом все бывшие на площадке стали кричать изо всех сил, другие принялись трубить. Шум был оглушающий и доставлял туземцам заметное удовольствие.

На некоторых влияние кэу было хорошо заметно. Они плохо стояли на ногах, язык не слушался их, а руки тряслись. Лицо их выражало состояние, которое немцы называют Katzenjammer.

По случаю пира головы и лица туземцев раскрашены; у одних вся голова была намазана черной, у других красной краской; у третьих голова была

---

¹ В точности я не мог определить, где живут эти люди Анут; мне известно только, что где-то за рекою около Маррагум-Мана, и составляют не одну, а много деревень. *Примечание Миклухо-Маклая.*

красная с черным бордюром, у иных черная с красным бордюром; только у стариков ни лица, ни головы не были раскрашены. Вообще старики употребляют только черную краску для волос и лица и почти не носят никаких украшений на шее.

24 апреля

Вечером был в Горенду. Инго нарисовал мне в записную книжку фигуры разных животных и людей. Я удивлялся твердости руки при употреблении совершенно нового для него инструмента, как карандаш.

Я воспользовался приходом четырех туземцев, чтобы поднять свою шлюпку выше на берег, чем прежде; для этого надо было снести вниз толстое бревно и подложить под киль. Я и Ульсон с большим усилием пронесли его шагов двадцать, и потом, донеся до берега, я сказал, что теперь его можно катить по песку, но туземцы, очень удивленные нашей силой, хотели показать свою: все четверо приступили к бревну, подняли с большим трудом и, крича и пыхтя, почти бегом донесли его до шлюпки. Так поступают они при каждом случае, где требуется сильное напряжение: они бросаются с криком и азартом, воодушевляя друг друга восклицаниями, и, действительно, успевают сделать то, что навряд ли бы могли сделать, действуя молча и медленно.

Май 1872 года

Похороны в Гумбу. — Военная игра. — Поминки. — «Человек с луны». — Экскурсия в Енглам-Мана.

2 мая

Много посетителей: из Енглам-Мана человек пятнадцать или двадцать, из Ямбомбы, Тути, Били-Били и других деревень.

Очень болит нога. Я поранил ее как-то, и теперь, вследствие небрежного ухода, маленькие ранки стали большими, так что я не могу ходить. Из Горенду принесли мне роскошный ужин: вареное таро, печеный хлебный плод, затем саго с натертым кокосовым орехом.

10 мая

Нарывы на ноге еще не прошли; не мог с ними нянчиться, так как приходится ежедневно ходить на охоту, чтобы не голодать. Сегодня в Горенду туземцы серьезно попросили меня прекратить дождь. На мой ответ, что сделать этого я не могу, они все хором заявили, что могу, но не хочу.

13 мая

При восходе солнца из Горенду донесся звук барума, но не такой громкий и продолжительный, как обыкновенно. Пришедший Туй сказал мне, что барум

был слышен по случаю смерти одного из жителей Гумбу и что жители Горенду и Бонгу отправляются в Гумбу. Я поспешил напиться кофе и пойти туда же. Дорогой встретил целую вереницу туземцев, вооруженных копьями, луками и стрелами. Завидя меня, все они остановились, чтобы пропустить меня вперед. Когда они узнали, что и я иду в Гумбу, было заметно, что они сразу не могли решить, что им делать: отговаривать меня или нет. После общего совещания они предпочли молчать.

Выйдя к морю, мы догнали целую толпу женщин; многие шли с грудными детьми в мешках или на плечах, смотря по возрасту. У входа в деревню все остановились; мне сказали, что женщины должны пройти вперед; мы пропустили их и скоро услышали их плач и вой. Когда я подошел к первым хижинам, меня предупредил один из спутников, чтобы я был осторожнее, так как в меня может попасть стрела или копье. Не понимая, в чем дело, я отправился далее. Действительно, с площадки, окруженной хижинами, неслись громкие крики.

Мои спутники, держа в левой руке лук и стрелы, а копье наперевес в правой, беглым шагом поспешили на площадку и выстроились в ряд против группы туземцев, находившихся там. Между обеими, одна против другой стоявшими шеренгами нападающих и защищающихся выступил один из жителей Гумбу, кажется, родственник умершего. Он ораторствовал очень громко, подкрепляя свои слова энергичными движениями, кидаясь в разные стороны и угрожая наступающим своим копьем. В общем обе группы действовали больше гортанью и языком, чем луками и копьями. Некоторые пускали свои стрелы,

очевидно стараясь не задеть никого. Смотря на эту военную игру, я любовался красивым сложением папуасов и грациозными движениями их гибкого тела. На меня оглядывались с удивлением, как на непрошенного гостя.

Наконец, набегавшись и накричавшись, все воины уселись в несколько рядов на площадке; за ними расположились женщины с детьми. Стали курить и не так громко, как обыкновенно, разговаривать. Несколько человек занялись приготовлением гроба. Принесли отрезки листьев разных пальм и сшили их лианами; получилось два длинных куска. Эти куски были положены крест-на-крест и снова скреплены посредине, затем концы загнуты так, что вышла большая коробка в один метр высотой. Чтобы стенки не распадались, коробка была обвязана в нескольких местах лианами. Туземцы не спешили, курили и разговаривали вполголоса; вой в хижине покойника то усиливался, то стихал.

Немного в стороне варился в большом горшке бау; когда он сварился, его положили на листья, связали в пакет и повесили на дерево около хижины, у дверей которой висела убитая собака. Мне объяснили, что эту собаку будут есть гости, присутствующие при погребении. Несколько человек вошли в хижину умершего и скоро показались в дверях, неся покойника в сидячем положении, так что его подбородок касался колен; лицо смотрело вниз, рук не было видно; они находились между туловищем и согнутыми ногами. Все тело было обвязано поясом. Трое туземцев несли умершего; две женщины — мать и жена умершего — замыкали шествие, придерживая концы пояса, который обхватывал

тело покойника. Обе они были измазаны черной краской, очень небрежно, пятнами. На них не было никаких украшений и даже обыкновенная, весьма приличная по своей длине юбка их была заменена сегодня очень незначительным поясом, от которого висели спереди и сзади обрывки бахромы — также черной, — которые едва покрывали тело. Все показывало, что они умышленно нарядились так, чтобы показать, что не имели ни времени, ни желания заняться своим костюмом. Обе они плаксивым голосом тянули печальную песню.

Когда покойник показался у дверей, все присутствовавшие смолкли, встали и хранили молчание до конца. Покойника опустили в гроб, стоявший посредине площадки; голову покрыли «тельруном» (мешком, в котором женщины носят детей) и потом, пригнув боковые стенки коробки, связали их над головой так, что коробка приняла форму трехсторонней пирамиды; затем обвязали тщательно лианами и привязали верхний конец к толстому шесту. Во время этой операции несколько туземцев выступили из рядов и положили около коробки с телом несколько сухих кокосовых орехов и новый, недавно выкрашенный пояс. Двое туземцев взяли концы шеста, к которому был привязан сверток с покойником, на плечи и понесли обратно в хижину; третий взял кокосы и пояс и последовал за ними. Этим церемония кончилась. Присутствовавшие разобрали свое оружие и стали расходиться. Я пошел в хижину посмотреть, куда положат тело.

В хижине шест с гробом подняли на верхние перекладины под крышей, и пирамидальная коробка закачалась посреди опустевшей хижины.

Возвращаясь домой, я догнал туземцев; человек сорок зашли ко мне в Гарагасси поболтать о покойнике, покурить, попросить перьев и разбитого стекла для бритья.

17 мая

Несмотря на головную боль и головокружение я решил не откладывать моей экскурсии в Енглам-Мана и итти вечером в Гумбу, а оттуда, на следующее утро, направиться в Енглам-Мана. Приняв на всякий случай хины, я отправился в Гумбу, сопровождаемый тремя мальчиками из этой деревни, которые несли нужные для экскурсии вещи.

При входе в Гумбу меня ожидала молодежь. С криками: «Маклай гена!» (Маклай идет), «Еме-ме!» — они выхватили мои вещи у мальчиков и проводили меня до площадки, где я нашел целое собрание, занятое ужином. «Тамо» — взрослые мужчины — сидели на барле, «маласи» — молодежь — на земле около хижин. Сегодня был ужин в память умершего. Ели свинью, но одни только тамо; маласи же довольствовались одним бау. Как «тамо-боро» (большому человеку) и как гостю — мне предложили большой табир с таро и с большим куском свинины. Немного в стороне, на цыновке, около костра, лежал Кум и просил меня помочь ему; он жаловался на сильную боль в боку и животе. Я дал ему несколько капель опия, и на другой день Кум прославлял мое лекарство.

После ужина около меня собралась вся деревня. Мы сидели в совершенной темноте. Костра не было, а луна восходила поздно. Меня расспрашивали о России, о домах, свиньях, деревьях. Перешли потом к

луне, и я понял, что мои папуасы считали, что луна — это и есть Россия. Они хотели знать, есть ли на луне женщины, сколько у меня там жен; спрашивали о звездах и допытывались, на каких именно я бывал. Каждое мое слово выслушивали с большим вниманием.

Стало холодно и сыро, и я пошел спать. Несколько человек проводили меня в обширную буамрамру, принадлежавшую Алуму, одному из туземцев, который должен был идти со мною.

Я встал часов в пять, и около семи мы собрались в путь. Солнце уже поднялось довольно высоко. Сперва лесом, потом между высокими бамбуками и открытым полем, поросшим густым унаном, мы пришли к реке Габенеу, которая в этом месте оказалась широкой и очень быстрой. Вода точно кипела; я сошел в нее и только с помощью туземцев, которые окружали меня, мог перебраться на другую сторону. Течение было так сильно, что удержаться на ногах почти не было возможности. Потом я оделся, и мы вошли в лес, где прохлада была очень приятна.

Когда мы идем под солнцем, я натираю себе затылок, уши, нос и щеки глицериновым желе. Эту операцию я повторяю раза два или три, как только чувствую, что кожа высыхает; без глицерина, какого-нибудь другого масла или жира действие солнечного жара на кожу может быть серьезным и по меньшей мере неприятным.

Перейдя невысокий гребень холмов, местами покрытых лесом, местами унаном, часа через два ходьбы от реки Габенеу мы подошли к песчаному берегу небольшой речки Альгумбу, протекавшей между кра-

сивыми лесистыми холмами. Берег в одном месте представлял длинную песчаную полосу, и моим спутникам вздумалось попробовать здесь свое искусство стрельбы из лука. Для этого они сняли с плеч свои ноши и один за другим пустили стрелы, натянув сколько было силы тетиву своих луков. Я смерил шагами расстояние до упавших на песок стрел и получил 46, 47, 48 шагов, но на этом крайнем расстоянии стрела уже совсем теряла свою силу и только едва втыкалась в песок. Шагах в двадцати — двадцати пяти эти стрелы могут нанести серьезную рану. Замечу, что между моими спутниками не было ни одного тамо, а только мальчики и молодые люди четырнадцати — двадцати пяти лет.

Мы расположились отдохнуть около речки. Я взял с собой остатки от вчерашнего ужина, чтобы было чем закусить в дороге, и предложил часть моим спутникам, но они все отказались под предлогом, что с этим таро варилась свинья, которую ели только тамо, почему маласи не могут его касаться, а если они это сделают, то заболеют. Это мне было сказано вполне серьезно, с полной верой в то, что это так, и я снова убедился, уже не в первый раз, что понятие «табу» существует здесь, как и в Полинезии.

Отсюда началась самая трудная часть дороги: почти все в гору и большей частью вдоль открытых склонов, на которых рос высокий унан, коловший и резавший мне лицо и шею своими верхушками. Туземцы, чтобы защитить свое далеко не нежное тело от царапин унана, держали перед собой ветви в виде щитов. Тропинки не было видно. Одни ноги чувствовали ее, не встречая препятствия для движе-

ния. Пропустив человека, унан снова замыкал тропинку.

Солнце давало себя мучительно чувствовать. На значительной высоте, там, где уже начались плантации Енглам-Мана, открылась далекая панорама; были видны несколько островов у мыса Дюперре. Берег от Гумбу далеко простирался на северо-восток, и, кроме реки и речки, через которые мы перешли, виднелись еще две, одна небольшая, а другая не меньше реки Габенеу.

Пока я записывал и рисовал, мои спутники усердно кричали, чтобы вызвать кого-нибудь из плантаций. Наконец, в ответ на их зов послышались женские голоса. Мои спутники, как это бывало и раньше, обступили меня, так что собравшимся женщинам меня не было видно. Когда последние подошли, спутники мои расступились, и женщины, прежде никогда не видавшие белого, остановились передо мною как вкопанные. Они не могли ни говорить, ни кричать; наконец, опомнившись, с криком стремглав кинулись вниз при страшном хохоте моих проводников. Младшая из женщин, вздумавшая оглянуться, оступилась при этом и растянулась, к счастью для нее, на мягком унанае. Мои спутники сказали ей что-то вслед, что заставило ее взвизгнуть, быстро вскочить и последовать за остальными. Мы поднялись к небольшому леску; Обор сломал ветку, прошептал что-то над ней и, зайдя за спину каждого из нас, поплевал и ударил раза два веткой по спине, затем, изломав ветку на мелкие кусочки, спрятал их в лесу между хворостом и сухими листьями.

Не умея добывать огонь, туземцы ходят, как я уже не раз говорил, с головнями, особенно отпра-

вляясь в далекие экскурсии. Так было и сегодня: двое из моих спутников запаслись огнем, но, узнав, что я могу добыть его, как только они этого пожелают, очень обрадовались и бросили лишнюю ношу. При остановках мне, к величайшему удовольствию сопровождавших меня туземцев, уже случалось зажигать спички и давать им возможность разводить маленький огонек, чтобы высушить табак и зеленый лист, в который они его завертывают. Здесь я доставил им в третий раз удовольствие посмотреть на вспыхивающую спичку и покурить.

Крики моих проводников были услышаны жителями Енглам-Мана, которые, завидя меня, тотчас же умилили скорость шагов и не без робости подошли к нам. После обычных приветствий, жевания бетеля и курения мы двинулись дальше. Тропинка обратилась в лестницу, состоявшую из камней и корней. Местами она была так крута, что даже туземцы сочли нужным вбить между камнями колья, чтобы дать ноге возможность найти опору. В местах, где положительно нельзя было пройти, были построены из бамбука узкие мостики. Вдоль обрывистой стены надо было переставлять одну ногу за другой, чтобы не свалиться. Разрушив немногие искусственные приспособления, деревню можно было в полчаса сделать с этой стороны почти недоступной.

Я был рад добраться, наконец, до деревни. Отдохнув немного, я отправился, сопровождаемый целой процессией, по деревне. Хижины здесь были так же малы, как в Теньгум и Колику-Мана, и вообще деревня эта, как и другие горные, грязнее прибрежных. Зная, что я интересуюсь «телумами», меня зазывали во многие хижины. Везде, где только я

останавливался, мне приносили орехи арековой пальмы, которыми Теньгум и Енглам-Мана изобилуют.

Солнце уже садилось. Я выбрал место близ огня и принялся за ужин. Скоро все мужское население Енглам-Мана собралось около меня и моих спутников. Последние много рассказывали обо мне и даже такие пустые мелочи, которые я сам давно забыл. Разумеется, все было очень искажено, преувеличено, пройдя целый ряд рассказчиков и пересказчиков. Особенно много говорили о луне, где я раньше жил, о воде, которую я мог заставлять гореть, о чудесном стреляющем „табу“ и т. д. и т. д. Мне стало ясно, что папуасы считают меня совершенно необыкновенным существом.

19 мая

Посредственно проспав ночь, я проснулся рано, еще перед рассветом. Решил измерить при помощи аппарата Реньо высоту Енглам-Мана над уровнем моря. Я опасался, как бы туземцы не испугались сложных манипуляций и не приняли мои инструменты за колдовские принадлежности, которые могут повредить им. Поэтому я придумал несложную хитрость.

Вставая, я стал кряхтеть и потирать себе ногу, и когда туземцы спросили меня, что со мной, я ответил, что нога очень болит. Мои вчерашние спутники стали также охать и повторять: «самба-борле» — нога болит. Я посидел, как бы что обдумывая; затем встал, говоря:

— У Маклая есть хорошая вода, — потереть ногу — все пройдет.

Все туземцы поднялись с нар, посмотреть, что будет. Я достал мой гипсотермометр, налил из принесенной склянки воды, зажег лампочку, приладил на известной высоте термометр, сделал наблюдение, записал температуру и, сказав, что мне надо еще воды, сделал опять наблюдение и, записав снова температуру, слил оставшуюся воду в стакан и уложил весь аппарат в мешок. Видя, что публики набралось очень много, я снял носок и усердно начал вытирать ногу, поливая ее водой; затем я снова улегся, сказав, что скоро боль пройдет. Все присели, чтобы посмотреть на чудо исцеления, и вполголоса стали говорить о нем. Минут через десять я начал шевелить ногой, попробовал ступить на нее и, сперва хромя, уложил все вещи, а затем вышел из хижины, уже совсем здоровым. Велико было удивление туземцев, видевших чудо и отправившихся рассказывать о нем по деревне.

Туземец горной деревни Енглам-
Мана

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

Это скоро привлекло ко мне разных больных, ожидавших быстрого исцеления от моей воды. Я показал им пустую склянку и сказал, что воды больше нет, но что в Гарагасси я могу найти для них лекарство.

Хижина, в которой я провел ночь, стояла позади других, на небольшой возвышенности, состоящей из голой скалы, и не отличалась постройкой от прочих. Размерами своими она была даже меньше многих других хижин; зато по обеим сторонам узкой и низкой двери, походившей больше на окно, стояло несколько телумов. Некоторые из них были в рост человека. Над дверью и под крышей висели кости казуара, черепах, собак, свиней, перья птиц, кожа ящериц, клювы наренга,¹ зубы разных животных и т. п. Все это вместе с телумами, серой старой крышей, обросшей травой, придавало хижине особый характер. Между четырьмя телумами один был наиболее интересен: он был самый большой и держал обеими руками перед грудью длинную доску, покрытую неправильными нарезками, похожими на какие-то иероглифы, почти потерявшие, впрочем, от ветхости свои контуры. Внутренность хижины отличалась от прочих: над нарами был устроен потолок из расщепленного бамбука, — там хранились разные музыкальные инструменты, употребляемые только во время праздника «ай». Между прочим, мне показали с таинственностью, говоря при этом шопотом, большую деревянную маску с вырезанными отверстиями для глаз и рта, кото-

---

¹ Наренг (Vicerog) — птица-носорог. У нее длинный очень толстый, согнутый клюв с несколькими роговыми наростами. *Ред.*

рая надевалась во время специальных пиршеств; ее название здесь «аин», и это была первая, которую мне пришлось видеть.

Не успел я кончить эскиз хижины и выпить чаю, как пошел дождь, который постепенно так усилился, что идти сегодня домой оказывалось неудобным. Пришлось вернуться под крышу. Имея достаточно времени, я сделал с помощью камеры-люциды портрет одного из туземцев с очень типичной физиономией.

Жители Енглам-Мана очень различного роста, цветом светлее прибрежных, но зато между ними встречаются чаще некрасивые лица, чем среди береговых папуасов.

Я узнал, что жители соседней деревни Самбуль-Мана, лежащей на северо-восток от Енглам-Мана, получив известие о моем приходе сюда, явятся познакомиться со мною. Действительно, когда дождь немного перестал, на площадку пришли люди из Самбуль-Мана. Я вышел к ним, пожал каждому руку и указал место полукругом около меня. Когда я смотрел на кого-либо из них, он быстро отворачивался или смотрел в сторону до тех пор, пока я не отводил глаз на другое лицо или на другой предмет. Тогда он, в свою очередь, начинал рассматривать меня, оглядывая с ног до головы. Меня усердно угощали бетелем; я не чувствую отвращения к нему, но не люблю его, главным образом потому, что вкус его остается во рту очень долго и изменяет вкус всех других съестных продуктов.

Люди из Самбуль-Мана во всем схожи с жителями Енглам и Теньгум-Мана. Наречие Енглам-Мана

немного отличается от наречия Самбуль и Теньгум-Мана. Я собрал ряд слов всех трех диалектов.

После непродолжительного отдыха я совершил прогулку в лес; нашел тропинки хуже вчерашних. Видел несколько новых для меня птиц, не встречающихся внизу. После дождя в лесу раздавалось немало птичьих голосов; почти все были мне не знакомы; я убежден, что орнитологическая фауна гор значительно разнится от береговой. Голод вернул меня в деревню.

Один из первых попавшихся мне навстречу туземцев спросил меня, ем ли я кур. Я ответил утвердительно. Тогда принесли двух кур и при мне разложили им головы о дерево; затем, вместо ощипывания, опалили или сожгли перья; принесли также несколько связок таро и стали его чистить. Все это были приношения отдельных личностей; меня угощала целая деревня.

Один из туземцев, чистивших таро, попросил у меня для этого нож, но он действовал им хуже и медленнее, резая слишком глубоко, а под конец даже обрезался. После этого двое туземцев принялись за изготовление бамбуковых ножей. Принесли кусок старого бамбука, каменным топором обрубив оба конца и затем раскололи на тонкие длинные пластинки, которые потом согрели на угольном огне. От этого пластинки стали такими твердыми, что ими можно было резать не только мягкие таро и ямс,¹ но также мясо и даже волосы. Пример этого я увидел здесь же: один из туземцев, нечаянно попав ногой в лужу, обрызгал грязью волосы дру-

¹ Ямс — растение, на корнях которого образуются содержащие крахмал съедобные клубни. *Ред.*

того; тогда первый взял один из бамбуковых ножей и стал отрезать большие пучки волос, забрызганные грязью. Дело не обошлось без гримас сидящего, но редким ножом можно резать столько волос зараз, как этой бамбуковой пластинкой. Здесь же я видел, как такой же деревянной бритвой выбрили голову девочки. Это было сделано весьма искусно и успешно, без всякой боли для пациентки.

Туземцы положительно ходили за мною по пятам, целой толпой сопровождая меня всюду, то умильно улыбаясь, когда я глядел на кого-нибудь из них, то без оглядки убегая при первом моем взгляде. Такая свита везде и повсюду весьма утомительна, особенно, когда не можешь говорить с ними и объявить им вежливо, что постоянное присутствие их надоедает.

По случаю дождя все в деревне рано улеглись спать, и я могу записать эти заметки, сидя один у костра.

20 мая

Встав до рассвета, я один отправился бродить по деревне и в окрестностях ее, чтобы найти удобное место с обширным видом на горы кругом. Высокие цепи их, одна выше другой, покрытые зеленью до вершин, очень манили меня. Были бы там деревни, я, во всяком случае, скоро отправился бы туда, переходя от одной в другую, все выше и выше. Но высокие горы не населены; я сперва не верил этому, но сегодня убедился: нигде в горах, выше Енглам-Мана, нет и признаков жилья.

Позавтракав, я стал торопить туземцев к уходу. Человек двенадцать захотели итти со мной: одни,

чтоб нести мои вещи, другие — свинью, подарок туземцев, третьи — ради прогулки. Один из них, старик лет под шестьдесят, усердно обмахивал себе шею, спину и ноги зеленой веткой, что-то нашептывая. На мой вопрос, для чего это он делает, он мне объяснил, что дорога длинна и что для этого нужно иметь хорошие ноги; чтобы иметь их, — он и делает это. Отдав ветку одному из моих спутников, он сказал несколько слов, после чего и этот стал делать то же самое. Принесли горшок с вареным таро; когда его содержимое было разложено по табирам для моих проводников из Гумбу и моих новых спутников из Енглам-Мана, то один из туземцев взял тлеющую головню и, подержав ее над каждым блюдом, проговорил короткую речь, высказав пожелание, чтобы мы благополучно вернулись домой и чтобы с нами не случилось какого-нибудь несчастья.

Вследствие дождя дорога стала очень неудобна, но спускаться все-таки было легче, чем подниматься. Мы часто останавливались, чтобы партия женщин Гумбу, возвращавшаяся вместе с нами из Енглам-Мана, могла следовать за нами. Кроме грудного ребенка, почти у каждой лежал на спине громадный мешок с провизией, подарок жителей Енглам-Мана; мужья же их несли одно только свое оружие.

Я вернулся в Гарагасси не ранее пяти часов после слишком восьмичасовой ходьбы.

25 мая

Старый Бугай из Горенду пришел в Гарагасси с людьми из Марагум-Мана, с которыми Горенду и соседние деревни заключили мир. Бугай с жаром

Папуас из деревни Марагум-Мана.
Его волосы облеплены глиной и выкрашены.

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

рассказывал четверем пришедшим о могуществе моего страшного оружия, называемого туземцами «табу».

Пока мы говорили тихо, прилетел большой черный какаду и стал угощаться орехами кенгара, как раз над моей хижинкой. Раздался выстрел, птица свалилась, а мои туземцы обратились в бегство. Торжествующий Бугай, и сам не мало струхнувший, вернул их, уверяя, что Маклай человек хороший и им дурного ничего не сделает. Вернувшиеся туземцы, попросив спрятать «табу» в дом, подошли к убитой птице, заахали и стали очень спешно прищелкивать языками. Я подарил им перья из хвоста какаду, которыми они остались очень довольны, и несколько больших гвоздей. Жители Марагум-Мана не знали, что делать с гвоздями, вертели их в руках, ударяя один о другой, и прислушивались к звуку, пока Бугай не рассказал им о значении гвоздей и о той многосторонней пользе, которую туземцы уже умеют извлекать из железных инструментов. После этих объяснений Марагум-Мана-тамо завернули гвозди в старый маль, род папуасской тапы.

Вздумал пригласить жителей Горенду есть у меня свинью, подаренную мне в Енглам-Мана. Ульсон стал готовить суп и, отправившись за водою, оставил в кухне несколько кусков мяса. Пока он ходил туда, я заметил большую ящерицу, пробирающуюся с большим куском мяса из кухонного шалаша. Незначительный щорох заставил ее бросить добычу и скрыться. Наконец, мои гости пришли и пробыли до пяти часов. Они даже принесли с собою кэу, одним словом, распорядились у меня

в Гарагасси как у себя дома. Мы расстались большими друзьями.

27 мая

Полагая, что мне удастся добыть вчерашнюю большую ящерицу, я снова положил несколько кусков мяса в кухню и велел Ульсону не входить туда. Действительно, через полчаса ожидания я заметил ящерицу; она осторожно пробиралась между хворостом. Не желая раздробить кости дробью, я взял револьвер и убил ее. Длина ее туловища была больше метра. Пришедшие туземцы очень упрашивали меня дать им шкуру легуана. Они обтягивают ею свои «окамы» (небольшие барабаны). Мясо ящерицы также очень ценится.

Июнь — июль 1872 года

Домашний кускус. — Сбор орехов кенгара. — Дети папуасов. — Наренг. — Охота на диких свиней. — Соль из пепла. —
Падение деревьев.

1 июня

Небольшой кускус, которого я приобрел несколько недель тому назад, живет и растет у меня отлично. Ест все: рис, аян, бау, кокосовые орехи, сладкий картофель и очень любит бананы. В продолжение дня спит, обыкновенно свернувшись, но все-таки ест, если ему что дадут; ночью же немилосердно грызет дерево ящика, куда я его сажаю.

2 июня

Приходили туземцы с просьбой указать им место, где находятся их три большие «ненира» (корзины для рыбной ловли), которые были снесены в море несмотря на якоря; они были крайне разочарованы, услышав, что я не знаю, где они находятся.

Зайдя в Горенду, я был окружен женщинами, просившими меня дать имя родившейся день или два тому назад девочке. Я назвал несколько европейских имен, между которыми имя Мария им понравилось более всех. Все повторяли его, и мне бы-

ла показана маленькая обладательница этого имени. Очень светлый цвет кожи удивил меня; волосы также не были еще курчавыми.

8 июня

Туземцы начинают собирать орехи кенгара. Несколько человек влезает на дерево и сбрасывают ветки с множеством орехов; под деревом место очищено от мелких кустарников, и женщины и дети собирают сброшенные орехи. Так как черные какаду питаются в это время исключительно кенгаром и уничтожают в день значительное количество его, то месяца уже три или четыре мне приходится часенъко слушать крики папуасов, которые ежедневно приходят под деревья спугивать какаду. Эти крики часто в последнее время нарушают тишину леса.

18 июня

Убив голубя и какаду на моем дереве, я позволил Дигу влезть на него за орехами. На высокий гладкий толстый ствол Дигу влез так же, как туземцы влезают на кокосовые пальмы, то есть при помощи связанной веревки, которую надевают себе на ноги. Он взобрался на самый верх и стал кидать оттуда орехи. Я, Ульсон и восьмилетняя дочь Буа подбирали их. В результате оказалось, что маленькая девочка собрала больше, чем мы оба вместе, так хороши были ее глаза и так ловко, несмотря на голое тело, она пролезала везде, даже между самыми колючими лианами и хворостом.

Довольно характерная черта туземцев та, что они очень любят поучать других. Если кто-нибудь делает что-либо не так, как они, туземцы сейчас же

останавливают и показывают, как нужно делать. Это заметно даже в детях; много раз маленькие дети лет шести или семи показывали мне, как они делают то или другое. Это происходит оттого, что родители очень рано приучают детей к практической жизни, так что, будучи еще совсем маленькими, они уже присмотрелись и даже научились более или менее всем искусствам и действиям взрослых, даже и таким, которые вовсе не подходят к их возрасту. Дети мало играют; игра мальчиков состоит в метании палок наподобие копий, в стрельбе из лука, и как только они делают небольшие успехи, то применяют их к практической жизни. Я видел, как мальчики, очень небольшие, проводили целые часы у моря, стараясь попасть из лука в какую-нибудь рыбу. То же самое бывает и с девочками, и даже в большей степени, потому что они раньше начинают заниматься хозяйством и делаются помощницами своих матерей.

Погода великолепная, купаюсь в море несколько раз в день, по вечерам не хочется входить в хижину. Температура, однако, не превышает 31°.

19 июня

Между многочисленными птицами самым заметным после черного какаду является наренг (Viscos) не только по своей величине, большому, много загнутому клюву, но и по шуму полета, который слышится уже издали. Наренги летают очень высоко, обыкновенно парами, садятся на вершины самых высоких деревьев и при малейшем шуме улетают. Несмотря на все старания мне не удалось пока застрелить ни одного.

Наренг (птица-носорог)

Сегодня в продолжение по крайней мере трех часов я провозился с одним из них. Выстрелив в него, но очень мелкой дробью, и ранив его, вероятно, незначительно, я стал следить за ним далее в лесу. Снова выстрелил и, по всему вероятно, опять-таки попал, так как наренг не улетел, а только перелетел на соседнее, более высокое дерево. Заметив себе это место, я вернулся позавтракать и снова возвратился туда, где оставил птицу. Пробираясь в лесу, попал в такую труппу, что был сам не рад. Десятки тонких лиан, гибкие, колючие хвосты-пальцы тростника, цепляющиеся за платье, царапающие лицо, сбрасывающие шляпу, задержали меня минут на десять. Это было тем более досадно, что птица оказалась все еще на дереве. Выбравшись, наконец, из чащи, я приблизился к дереву, так что наренг увидел меня, но все-таки остался на месте, стал кричать очень громко, точно протестуя против преследования, и бить одним крылом; другое висело без движения. Он, однако, попытался, продолжая кричать, влезть выше. Густые листья скрыли его из виду, но я мог слышать иногда его голос. Явился другой наренг и с криком стал летать, описывая большие круги над деревом, где сидел его раненый товарищ. Исколотые ноги, солнце, особенно же муравьи обратили мое пребывание под деревом в добровольную пытку. Дерево было высокое, и, для того чтобы следить за движениями птицы, приходилось смотреть постоянно вверх. Через полчаса шейные мускулы очень устали; глаза, которым плохо от солнца и от освещенных листьев, почти отказывались служить; но я все-таки сидел и ждал. Наренг не показывался, но откликался на постоян-

ный крик товарища, который в сотне шагов перелетал с дерева на дерево. Головокружение и головная боль заставили меня, наконец, вернуться домой. Проспав около часа, я вернулся обратно. Раненый все еще находился там, но товарищ его улетел при моем приближении.

21 июня

Проходя недалеко от дерева, где два дня тому назад я оставил раненого наренга сидящим высоко на дереве, а другого — летающим около него, я подошел к тому месту и, к удивлению моему, увидел обеих птиц в том же положении, как и 48 часов тому назад.

22 июня

В Горенду Туй строит новую хижину с помощью людей Горенду, Гумбу и Бонгу, за что угощает их по вечерам. По случаю постройки несколько раз слышался барум.

29 июня

Около четырех часов был довольно сильный шквал с дождем, затем прояснило, ветер спал, и я сидел на веранде, рисуя кое-что. Вдруг мне почудилось, что большое дерево напротив как будто покачнулось; следующая мысль была, что я, вероятно, дремлю и вижу это во сне; не успел я додумать, быстрее чем я теперь это записываю, громадное дерево сначала медленно, затем быстрее и быстрее склонилось, рухнуло и легло не более как шагах в двух от хижины, перпендикулярно к ее фасаду или веранде. Дерево было совсем зеленое и каза-

лось совершенно здоровым, только в месте перелома, метрах в двух от земли, оно было почти что проедено личинками разных жуков. Вышина дерева оказалась 26 футов, и если бы оно свалилось на хижину, то проломил бы крышу, могло бы переломать много вещей и, пожалуй, ранить одного из нас. Сегодня я поверил предостережению туземцев, что деревья в Гарагасси могут убить меня. Особенно странно было то обстоятельство, что, когда это случилось, ветра уже почти не было.

30 июня

В последнее время туземцы часто говорили мне: — Завтра будут жечь унан; много будет там диких свиней и других животных, Маклай пойдет со своим «табу» бить свиней, мы же придем с нашими копьями, луками и стрелами.

Но это «завтра» все откладывалось, а сегодня в деревне меня снова уверили, что завтра непременно будут жечь унан, и некоторые заявили, что придут за мною около полудня. Увидим.

1 июля

Не было еще одиннадцати часов, я и не думал собираться на новую для меня охоту, как вдруг послышались приближающиеся голоса и затем скоро явилось несколько жителей Бонгу в полном воинском убранстве, с туго натянутыми луками и множеством вновь заостренных стрел разного рода. Каждый имел по два копья, концы которых были натерты красной краской, как бы уже покрыты кровью; кроме развевающихся на голове перьев, в волосах туземцев красовались алые цветы китай-

ской розы; за «сагю» были заткнуты ветки с красно-желтоватыми и темнокрасными листьями. При каждом движении все эти украшения развевались и производили блестящий, своеобразный эффект.

Пришедшие за мною объявили, что унан уже горит и что следует идти немедленно. Накинув на себя охотничью сбрую и захватив кое-что на завтрак, я отправился, сопровождаемый пестрой свитой.

Пройдя ближайшей тропинкой лес и подходя к опушке, я услышал шум, похожий на плеск водопада, масса воды которого то увеличивается, то уменьшается. Выйдя из леса, я увидел в сотне шагов, у самой земли, полосу огня, которая удалялась от нас, оставляя по себе черные обгорелые следы унана и груды легкого пепла. Столбы дыма поднимались около Горенду, далеко на юго-запад, у самого края, около Бонгу, и с другой стороны, на восток на Гумбу, около берега реки Габенеу.

Пожар только еще начинался, и мы расположились в тени, у опушки леса. Я принялся завтракать, туземцы курить и жевать бетель. Через три четверти часа огонь отодвинулся от опушки приблизительно на полмили. Северо-западный ветер гнал дым в противоположную от нас сторону. Мы пошли по сожженной поляне и подошли шагов на десять к линии огня. Каждый из нас избрал себе кочку для наблюдения; таким образом, параллельно огневой линии, образовалась цепь охотников, следящих за движением пламени и готовых напасть на добычу. Пожар то увеличивался, то уменьшался; по временам целая стена буро-белого дыма поднималась к небу, и пламя большими языками несло по вет-

ру; порою же пламя почти потухало, пелена дыма разрывалась, открывая вид далеких гор и ближайшего леса. Вдруг неожиданно дым столбом поднимался вновь, двигался, ложился, и пламя тонкими змейками вилось над почерневшей землей.

Туземцы стояли в воинственных позах. Каждый держал наготове лук и стрелы в левой руке, а в согнутой правой — копье, над плечом наперевес, острием вперед. Каждый внимательно следил за движением пламени, желая первым открыть неприятеля. Несколько мальчиков, лет десяти—одиннадцати, с миниатюрными луками и копьями, также стояли немного поодаль от отцов и служили живым примером тому, как наука папуасской жизни передается из поколения в поколение.

Сухой унан трещал, вспыхивал, падал; иногда порыв ветра гнал массу дыма на нас; легкий пепел травы влетал нам в нос и рот, заставляя чихать и кашлять. Иногда огонь, точно недоумевая, кидался в разные стороны, возвращался назад и прибавлял духоту к жаре уже и без того палящего солнца.

Очень утомившись, я положительно заснул бы стоя, если бы, по мере удаления огня, голос соседнего часового не напоминал мне, что надо идти вперед.

После томительных двух часов мы дошли до противоположной стороны. Наша линия сошлась с встречной линией; взоры туземцев, внимательно исследуя почерневшую поляну, ничего не находили, и когда последние стебли вспыхнули и потом мелким дождем пепла разлетелись по воздуху, я услышал от ближайшего охотника неутешительное «буль-арен» (свиньи нет). Мы сошли со своих ко-

чек; несколько жителей Гумбу, образовавших противоположную линию, тоже заявили, что ничего не видали. Я остановил одного из них, за спиной которого, привязанное к копью, висело новое для меня животное, похожее на большую крысу. Туземцы называют его «габенеу». Я занялся рассмотрением его: волосы были интересны тем, что походили на плоские иглы, хотя и эластичные. Они были отчасти опалены так же, как и ноги и морда, а высунутый язык немного обуглен. Животное, вероятно, задохнулось от дыма. Я рассматривал его острые зубы, как вдруг крик отошедших в сторону туземцев: «Буль-буль!» — заставил меня оглянуться.

В сотне шагов, лавируя между многочисленными копьями, которые со всех сторон вонзались в землю, бежала большая свинья. Я выхватил двуствольное ружье из рук туземца, который держал его, пока я рассматривал новое для меня животное. Пустив свинью шагов на двадцать, я выстрелил. Пуля пробила ей грудь, но ниже сердца. Свинья пошатнулась, однако кинулась в сторону и пробежала мимо меня. Я снова прицелился и раздробил ей заднюю ногу. Свинья остановилась на несколько секунд, но, видя мое наступательное движение, снова отбежала на несколько шагов. Вынув револьвер, я стал подходить. Животное, поднимая верхнюю губу и показывая почтенные клыки, издавало глухое рычание. С каждым выстрелом я подходил ближе и остановился шагах в шести от свиньи, которая свалилась на сторону, но иногда все еще приподнималась и показывала клыки. Подбежавшие туземцы не дали мне времени выстрелить: один копьем пробил ей бок; другое копьё пролетело мимо, а из трех

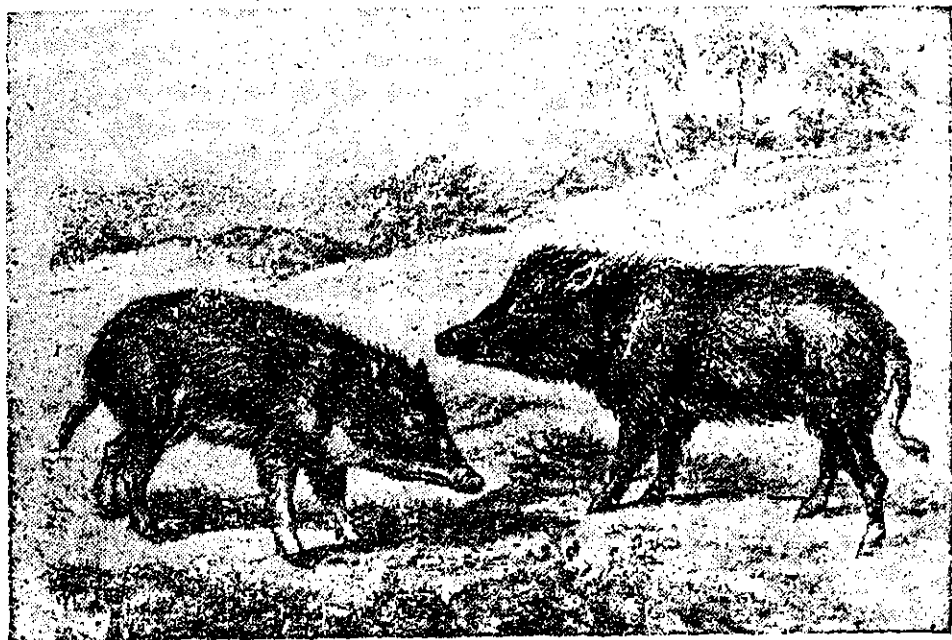
стрел одна («палом», с широким, плоским бамбуковым концом) вонзилась в шею животного. Свинья имела еще настолько силы, что несколькими движениями освободилась от копья и стрелы, конец которой остался в ране. Желая покончить с нею, я подошел с противоположной стороны, хотя охотники и кричали мне, чтобы я не подходил, и, выбрав момент, вонзил свой длинный нож по рукоятку ей в бок, немного позади передней конечности. Струя теплой крови покрыла мою руку, и животное окончательно свалилось.

Окружившие нас туземцы единогласно объявили свинью моей и стали расхваливать мое «табу» и меня самого. Далекие крики возвестили о том, что можно рассчитывать еще на добычу. Я снова зарядил ружье. Охотники, один за другим, удалились, раздраженные первой неудачей. Я же, найдя удобную кочку, сел и стал ожидать. Вдали слышались крики: «Буль-буль, буль!» Голоса издали призывали меня. Затем туземцы вернулись и рассказали мне, что там было еще две свиньи, но они ушли, потому что не было меня и моего табу. Партия людей Бонгу пришла объявить, что они убили одну свинью, но что при этом Саул, которого она повалила, был так ею искусан, что бок, рука, голова и глаз были все в крови, когда его отвели в Бонгу. В свою очередь, мои спутники рассказали о наших похождениях, о «табу» и о большом «буль» Ма-кляя.

Мы отправились к убитому животному, и на вопрос, куда его нести, я сказал, что беру голову и заднюю ногу себе, а прочее отдаю людям Бонгу, что, оставив ружье дома, я пойду в Бонгу перева-

вать раненого Саула и что приглашаю всех ко мне покурить моего табаку. Все остались довольны, и мы двинулись вперед длинной процессией.

Я поспешил в Бонгу к раненому. Меня встретили плачущие женщины и сын Саула. Кроме множества мелких ран, оказались две глубокие на руке. одна

Новогвинейские дикie свѣиьнѣ

сбоку живота, несколько других около глаза, на лбу, за ухом на шее, но все это были только царапины. Запекшаяся кровь с пеплом и грязью придавала жалкий вид раненому, который, размахивая здоровой рукой, рассказывал окружающим, как он вонзил свое копьѣ в смертельно-раненую свинью, как та внезапным движением переломила копьѣ и сшибла его самого с ног, как, поранив его, свинья пробовала бежать, но издохла. Его товарищи, думая, что Саул справится один со свиньей, которая

уже была сильно поранена, занялись другой и не видели происшедшей с ним катастрофы.

Я потребовал воды, нагрел ее, обмыл раны, затем перевязал их, смазав карболовым маслом. Присутствующие внимательно следили за моими движениями, повторяя, что я хороший человек.

Солнце стояло низко, когда я пришел в Горенду, где между тем борову опалили волосы и ждали меня, чтобы я взял свою часть. Я отрезал голову и заднюю ногу и, несмотря на приглашение ночевать — или, вернее, провести с туземцами бессонную ночь, — взвалил на плечо добычу сегодняшнего дня и отправился домой. Ноша была, однако, так тяжела, что пришлось отдыхать раза два. В восьмом часу я сел покойно в свое кресло обедать, очень голодный, так как целый день почти был на ногах и мало ел.

Удары в барум в Горенду возвестили начало «ай» в соседних деревнях, который должен был продолжаться всю ночь и весь завтрашний день. Лунная ночь была тиха, и звуки труб и других инструментов доносились очень внятно.

4 июля

Туземцы окрестных деревень снова заняты выжиганием травы и охотой, от которой я сегодня отказался.

Хотел сделать портрет папуаса Налая, но он и другие около него стоявшие туземцы заявили, что, если я сниму с него портрет, он скоро умрет. Странное дело, что и в Европе существует подобное же поверье.

5 июля

Прибирал и чистил вещи в хижине; если бы по временам не делать этого, то трудно было бы войти в мою келью в семь квадратных футов.

Был снова в Бонгу у раненого. Около нас собралось целое общество, но каждый был чем-нибудь занят: один кончал новую «удя-саб» и скреб ее раковиной, другой такой же раковиной заострял концы своего «юра», третий ножом, полученным от меня, строгал конец своего копья, сломанного во время последней охоты. Когда я собрался идти, Бугай, один из жителей Горенду, также поднялся, чтобы идти со мною.

У берега моря Бугай подошел к дымящемуся толстому стволу, прибитому давным-давно приливом. К моему удивлению он стал с большим аппетитом глотать целые пригоршни золы.

Не понимая, что это за особенное дерево, я также попробовал золу, и она оказалась приятно соленого вкуса. Этот ствол, долго носимый волнами, источенный морскими животными, вобрал в себя такое количество соли, что зола его отчасти может заменить обыкновенную соль.

Бугай сказал мне, что золу эту многие едят с бау, аяном и другими кушаньями. Для меня это очень полезное открытие; моя соль уже совсем на исходе, и я все ем без соли, исключая мяса.

Я обратил внимание на «донган», заткнутый за браслет Бугая; он был сделан из кости животного, которого я еще здесь не видел. Он называется туземцами «тиболь» и водится в лесах, но встречается также на полянах унана. По словам туземцев,

тиболь имеет длинный толстый хвост и высоко прыгает.

Повидимому, это кенгуру.

19 июля

Несколько туземцев приехали в Гарагасси на своих пирогах; некоторые по обыкновению уселись у самой лестницы, ведущей к моей веранде. Болтали об охоте, просили перьев и т. д.

Вдруг один из них, точно ужаленный, в два прыжка соскочил с лестницы с криками:

— Маклай, гена, гена! (Маклай, иди, иди сюда!)

Остальные последовали его примеру. Не понимая, в чем дело, я спросил туземцев, но не успел получить ответа, как над головой, на крыше, услышал сильный удар, и столб пыли ослепил меня. Дождь сучьев разной толщины падал на землю у самой веранды. Некоторые из них были достаточно толсты, для того, чтобы, упав с высоты 70—80 футов, серьезно ранить человека. Оказалось, что Буа, соскочивший первым, услышал над головой легкий треск и, зная, что он мог значить, поднял тревогу. Туземцы очень боятся падения деревьев и сухих сучьев, которые, падая, могут причинить смерть или опасную рану. Уже давно они находят положение моей хижины в Гарагасси не безопасным и весьма часто предлагают или переселиться в Горенду или Бонгу, или построить новую хижину на другом месте. Отчасти они совершенно правы, но возня, сопряженная с постройкой и переселением, так неудобна для меня, что, полагаясь на «авось», я продолжаю жить здесь.

20 июля

Рассматривая мой метеорологический журнал за десять месяцев, можно удивиться замечательному постоянству температуры: редко бывает в тени 32° , большей частью 29 или 30° ; ночью на семь или восемь, очень редко на десять градусов холоднее дневного максимума. Притом здесь нет, собственно, дождливого времени года: дождь распределен довольно равномерно на каждый месяц. Несмотря на приятный климат, одно скверно — лихорадка.

Август — сентябрь 1872 года

Папуасы просят остаться у них навсегда.—Первый кенгуру.—Оплакивание свиьи.—Поездка в Тиару.—Годовщина жизни на Новой Гвинее.—Трудности и лишения.

1 августа

Сидел дома и писал антропологические заметки о туземцах, которые намерен послать академику Бэру. Пришло большое число жителей окрестных деревень, одни только «тамо-боро», с весьма странною просьбой: они хотят, чтобы я навсегда остался с ними, взял одну, двух, трех или сколько пожелаю жен и не думал бы уезжать снова в Россию или куда-нибудь в другое место. Они говорили очень серьезно, один за другим повторяя то же самое. Видно было, что они пришли с этим предложением после долгих общих совещаний. Я им отвечал, что, если я и уеду (в чем я несколько не был, однако, уверен), то вернусь опять, а что жен мне не нужно, так как женщины слишком много говорят и вообще шумливы, и что этого Маклай не любит. Это их не очень удовлетворило, но они остались, во всяком случае, довольны табаком, который я роздал членам депутации.

Вот уже месяцев шесть, как Ульсон и я каждый вечер кладем на костер большое бревно, чтобы поддержать огонь до следующего утра, так как приходится быть экономным со спичками и не дойти до необходимости бегать в Горенду в случае, если костер погаснет. Иногда мы заменяем обыкновенное дерево обрубком, пролежавшим долго в морской воде, и совершенно по-папуасски собираем белый пепел, который и употребляем как соль. Чтобы выпаривать морскую воду на огне, нужно слишком много дерева, а для добывания соли посредством испарения на солнце у меня не найдется достаточно большого и плоского сосуда.

Я, впрочем, легко и скоро отвык от соли и не замечаю никакого вреда от ее недостатка.

3 августа

Утром на охоте, когда я шел по тропинке около плантации, шорох между сухими листьями заставил меня остановиться. Прислушиваясь к шуму, я заметил шагах в двадцати между деревьями, около сухого пня, небольшое животное. Это был небольшой кенгуру, рыжевато-серого цвета, которого туземцы называют «тиболь». Я выстрелил и ранил животное, так что его не трудно было словить. Обрадованный своей добычей, я вернулся немедленно домой, забыв, что не застрелил ничего для завтрака или обеда, но мне было не до того, чтобы думать об этом. Вот уже около года, как я здесь, и это был первый экземпляр тиболя, который мне удалось добыть.

8 августа

Я сидел в Горенду, куда пришел за аяном, и разговаривал с окружавшими меня туземцами, как

вдруг раздались пронзительные вопли и причитания, совершенно подобные тем, которые я слышал в Гумбу при похоронах. Голос был женский; скоро показалась и сама плачущая; обеими руками она закрывала глаза и утирала слезы, шла медленно и крикливо нараспев голосила какие-то слова; немного поодаль за ней следовали несколько женщин и детей, также понуря голову, но молча. Я спросил:

— О чем плачет и кричит Кололь?

Оказалось, что ночью издохла большая свинья плачущей, желая пробраться между кольями забора в огород. Кололь отправилась к себе в хижину и продолжала голосить, как о покойнике. Такая привязанность женщин к свиньям может быть отчасти объяснена тем, что в этих странах некоторые женщины кормят поросят грудью. Так было и в настоящем случае. Когда я, смеясь, заметил, что свиней много, она отвечала, указывая на грудь, что она сама вскормила эту.

Подобные сцены случаются здесь в деревнях нередко; при каждой неудаче, потере, смерти обязанность женщин кричать, выть, плакать. Мужчины ходят молча, насупясь, а женщины воют.

Двое туземцев принесли издохшую свинью. Она была назначена Аселем, которому принадлежала, в подарок людям Бонгу. Ее и понесли туда. Такие обоюдные подарки одной деревни другой — здесь общее правило. При отправке свиньи из Горенду ударили в барум. Около получаса спустя послышался барум в Бонгу, означающий получение свиньи и начало «ая».

10 августа

Вчера вечером собрался в Били-Били, завязав обе двери веревкой и белой ниткой, которой опутал их, как паутиной.

Ночью ветер был слаб; зыбь, однако, значительная; к рассвету, после небольшого шквала с дождем, совсем заштило. Через час грёбли, очень утомительной по случаю штиля и солнечного жара, мы подошли близко к Били-Били. Туземцы толпою шли вдоль берега, распевая песни, в которые часто вплетали мое имя. Несколько пирог выехало к нам навстречу, и жители Били-Били, стараясь говорить на диалекте Бонгу, который я понимаю, наперерыв уверяли меня, что они очень рады моему приезду.

Красивый островок с густою растительностью, толпа туземцев, разукрашенных цветами и листьями, пироги вокруг шлюпки, песни, громкий разговор, шутки и крики туземцев, все это живо напоминало мне описание островитян Тихого океана первыми мореплавателями.

11 августа

Собирался отправиться в Тиару (остров и деревня того же имени); но так как дует свежий норд-норд-вест и на море сильная зыбь, то туземцы просят подождать хорошей погоды. Этот ветер, дующий с открытого моря, сопровождается обычно значительной зыбью и называется у туземцев «карог». Вест-вест-норд — также очень обыкновенный здесь ветер, но он не сопровождается сильным волнением, ибо дует с берега; он называется «яварь».

Исходил остров по всем направлениям; на берегу нашел раковину.

12 августа

Ветер все еще силен для туземцев; просят подождать. Мне все равно, так как везде и всегда работа у меня под рукою, только гляди — узнавай, рисуй и записывай; материал неистощим.

С утра почти вся мужская молодежь отправлялась на четырех пирогах на особенный пир, или, вернее, бал в Богатим (туда им ветер попутный). Физиономии молодых людей, которых я знал хорошо, были так разрисованы, что я должен был пристально вглядываться в знакомые лица, чтобы распознать их; до такой степени обыкновенное выражение и черты лица изменялись несколькими цветными узорами. Отправляясь, совсем готовые, к своим пирогам, туземцы в угоду мне произвели на отлогом, сыром (был отлив) песчаном берегу репетицию пляски, которую должны будут исполнять вечером в Богатим. При этом они держали в зубах свои «сари», представлявшие курьезно украшенные белыми раковинами языки. В левой руке у них было по небольшому барабану, в который они ударяли правой. При пляске, состоявшей из плавных движений, они не только пели, но и ударяли в барабан, который то опускали к земле, то поднимали над головой. Пляска была в высшей степени оригинальна.

13 августа

Проснувшись ночью и видя, что погода хорошая, оделся, зажег фонарь и отправился будить Каина и Гада, с которыми должен был отправиться в Тиару. После нескольких отговорок Каин разбудил Гада; они достали парус и весла. Я перенёс в небольшую пи-

рогу разные вещи для обмена и для подарков и стал ждать у берега моих спутников. Размахивая горящими палками, они принесли мачту, парус и свои по-

Папуас Каин

Рисунок Н. Н. Миклухо-Макля

дарки. Отправляясь в гости, туземцы всегда берут с собою подарки и вещи для обмена, пользуясь при этом тем, в чем они сами имеют избыток.

Луна вышла из-за туч и таинственно проглядывала между пальмами, освещая живописную кар-

тину деревни, спокойного моря и группу работавших у пироги. Я поместился на платформе или на «кобум-барле» по одну сторону мачты со всеми своими вещами; на другой стороне горел небольшой костер в сломанном большом горшке. На носу и на корме в специально устроенных местах поставлены были копья, луки и стрелы обоих туземцев. Один из них поместился впереди платформы, другой на корме, чтобы грести и, кроме того, управлять парусом и рулем. Около трех часов утра все было готово, и пирога, или, на диалекте Били-Били, «кобум», была стащена в море. Вскочив в нее, Каин и Гад принялись грести, так как у берегов ветер был слаб. Я решил, что всего рациональнее для меня продолжать прерванный сон.

Меня разбудил Гад, предупреждая, что я сожгу свой башмак, так как, потянувшись во сне, я положил одну ногу почти на костер. Туземцы попросили у меня табаку, закурили свои сигары и стали расспрашивать меня о России, о людях, живущих не только в России, но на луне и на звездах.

Мы вошли в значительную бухту, представляющую целый архипелаг островков разной величины, — все одинаково образованные поднятым коралловым рифом и покрытые лесом. По мере того как мы подвигались, я записывал имена островков.

Солнце показалось на горизонте и осветило архипелаг, спокойную поверхность бухты и далекие горы. Этой бухте надо будет подыскать имя, так как, хотя каждый островок имеет здесь свое название, бухта именуется туземцами просто морем. Мы обогнули три небольших острова; на одном росли кокосовые пальмы и были расположены план-

тации жителей деревни Гада-Гада; пять или шесть других островов — необитаемы. В глубине, на юг, находится устье значительной речки. Продолжая плыть дальше, мы обогнули средний из трех необитаемых островов и увидели, наконец, цель нашей экскурсии — остров Тиару. Группа кокосовых пальм и вытащенные на берег пироги означали, что здесь пристань деревни.

Мои спутники принарядились, надели новые пояса, взбили большими гребнями волосы и принялись усердно грести. Можно было различить толпу собравшихся тиарцев, которые, завидя пирогу из Били-Били, вышли к берегу. Многие громко звали меня по имени. Подойдя к песчаному берегу, пирога была разом вытащена высоко на песок целой толпой туземцев. Я сошел с платформы и, раздав окружающим нас жителям Тиары мои вещи, отправился в деревню, где нам указали большую хижину, в которой и были поставлены привезенные мною столик и складная скамейка.

Среди обступивших меня туземцев я узнал троих, которые были в Гарагасси месяца два тому назад. Имена их занесены в мою записную книжку. Взяв ее из кармана, я нашел страницу и прочел громко их имена. Очень удивленные и вместе с тем обрадованные, они, один за другим, по мере того как я произносил их имена, подходили ко мне и по моему знаку усаживались у моих ног, потом целый день они почти не отходили от меня, стараясь услужить мне, чем и как могли. Каин и Гад также почти не покидали меня.

Я роздал около полуфунта табаку, нарезанного небольшими пачками; это хватило только пожи-

лым — из молодых его получили лишь немногие, преимущественно обладающие более красивыми физиономиями. Пока они курили, я занялся рисованием хижин, которые, как и многие в Били-Били, были построены на столбах более метра вышиной, но, как и вообще все папуасские хижины, состояли преимущественно из крыш. Я обошел затем всю деревню; она была не мала, но не представляла той чистоты и уютности, как деревни моих соседей.

Вернувшись к прежнему месту, я застал туземцев, готовящих нам обед. За розданный табак жители Тиары принесли мне по стреле, от которых я не отказался, — они были очень красиво вырезаны. Я обратил здесь внимание на особенную породу собак из Кар-Кара, отличную от распространенной на материке Новой Гвинеи. Собаки из Кар-Кара имеют толстое, удлиненное туловище, сравнительно очень короткие ноги и толстую морду.

После обеда я обошел остров и сделал эскиз архипелага, записав при этом более тридцати названий.

Наш «кобум» был уже нагружен и готов к обратному пути. Все население деревни высыпало на берег посмотреть на наш отъезд. Наша пирога оказалась очень нагруженной подарками разного рода, предназначенными тиарцами для моих спутников. Около острова Григера навстречу нам выехала пирога, и несколько человек усердно просили меня заехать к ним. Я не согласился, так как было поздно, а на завтра я желал вернуться в Гарагасси.

14 августа

Утром, когда я собирался в путь, вернулась пирога с молодежью из Богатим. У всех был очень

Папуас с острова Били-Били
Рисунок Н. Н. Микл, хо-Макля

усталый вид. На прощанье, желая подарить туземцам что-нибудь и не имея уже ни кусочка табаку, я придумал очень простое средство дать каждому что-нибудь для него полезное. Я разбил привезенную с холодным чаем бутылку на кусочки, величиною в серебряный четвертак; таких кусочков из одной бутылки вышло несколько сотен. Стекло, будучи для туземцев очень важным материалом (оно служит для бритья, шлифования дерева и резьбы украшений), доставило им огромное удовольствие. Вся деревня, даже женщины и дети собрались около шлюпки, протягивая руки.

Хотя и не было свежего ветра, но он был попутный, и я вернулся в Гарагасси около четырех часов, то есть употребил почти шесть часов для переезда; на путь из Гарагасси в Били-Били потребовалось часов двенадцать.

Дома нашел все в порядке, хотя по разным сообщениям был уверен, что не мало туземцев побывало в Гарагасси во время моего отсутствия; но они не могли удовлетворить свое любопытство, найдя двери опутанными веревкой и ниткой. Вероятно, они думают, что, если дотронуться до веревки у дверей, на них посыплются со всех сторон выстрелы, или, если прикоснуться к нитке, с ними приключится какое-нибудь несчастье.

18 августа

Отправился в Богатим и добрался туда только через шесть часов; сначала дул ровный ветер, а потом только порывами. Подходя к берегу, где я был одиннадцать месяцев тому назад с офицерами «Витязя», я увидел толпу туземцев, которая присела,

когда шлюпка приставала, и оставалась в этом положении до тех пор, пока я не приказал им вытащить ее на берег, что было немедленно исполнено.

Я обошел деревню, которая мне показалась самой большой между всеми расположенными вокруг бухты Астролябии. На большой площадке виднелись еще следы плясок, в которых участвовали жители Били-Били, о чем было сказано выше. Высокая барла была украшена зеленью разного рода, которую еще не успели снять, а кушанья, приготовленные по случаю пиршества, доедались туземцами подогретые еще и сегодня, на третий день после праздника.

19 августа

Утром, при восходе солнца, нарисовал панораму гор юго-восточного берега залива. Я приобрел за нож музыкальный инструмент «орлан-ай». Таинственно обходя задрами хижины, старик Коды-Боро привел меня к небольшой буамрамре, где показал мне «орлан-ай». Когда я согласился дать за него нож, он завернул «ай» в цыновку и с тою же заботливостью, чтобы никто нас не видел, повел меня назад к шлюпке, сам неся тщательно завернутый «орлан-ай», и положил его сам под банки в шлюпку, обложив сверток кокосами, которые уже там лежали.

Когда шлюпку столкнули в море, все туземцы опять присели, пока Ульсон поднимал парус и пока я, сидя у руля, не прокричал им прощального «еа-ба» и «еме-ме». При порядочном ветре я скоро добрался до дома, где все нашел в исправности.

20 августа

Сильная лихорадка.

21 августа

Топором рассек себе колено и довольно глубоко, работая над кое-какими исправлениями хижины. Придется просидеть дома несколько дней.

28 августа

К боли в колене присоединилась лихорадка. Провел три-четыре очень неприятных дня, в течение которых пароксизмы сопровождались сильнейшей головной болью. К довершению удовольствия, приходилось по целым дням слышать стоны Ульсона и причитания его, что мы оба умрем от лихорадки или от голода.

Погода стояла пасмурная, по временам лил дождь и капал мне на стол и на постель.

3 сентября

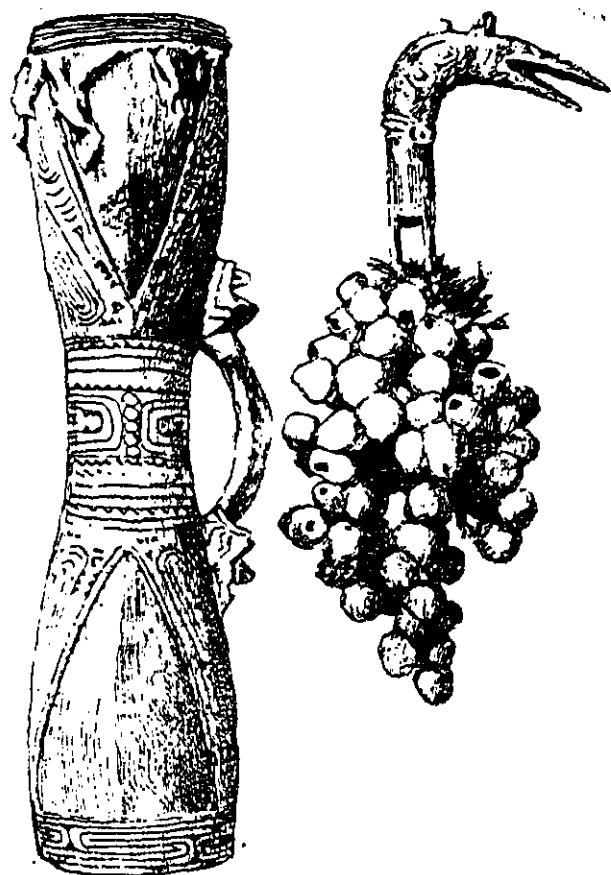
Решил сохранить остатки провизии, бобы и рис исключительно на те дни, когда буду не в состоянии итти на охоту, а Ульсон, также по случаю нездоровья, не сможет итти за провизией в деревню. Вместо бобов и риса мы питаемся ямсом, сладким картофелем и бананами. Иногда, если нет дичи, приходится голодать, и уже не раз я видел во сне, что роскошно обедаю или ужинаю.

5 сентября

Ульсон жалуется на ревматизм во всем теле и опять лежит почти целый день.

6 сентября

Несколько дней, как птиц совсем нет. Черных какаду, которых во всякое время дня можно было застать на деревьях кенгара, более не видно. Ходишь по лесу, прислушиваешься, но даже и голубей не

Музыкальные инструменты папуасов — барабан (слева) и погремушка „орлан-ай“ (справа)

слышно. Появление известных птиц связано натурально с созреванием известных плодов. Это одна из причин скудости птиц в настоящее время. Другая причина, вероятно, рубка леса в местности, где я преимущественно охотился. Жители Бонгу устраивают несколько новых плантаций, для чего вырубают мелкий кустарник и ветви больших деревьев.

Когда весь этот хворост достаточно высохнет, его поджигают, а затем сооружается забор из воткнутых в землю обрезков тростника и расщепленного дерева поваленных стволов.

8 сентября

Сегодня исполнился ровно год, как я вступил на берег Новой Гвинеи. В этот год я подготовил себе почву для многих лет исследования этого интересного острова, достигнув полного доверия туземцев, и, в случае нужды, могу быть уверенным в их помощи. Я готов и рад буду остаться несколько лет на этом берегу.

Но три пункта заставляют меня призадуматься, будет ли это возможно: во-первых, у меня истощается запас хины, во-вторых, я ношу последнюю пару башмаков, и, в-третьих, у меня осталось не более как сотни две пистонов.

15 сентября

Заметил, что два бревна, образующие фундамент хижины, перегнили или съедены насекомыми. Мысль, что каждую минуту пол может провалиться, заставила меня не медля принять меры, чтобы привести хижину в более безопасное положение. Так как Ульсон стонет на своей койке и собирается умирать, то мне самому приходится вырубать новые стойки. Вырубил, но не мог снести их из леса к хижине.

В два часа пошел дождь со шквалом. Небо было обложено со всех сторон. Пришлось вернуться в хижину, и, несмотря на перспективу, что она может рухнуть, я решил, вместо того, чтобы готовить обед,

лечь спать, так как не было шансов, чтобы дождь перестал лить. *Qui dort, dine*,¹ — говорит пословица, но она верна только на один день, потому что, если и на второй не придется пообедать, навряд ли уже удастся заснуть, ибо при сильном голоде спать невозможно. Я уже был близок ко сну, как струйка холодной воды на моем лице из новой щели в крыше заставила меня подняться и принять меры, чтобы моя постель не была совершенно залита. Я прикрепил с помощью палок и шнурков гутаперчевую простыню над головою, так что вода будет теперь стекать по ней, а не падать на подушку.

Я упоминаю о всех этих удовольствиях специально для тех людей, которые воображают, что путешествия — ряд приятных впечатлений, и совершенно забывают обратную сторону медали. Не думаю, чтобы эти господа позавидовали мне сегодня: крайняя усталость, головная боль, сырость кругом, перспектива пролежать голодным всю ночь и возможность провалиться. Бывают, однако, положения и хуже.

28 сентября

Трудно выразимое состояние овладевает иногда мною. Частая лихорадка и, может быть, преобладающая растительная пища ослабили до того мускульную систему, в особенности ног, что взойти на возвышение, даже незначительное, для меня стало трудно, и часто, даже идя по ровной дороге, я еле еле волочу ноги. Хотя к занятиям охота и есть, но здесь я так устаю, как никогда раньше. Не могу

---

¹ Кто спит, тот обедает (франц.).

сказать, чтобы при этом я скверно себя чувствовал; изредка только посещают меня головные боли, но они находятся в связи с лихорадкой и проходят, когда прекращаются пароксизмы. Но я так быстро устаю, что никуда не хожу, кроме как в Горенду или в Бонгу за провизией; а то сижу дома, где работы всегда много. Спокойствие и уединение Гарасси — восхитительны.

На Ульсона наша уединенная, однообразная жизнь производит заметное впечатление. Он стал угрюм и сердится на каждом шагу. Его вздохи, жалобы, монологи так надоели мне, что раз я объявил ему: деревьев кругом много, море в двух шагах; если он действительно так тоскует и находит жизнь здесь такой ужасной, то пусть повесится или бросится в море. Я и не подумаю ему помешать.

Октябрь — декабрь 1872 года

Еще следы «тамо-русс». — Жалкое состояние Ульсона. —
Дожди. — «Биа-Биа». — Прощание с друзьями. — Отъезд.

13 октября

Проведя ночь в Бонгу, я очень рано собрался в путь в Мале. Солнце еще не всходило, и только весьма немногие из жителей были на ногах и грелись у огней. Один из них нашел, что и ему нужно идти в Мале, и предложил отправиться туда вместе. Пошли.

Мы рано пришли в деревню, где меня привели в большую буамрамру и просили остаться непременно ночевать.

Один из туземцев пришел ко мне с жалобой на «тамо-русс» (офицеров или матросов корвета «Витязь»). Он объяснял, что хижина его была заперта и завязана, что тамо-русс открыли двери хижины, влезли в нее и забрали его «окам» (барабан) и что теперь у него «окама» нет, так как их делают только «тамо-Раймана». Он просил меня о возвращении окама или, по крайней мере, об уплате за него. Другой также пристал, уверяя, что тамо-русс подняли его «ненир» (корзина для ловли рыб), вынули рыбу, а, может быть, взяли и ненир или опустили его в не-

хорошем месте, так что после этого он не мог нигде его найти. Третий заявил, что из его хижины тамо-русс взяли очень хорошее копье. Будучи уверен, что это не были выдумки, я счел справедливым удовлетворить их жалобы и обещал вознаградить за вещи, взятые тамо-русс; зная, что окамы туземцами очень ценятся, я обещал дать за него топор; за ненир я предложил нож, а за копье — мне показалось довольно дать три больших гвоздя. Все эти вещи они могут получить в Гарагасси. Мое решение, которого они, кажется, никак не ожидали, произвело громадный восторг, и возгласы: «Маклай — хороший, хороший человек!» слышались со всех сторон. Меня, однако, не мало удивило, что после тринадцати месяцев туземцы еще не забыли все происшедшее во время посещения корвета «Витязь».

Несколько молодых папуасов, сидевших против меня, занимались оригинальной операцией, именно «выкручиванием» себе волос из подбородка, щек, губ и бровей с помощью вдвое сложенного крепкого тонкого шнурка. Они держали шнурки очень близко к коже, причем попадавшиеся волосы вкручивались между обоими шнурками и небольшим движением одной руки выдергивались с корнем. Несмотря на вероятную боль при этой операции, туземцы спокойно продолжали ее в течение двух или трех часов.

16 октября

Одиночество производит на Ульсона странное действие. Я иногда думаю, смотря на него, что его мозг начинает приходить в беспорядок: он по целым часам что-то бормочет, вдруг к чему-то прислуши-

вается, затем снова заговорит. Бесполезно советовать ему чем-нибудь заняться; он убежден, что мы скоро умрем, будем убиты или каким-нибудь другим образом погибнем. Единственно, чем он интересовался и что иногда делал — было приготовление пищи; иногда же он валялся целый день, притворяясь очень больным. Мне этот ленивый трус противен, я почти не говорю с ним и не устаиваю даже приказывать ему; достаточно с моей стороны, что я переносу его присутствие, кормлю и пою его, когда по лени или болезни он не хочет или не может двинуться с места.

Мне много раз случалось долго прислушиваться: вдали точно слышатся человеческие голоса. Слушаешь, слушаешь, звуки немного приближаются — и что же оказывается? Оказывается — муха жужжит (может быть, и не муха, потому что я ее не видал, но жужжит, производя звуки, очень человекоподобные). Не только я и Ульсон ошибались много раз, но и туземцы сами бывают вводимы в заблуждение.

18 октября

Дождь и снова дождь. Течет на стол, на постель и на книги... Положение мое таково: провизия вышла, хина совсем на исходе, капскуль остается около сотни, так что ходить на охоту каждый день не рационально; беру по две каждый раз, но не всегда приносишь двух птиц. Многие препараты пришлось выбросить, новых нельзя сохранять, так как нет спирту; донашиваю последнюю пару башмаков, лихорадка сильно истощает; хижина к тому же приходит в плачевное состояние.

21 октября

Сегодня ночью с треском обрушилась боковая веранда. Думал, что вся хижина валится. Дождь шел весь день, так что поправлять веранду нельзя было и думать. Птиц не было слышно.

22 октября

Утром приходил Туй просить меня прекратить дождь, уверяя, что люди Горенду и Бонгу все сделали, чтобы заговорить дождь, но без успеха. Если Маклай это сделает, то дождь немедленно перестанет.

6 декабря

Я согласился на просьбы туземцев и отправился на «ай» в Бонгу. Приготовление кушаний, жевание кэу, раздирающая уши музыка — прошли своим чередом, и так как я запоздал, то остался ночевать в буамрамре Саула.

7 декабря

Свет утренней зари уже проник в буамрамру, а я еще не подымался. Ночью меня много раз будили музыка и крики, всегда сопровождающие здесь «ай».

— Биа, биа! (огонь, огонь!), — слышалось в некотором расстоянии от буамрамры.

Несколько туземцев вошли очень встревоженные и заявили, что около Кар-Кара виден огонь или дым от огня.

— Так что же? Люди Кар-Кара жгут унан, — сказал я, потягиваясь, но все еще не вставая.

— Нет, это не в Кар-Каре виден дым, а из моря он выходит. Скажи, Маклай, что это такое?

— Я посмотрю, а потом скажу, — отвечал я.

Несколько человек прибежали, крича:

— Маклай, о Маклай, корвета-русс гена; биарамборо! (Маклай, о Маклай, русский корвет идет; дым большой).

Еще не веря новости, я оделся и отправился к морю. При первом взгляде сомнение было невозможно: дым принадлежал большому пароходу, вероятно военному судну, корпуса которого еще не было видно, но можно было заметить, что судно приближается. Во всяком случае, мне надо было отправиться сейчас же в Гарагасси, поднять флаг у хижины, переодеться и отправиться навстречу судну. Какой бы национальности оно ни было, командир его не откажется взять мои письма, уступить мне немного провизии и перевезти больного Ульсона до ближайшего порта, посещаемого европейскими судами. Все это я обдумал, сидя на платформе пироги, которая везла меня из Бонгу в Гарагасси.

Ульсон еще лежал на своей койке и по обыкновению охал, но когда я ему сказал, что мне нужен флаг, что приближается военное судно, я подумал, что человек этот положительно сошел с ума. Он так болтал несвязно и не то плакал, не то смеялся, что я стал опасаться, не случился бы с ним какой-нибудь припадок.

Я поспешил поднять русский флаг на флагштоке, сделанном еще матросами корвета «Витязь». Как только флаг был на месте и легкий ветер развернул его, я заметил сейчас же, что судно, бывшее около островов Ямбомбы, переменяло курс и направилось прямо в Гарагасси.

Я вернулся в мою комнату, хотел переодеться,

но нашел это совершенно лишним. Платье, которое я мог надеть, было во всех отношениях одинаково с тем, которое уже было на мне.

Я сошел вниз к песчаному берегу, и не малого труда стоило мне убедить троих туземцев отправиться со мною навстречу приближающемуся судну. Я уже мог различить русский флаг. Сагам и Дигу гребли очень медленно, следя более за движением судна и беспрестанно прося меня вернуться на берег. На мостике я мог видеть офицеров, смотрящих на меня в бинокль. Наконец, мы были так близки к судну, которое шло теперь малым ходом, что я невооруженным глазом мог различить несколько знакомых лиц между офицерами. Они также узнали меня.

Мое внимание было отвлечено состоянием моих спутников. Вид такого большого количества людей привел их в сильное волнение; когда же по приказанию командира матросы были посланы по реям и когда они прокричали трехкратное «ура», мои папуасы не выдержали, выпрыгнули из пироги и, вынырнув далеко от нее, стали плыть к берегу. Гребки также были захвачены ими или брошены в море. Я остался один в пироге и без гребков. Пришлось кое-как, гребя руками, приблизиться к клиперу и поймать брошенный мне конец. Наконец, я взобрался на палубу, где общая суматоха и множество людей странно подействовали на меня.

Я был встречен командиром клипера «Изумруд», М. Н. Кумани, и офицерами. Все были очень любезны, но говор кругом сильно утомлял меня. Мне было сказано, что клипер был послан генерал-адмиралом и что, между прочим, г. Р. был переведен

с корвета «Витязь» на клипер «Изумруд» специально для того, чтобы указать место, где должны были быть зарыты мои бумаги, так как в Европе распространился слух, что я убит или умер, и даже некоторые офицеры признались, что, увидя человека в европейском платье, выехавшего им навстречу, они думали, что это Ульсон, так как были почти уверены, что не застанут меня в живых. Я попросил командира позволить мне отправиться домой и приехать через несколько часов переговорить с ним.

Приход клипера был так неожидан, что я не составил себе еще плана о том, что надо предпринять. Самым подходящим мне казалось — с помощью людей клипера поправить мою хижину, достать с клипера новый запас провизии и остаться здесь продолжать мои наблюдения, отослав никуда негодного мне Ульсона. Я мог также послать мой дневник и метеорологический журнал Географическому обществу и написать начатое письмо об антропологии папуасов академику Бэру.

К обеду я вернулся на «Изумруд». Командир сказал мне, между прочим, что, по случаю моего не слишком хорошего здоровья, он желал бы, чтобы я уже с сегодняшнего дня поселился на клипере, а перевоз моих вещей из Гарагасси на клипер предоставил бы одному из молодых офицеров. Это предложение показалось мне немного странным.

— А кто вам, Михаил Николаевич, сказал, что я поеду с вами на клипере? Это далеко еще не решено, и так как я полагаю, что вам возможно будет уделить мне немного провизии, взять с собою Ульсона и мои письма до ближайшего порта, то мне всего лучше будет остаться еще здесь, потому что